

ББК 63.3(0)4. УДК 94 Г54

За помощь в осуществлении издания данной книги издательство «Евразия» благодарит *Кипрушкина Вадима Альбертовича*

Научный редактор: к. и. н. *Ермаченко И. О.*

Глогер Бруно

Г54 Император, Бог и дьявол. Фридрих II Гогенштауфен в истории и легенде: Пер. с нем. А. Беленькой.— СПб.: Евразия, 2003.— 288 с. ISBN 5-8071-0117-0

Императорская династия Гогенштауфенов, пожалуй, наиболее ярко олицетворяет собой высокое немецкое средневековье. Однако именно этим монархам в отечественной историографии уделялось явно недостаточное внимание. Образовавшаяся лакуна начала заполняться лишь в последние годы. Но если фигуре Фридриха Барбароссы в последние годы было посвящено достаточно большое количество публикаций, то его внуку Фридриху II Гогенштауфену повезло в этом смысле значительно меньше. Тем не менее, масштаб этой личности сопоставим с такими фигурами как Юлий Цезарь или Карл Великий. Он причудливым образом сочетал в себе черты воинственного рыцаря, искателя приключений и восточного деспота. Это был редкостно образованный для своей эпохи человек, обладавший недюжин-

ным умом и политическим талантом. «Преобразователь мира» и «удивление света», он воплотил в себе все противоречия средневекового мира. Крестоносец, отлученный от церкви, император Священной Римской империи, выступивший против папы, христианин, имевший гарем и принимавший на службу сарацин, Фридрих II был столь же противоречив, сколь и многогранен. Так кем же был Император Фридрих II Гогенштауфен — Богом или Дьяволом?

ББК 63.3(0)4 УДК 94

© Беленькая А.А.,

перевод с нем.. 2003 © Лосев П. П., обложка, 2003 ISBN 5-8071-0117-0

© Издательская группа «Евразия»,

2003

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издательства.....	6
Предисловие.....	11
Священная Римская империя на пороге XIII столетия	18
Дитя Апулии.....	46
«Поповский император».....	58
Снова по ту сторону Альп.....	81
Мятеж короля Генриха (VII).....	117
Триумф в Германии.....	148
Далеким император.....	164
Преобразователь мира?.....	206
«Он жив и все же не живет».....	217
Лже-Фридрихи.....	232
Легенда о Фридрихе с конца XIII столетия.....	240
Легенда Киффхаузена.....	258
Указатель географических названий	271
Именной указатель.....	277

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Императорская династия Гогенштауфенов, пожалуй, наиболее ярко и «классически» олицетворяющая высокое немецкое средневековье, еще недавно была совершенно неудовлетворительно представлена в нашей историко-биографической литературе. Марксистская парадигма понимания роли личности в истории диктовала разную степень схематизма и детализации в описании исторических деятелей, в зависимости от выражения ими тех или иных «классовых интересов». Свою роль, видимо, косвенно сыграл также тот факт (упомянутый, кстати, и в предлагаемой читателю книге), что именем известнейшего представителя династии был назван гитлеровский план войны против СССР. Вектор публичной оценки был задан, превратив Фридриха Барбароссу в фигуру знаковую, причем со знаком отрицания. Так Сергей Ост-ровской в одном из своих стихотворений делал неразделимыми исторический прототип и пропагандистский символ:

Тишину сумрачной повита Статуя из серого гранита. Черными доспехами звеня, Барбаросса смотрит на меня.

Отчего ты, Фридрих Барбаросса, На меня поглядываешь косо?

К кому еще из средневековых иноземных монархов могли быть отнесены подобные строки советского поэта?

Образовавшаяся лакуна, как и многие другие, начала оперативно заполняться в постсоветскую эпоху.

Но если о Фридрихе Барбароссе современный наш читатель уже может получить достаточно разнообразную информацию в

достойной монографической интерпретации и зарубежных, и российских авторов (упомянем хотя бы перевод в 1998 г. труда Марселя Пако), то его внуку Фридриху II — без сомнения, второй по известности фигуре из дома Штауфенов — в этом смысле не везло до сих пор. Тем более что его образ тоже имел отношение, хотя и не столь прямолинейное, к нацистской идеологии (что также не преминул отметить автор представляемой книги).

Масштаб и своеобразие личности Фридриха II и прежде не оспаривался отечественными специалистами — достаточно указать на несколько страниц из популярных «Очерков истории Германии в средние века» А. И. Неусыхина¹. Подчеркивались они и в вузовских учебниках по курсу средневековой истории. Однако один-два абзаца с соответствующими характеристиками («он причудливым образом сочетал в себе черты воинственного рыцаря, искателя приключений и восточного деспота» и т. п.) могли скорее пробудить интерес студентов, чем его удовлетворить. Несколько удачных статей, появившихся в последние годы, носят специализированный характер и не ставят задачи комплексно воссоздать исторический портрет императора, названного современниками «удивлением света». Так что издание на русском языке книги о «втором Фридрихе», принадлежащей перу немецкого историка-популяризатора Бруно Глогера, кажется весьма своевременным. Эта работа была сравнительно ранним опытом восточногерманского автора, снискавшего наибольшую известность именно в историко-биографическом жанре. Его книги о Рихелье и «Великом курфюрсте» Фридрихе Вильгельме Бранденбургском неоднократно переиздавались, в том числе и в уже объединенной

Германии. Однако успех книги о Фридрихе II Гогенштауфене, кажется, так и не был превзойден. Появившись впервые в 1970 г., спустя всего девять лет она выдержала уже семь изданий! Этому, несомненно, в немалой степени способствовал сам главный персонаж.

Конечно, не стоит сбрасывать со счетов и соответствие определенному «социальному заказу»: автор не акцентирует,

¹ Неусыхин А. И. Проблемы европейского феодализма: Избранные труды. М.: Наука, 1974. С. 324-326, 335-336 в очерке «Германия при Фридрихе II Гогенштауфене» (С. 323-343).

но и не скрывает, что его труд — в определенной мере «марксистский ответ» знаменитому сочинению Эрнста Канторовича («Император Фридрих II», 1927), «идеалистически возвеличивающему», по словам Глогера, того же героя. На страницах книги Глогера нередко рассуждения об экономически обусловленных прогрессивных силах, о стремлениях и нуждах «народных масс», так или иначе отраженных в описываемых политических и культурных событиях; и степень, а то и сам факт детерминированности этих событий этими «стремлениями» может сегодня вызывать естественное несогласие (но, впрочем, и актуальный историографический интерес к работе — как к памятнику методологической традиции, еще недавно определявшей развитие и нашей исторической науки). Однако несомненны и достоинства, делающие труд Глогера вполне подходящим для первого знакомства с выдающимся монархом западного средневековья. Прежде всего — тщательный подбор материала и его умелая организация, позволяющая, по отзыву одного из коллег, читать эту историческую биографию, при всей ее серьезности и научности, «почти как детектив». Первыми же главами Глогер погружает читателя в хитросплетения политических интриг, имеющих центром оппозицию двух универсалистских «мировых властей» — империи и папства. Писательский темперамент, владение предметом и несомненная заинтересованность своими героями позволяют автору передать всю меру драматизма, действительно присущего событиям более чем семивековой давности. Сквозь все предсказуемые по времени и месту выхода книги оценочные суждения постоянно «пробивается» «живой» император — человек глубокого ума и больших страстей, неординарная личность, к которой автор явно неравнодушен. Прочная событийная канва в изложении Бруно Глогера позволит любому заинтересовавшемуся иными, более яркими, но и более субъективными (как у того же Э. Канторовича), интерпретациями судьбы «преобразователя мира» делать самостоятельные суждения.

В предложенном Глогером жизнеописании мы не найдем того «светлого тумана» (О. Г. Эксле), который окутывал прошлое в книге Канторовича, видевшего во времени правления Фридриха II эпоху снятия глубинных противоречий немецкой жизни, а в самом императоре — гения, способного инстинктивно подхватить «то общемировое, что он нашел в Германии». «Ренессансных» черт натуры Штауфена, персонифицировавшего для Я. Буркхардта и некоторых других исследователей «прорыв Ренессанса в средневековье», Глогер также касается мельком, хотя и весьма сочувственно. Однако в целом политические перипетии имперского противостояния папству или Ломбардской лиге не заслоняют для автора ни историко-культурных проблем, ни новых возможностей в их изучении. В этом смысле особое место следует отвести заключительным главам книги, посвященным «второй жизни» Фридриха, его посмертному бытованию в качестве фольклорного героя, которое дано на достаточно широком идейном и культурном фоне. Думается, если бы «Фридрих II в истории и легенде» Глогера появился на русском языке сразу после своего выхода в ГДР, он мог бы способствовать гораздо более раннему пробуждению массового внимания к проблемам изучения долговременной историко-культурной рецепции. Избранный Глогером сюжет научно-популярного дискурса, повторяя соответствующий сюжет сугубо специальной полемики, как нельзя лучше демонстрирует необходимость учитывать при таком исследовании собственно средневековую составляющую, а не только сами механизмы трансформации общественного сознания и исторической памяти в процессе порождения того или иного «мифа о средневековье».

Небесполезным было бы гораздо более раннее русское издание и с другой точки зрения. В свое время советские германисты не без оснований критиковали коллег из ГДР за излишний социологизм интерпретаций. Б. Глогер в своей книге о Фридрихе тоже отдал ему должное, но одновременно высказывал ряд соображений, за которые, в свою очередь, мог бы тогда подвергнуться и противоположной критике.

Глогер, например, с одной стороны, соглашался с тезисом о знаменитом миннезингере Вальтере фон дер Фогельвейде как стороннике прочной императорской власти, попеременно поддерживавшем ее наиболее перспективного в данный момент «носителя». С другой, не исключал, что изменение политических взглядов странствующего поэта ускоряли «удары по желудку», опережая в такой (пусть лишь намеченной) постановке вопроса не только советских, но и многих западногерманских коллег. В германистике ФРГ эта точка

Также и оценка главного героя, местами упрощенная, в других своих пунктах не вызывает возражений и сегодня. Глогер признает мотивом крестоносного энтузиазма молодого Фридриха не политический расчет, а «чисто религиозное воодушевление». Результаты столь долго откладывавшегося императором Пятого крестового похода он характеризует с пафосом, который вряд ли можно было встретить у советских коллег. Автор видит в нем «единственный *памятник религиозной толерантности и политическому здравому смыслу* среди обгаренных кровью монументов религиозным заблуждениям и слепому стремлению к власти».

Эта кажущаяся непоследовательность Глогера, очевидно, была реакцией (пусть подспудной) на недостаточность тех схем, в которые пытались уложить представления о средневековых образе мышления и мотивации социально значимых поступков.

Так или иначе, работа выходит в переводе только теперь, со всеми своими достоинствами и недостатками. Для кого-то она, возможно, впервые откроет многообразный мир западноевропейского средневековья, многих, очевидно, впервые познакомит с императором Фридрихом II Гогенштауфеном, став прологом к дальнейшему развитию темы, а кому-то напомнит штудии сравнительно недавнего прошлого, когда сочетание «Император, Бог и дьявол» могло вызывать или слишком однозначную, или слишком неоднозначную реакцию аудитории. В любом из этих случаев книга Бруно Глогера, хочется верить, не оставит читателя равнодушным.

Кандидат исторических наук И. О. Ермаченко

ПРЕДИСЛОВИЕ

В кафедральном соборе Палермо, столице могущественного некогда королевства Сицилии и Апулии, рядом с представителями норманнско-сицилийской династии покоятся в саркофагах из темно-красного порфира, под каменными балдахинами, останки императоров дома Штауфенов — Генриха IV и Фридриха II, сына и внука Фридриха Барбароссы.

«Век Штауфенов», с 1152 по 1250 г., характеризуемый правлением этих трех императоров, стал воплощением высокого немецкого средневековья. Почти 100 лет (с 1152 по 1190 и с 1212 по 1250 г.) находился у власти «император Фридрих». После наступившего затем «ужасного времени, времени без кайзера» в Германии так и не появился больше правитель, соотносимый с идеалом справедливого императора мира — идеалом, который был создан фантазией простого народа из славных воспоминаний об обоих Штауфенах и надежды на лучшие времена. Этот образ закрепился в народных сказаниях, а позднее и в поэтическом творчестве романтиков.

После 1871 г. слащаво-лживая рыцарская романтика уходящего XVIII и XIX веков была оттеснена новым взглядом — с точки зрения имперской власти. Новая империя должна была стать такой же большой и могущественной, как прежняя Священная империя. Правда, сначала это произошло лишь в фантазиях «духовной элиты»,

12

виднейшими представителями которой были поэт Штефан Георге и его «круг».

Здесь антинародный культ героев и мистические грезы о «Новой империи» смешивались с исторической полуправдой. Здесь чудовищным образом была подготовлена почва для идеологии коричневых варваров — поэтом, лично для себя отринувшим нацистскую бездуховность. Штефан Георге, обхаживаемый Геббельсом, умер все-таки в швейцарской эмиграции в декабре 1933 г. Историк Эрнст Канторович, автор наиболее известной, хотя и идеалистически возвеличивающей биографии Фридриха II Гогенштауфена, в 1934 г. эмигрировал в США из-за расовой дискриминации. Там он вторично потерял свою профессорскую должность в 1949 г., поскольку отказался дать присягу в лояльности, рассматривавшуюся как «барьер против коммунизма».

Палермский собор стал местом паломничества мечтателей-идеалистов, которые тем более отдалялись от народа, чем больше прославляли свое «великое прошлое». В предисловии к первому изданию биографии Фридриха II Канторович с явным удовлетворением рассказывал о том, как в 1924 г. к саркофагу был возложен венок с посвящением: «Своим императорам и героям — тайная Германия». Те же самые слова прочел в 1932 г. другой гость этих мест, который уже знал, что «тайная Германия» — это узкий круг учеников и почитателей Штефана Георге. Десятью годами позднее в Палермо был командирован один немецкий генерал. И когда в начале лета 1943 г. он был вынужден в крайней спешке организовывать отступление своих войск, то потребовал дополнительный транспорт для эвакуации саркофагов Штауфенов, которые не желал оставлять в «стране лживых романцев». Только быстрое наступление союзников позволило предотвратить это варварство.

Южанин, сицилиец Фридрих II Рожер фон Гогенштауфен, на родном языке именовавшийся «Федерико», обрел

13

в Палермском соборе вечный покой. Одновременно Федерико был германским императором Фридрихом (из-за деда к его имени часто прибавляли «Другой»), и как императору ему была отмерена вторая, гораздо более долгая жизнь. Вскоре после смерти далекого сицилийца простой городской и деревенский люд избрал именно его героем легенды, которому суждено однажды вернуться как императору мира и спасителю.

Обе фигуры — издавна окруженная легендами историческая личность и вырванный из истории фольклорный образ — в полной мере заслуживают внимания. Интерес, обращенный к ним в наши дни, отмечен критическим трезвым отношением, которое предложил еще Генрих Гейне в своем шедевре 1844 г. «Германия, зимняя сказка», упоминая старого Барбароссу. Чем вызвано такое отношение? Для ответа на этот вопрос необходим краткий исторический экскурс.

Планы создания мировой империи, диктуемые неумеренным честолюбием императора Генриха VI, чья ранняя смерть в 1197 г. имела катастрофические последствия для всей римско-германской державы, не оставили следа в народном сознании. Его сын, напротив, на столетия стал воплощением блеска и могущества Священной Римской империи.

Наследнику рано умершей вдовы-императрицы из норманнского рода досталось охваченное анархией, но до этого наиболее близкое к современной государственности королевство европейского высокого средневековья, централизованно управляемое норманнско-сицилийскими чиновниками. Устраненное от власти «дитя Апулии», несовершеннолетний «король» стал пешкой в политической игре своего опекуна Иннокентия III, одного из самых выдающихся средневековых понтификов. Своим воцарением на «троне Цезарей», принадлежавшем его предкам, Фридрих обязан исключительно личному усердию, хотя и при счастливом стечении обстоятельств. Это, как и его

14

упорные усилия предотвратить исторически обусловленный упадок римско-германской империи, и в немалой степени сама его выдающаяся и многосторонне одаренная натура, обеспечило ему место среди великих людей мировой истории. После того как пятидесятишестилетний император умер от стремительно развившейся болезни, современники перенесли его образ в сферу хилиастических ожиданий. Уже в 1245 г. один кардинал назовет его «преобразователем мира», подразумевая под этим подозрительное сходство (если не полную идентичность) с Антихристом. С другой стороны, его имя было связано с религиозно-фанатичными ожиданиями императора мира, который должен явиться в конце времен перед светопреставлением. Все больше и больше его образ и образ его деда, еще преимущественно «немецкого» императора, сливались в единой фигуре императора-мессии. Такое идеализированное единство можно увидеть в одной из народных книг, напечатанной в 1519 г., незадолго до начала Крестьянской войны. Впрочем, образованные современники, такие, как Мартин Лютер или Ульрих фон Гуттен, абсолютно точно различали обоих Фридрихов. В XVII и XVIII веках некоторые важные элементы новой легенды о Киффхау-зене уже были связаны с Барбароссой, как свидетельствует источник 1703 г. Однако только после падения одряхлевшей империи в 1806 г. легенда при поэтической обработке подверглась фальсификации, в какой-то степени необходимо происходящей из путаницы. Это был период борьбы против наполеоновского нашествия и возникшего из нее национально-объединительного движения. Фридрих II, смиренно покровительствовавший немецкому княжескому сепаратизму, явно не подходил на роль защитника немецкого единства. Сложенная вскоре после победы князей на Венском конгрессе 1815 г. и ставшая популярной песня о «старом Барбароссе, кайзере Фридрихе», особенно способствовала превращению Киффхау-зена в приют «современного» Фридриха.

15

Заколдованный Барбаросса, который хранит «величие империи» как сокровенный клад и должен вернуться вместе с ним «в свое время», слишком быстро, несмотря на поэтическое предостережение Гейне в 1844 г., превратился из символа законных национальных надежд в символ немецкого империализма. В итоге план преступного нападения на Советский Союз, не случайно названный именем Барбароссы, озаменовал начало конца «Тысячелетнего Рейха».

Шовинистическую шумиху вокруг Киффхаузена после 1871 г. можно будет затронуть в заключение предлагаемого ниже историко-фольклорного очерка. С XVII века легенда о возвращении императора Фридриха II интересовала лишь собирателей фольклора и историков: ее связывали со средневековьем, завершившимся около 1500 г.

Гуманисты XVI столетия назвали эту эпоху «темной». Мы тоже немного знаем о жизни и борьбе народных масс в этот важнейший период развития европейского феодализма. Чаще и прежде всего

интерес хронистов того времени привлекала фигура императора или короля, а ученые старой школы следовали их примеру.

Исторические труды, посвященные императору Фридриху II, особенно явно подтверждают это общее правило. Страстная «партийность» в осуждении или восхвалении «врага поповщины» долгое время препятствовала объективному описанию его жизни и деяний. Со второй половины XIX века до середины XX на первый план выдвигался культурно-исторический аспект. Не был ли этот кажущийся столь «современным» Гогенштауфен уже человеком Ренессанса? Однако в последнее время победила точка зрения, согласно которой эта все еще продолжающая удивлять нас личность рассматривается в контексте своего времени.

Соответственно, мы попробуем представить историю германского императора в тесной связи с народными ожиданиями и мечтами. Они часто были облачены в

16

покровы религиозной утопии, но, несмотря на это, представляют собой прогрессивное направление в нашей национальной истории. Последующий биографический очерк будет определен именно этой исторической перспективой. Полная же академическая биография императора Фридриха II по-прежнему остается делом будущего.

Судя по происхождению и политическим взглядам, «Federico il Secondo», далеко не в последнюю очередь был «королем Италии», однако именно с этой стороны мало рассматривался до сих пор в немецкоязычной литературе. История германского императора — это прежде всего история германского королевства, хотя в правление Штауфенов интересы императора и германского короля очень существенно расходились. Фридрих Энгельс писал в своих посмертно опубликованных заметках «Об упадке феодализма и возвышении буржуазии»¹ о средневековой монархии как о прогрессивной власти. «Она была представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противовес раздробленности на мятежные вассальные государства. Все революционные элементы, которые образовывались под поверхностью феодализма, тяготели к королевской власти, точно так же, как королевская власть тяготела к ним»².

Необходимо показать, до какой степени пренебрегал Фридрих II этими прогрессивными монаршими функциями в Германии, хотя отказ от них и не был отмечен народными массами как ошибочный образ действий. Вопрос, насколько позитивно должны оцениваться его усилия распространить свою единоличную власть с Сицилии на всю Италию, исходя из перспективы создания там нацио-

¹ В советской издательской традиции эти не имеющие авторского названия заметки озаглавливались «О разложении феодализма и возникновении национальных государств». (Прим. ред.)

² Цит. по.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. М., 1961. С. 411. (Прим. ред.)

17

нального государства, до сих пор дискутируется итальянскими исследователями.

После 1228 г. король Генрих (VII), старший сын Фридриха, тщетно пытался вырвать германское королевство из зависимости от князей, пойдя на открытый бунт против отца, но обладая для этого недостаточными средствами. В то же время во Франции и Англии династии Капетингов и Плантагенетов создали основы для единых национальных государств. То, что в Германии оставалось мечтой, стало реальностью на западе Европы.

СВЯЩЕННАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ НА ПОРОГЕ XIII СТОЛЕТИЯ

Значение императора Фридриха II для *немецкой* истории — и эту сторону общего биографического портрета необходимо выделить — можно понять до конца, только учитывая наследие, доставшееся ему от предшественников. При этом имеются в виду не только обломки империи Генриха VI, которые после двух роковых десятилетий двоецарствия должны были стать основной для новой, вызывающей удивление постройки. К этому наследию принадлежали также «Константинов дар», «имперская церковь» Оттонов, борьба за инвеституру, «наследственная вражда» между папой и императором, а также между имперскими князьями и королевской центральной властью (если обозначить только некоторые ключевые моменты).

Не менее важно также принять во внимание средневековую картину мира и связанный с ней способ мировоззрения. Даже наиболее просвещенный и «прогрессивный» человек первой половины XIII века был ограничен этой духовной атмосферой так же, как и любой другой. Существенную помощь при таком рассмотрении может оказать знание поэзии того времени. (Для гораздо более действенной проповеди на народном языке недостаточно источников.) В этом смысле несравнимо ценнее романов в стихах и лирики, естественно, политическая поэзия

«шпрухов» (которые, впрочем, пелись!). Среди выдающих-

19

ся ее представителей надо назвать Вальтера фон дер Фогельвейде и Фрейданка. Чтобы избежать недоразумений с пониманием языка, после первого показательного приведения оригинального текста Вальтера будет использоваться прозаическое переложение Ганса Бёма.

Однако прежде всего должен быть учтен социальный контекст, который связан с понятием «феодализм».

Хотя сам термин образован от латинского «feudum» (лен), было бы ошибочным видеть в отношениях зависимости между церковными и светскими «феодалами», возникших вследствие передачи земельной собственности, главный признак феодализма. Решающим было скорее то, что

вся, почти без исключений, земля принадлежала этому слою светской или духовной знати. Крестьяне и ремесленники, все более специализировавшиеся в процессе разделения труда, должны были выполнять различным образом иерархизированные отработочные и натуральные ренты. Но развитие городов и ускорявшийся вместе с ним прогресс основанного на денежном обращении *товарного* хозяйства нарушили «феодальную идиллию» хозяйства *натурального*, производящего не на рынок, а для внутреннего потребления. С одной стороны, феодалы быстро осознали преимущества денежного хозяйства, которое могло способствовать весьма существенному укреплению их личной власти. С другой стороны, обладатели «волшебного средства» экономики — прежде всего бюргеры — не высказывали большого желания делиться с хищнически настроенными городскими сеньорами, чьи претензии на господство часто казались им довольно сомнительными в правовом отношении.

Это привело в XII и XIII веках к вооруженным противостояниям, которые разыгрывались в узких рамках (епископский город против епископа) или в форме «имперских войн» (военные походы Штауфенов против североитальянских городов). Император Фридрих II играл противоречивую роль в этой борьбе с силами экономи-

20

ческого прогресса, чаще всего прикрытой его борьбой против воинствующего папства. Впрочем, идеалистическая историография начиная с немецких романтиков изображала трагические конфликты «демонического Штауфе-на» столь же далеко от действительности, как и всю историю средневековья.

Времена немецкого рыцарства столь настойчиво прославлялись немецкими романтиками, что сами слова «феодальный» и «рыцарский» еще и сегодня употребляются в значениях «благородный, величественный» и «куртуазный, деликатный». Легко поддаться красивым словам миннезингера, особенно когда такой знаменитый поэт, как Вальтер фон дер Фогельвейде, дополняет своими чисто любовными песнями песни «низкой любви», песни «высокой любви», где царствует литературный вымысел. «Под липами на лугу, где нам двоим было ложе», и в наши дни еще встречаются влюбленные. Однако социально зависимый певец свое исполненное тоски почитание обязан был положить к ногам «прекрасной дамы» более высокого положения. И он с гордостью именовал себя господином, если был удостоен посвящения в рыцари, и как рыцарь он принадлежал к тому же «ордену», что и император.

Рыцарь должен был всегда почитать и защищать церковь, сохранять верность и быть послушным своему сеньору, не затевать несправедливых распр, защищать вдов и сирот. Но пропасть между идеалом и действительностью в этике рыцарства была еще больше, чем в миннезанге (которому отдавали должное и самые знатные из феодалов). В уже цитировавшихся в предисловии заметках «Об упадке феодализма и возвышении буржуазии» Фридрих Энгельс с позиции исторического материализма писал о средних веках как о том «долгом периоде, когда грабеж был единственным достойным свободного мужчины занятием <...>; вот причина той бесконечной, непрерывно продолжающейся вереницы измен, предательских убийств, отравлений, коварных интриг и всяческих низо-

21

стей, какие только можно вообразить, всего того, что скрывалось за поэтическим именем рыцарства, но не мешало ему постоянно твердить о чести и верности»¹. Хорошим примером литературного приукрашивания может послужить текст знаменитого романа в стихах «Тристан и Изольда», принадлежащего перу выдающегося эпика того времени Готфрида Страсбургского. В этом произведении именно понятия «честь» и «верность» совершенно очевидно сделались пустыми клише, которые используются с поражающим нас пристрастием.

Когда Вольфрам фон Эшенбаху, современнику Вальтера, необходима была короткая формула

для характеристики своего сословного положения, которое он столь горделиво подчеркивал в своей поэзии, он сказал, что с рыцарями дело всегда обстоит следующим образом: если крестьянин подойдет к ним слишком близко, то за это должна расплатиться его спина. Это беглое замечание — единственное, что сумел сообщить в обширном сочинении — труде всей своей жизни — поэт, принадлежавший к низшей служилой знати², о современниках-крестьянах, чьими трудами он жил. И тем самым он одновременно осветил глубочайшее классовое противоречие феодального общества: между феодальной знатью и зависимыми или крепостными крестьянами. Социальное разделение в феодальном сословном государстве считалось данным от Бога и неизменным. Лишь немногих современников Вальтера фон дер Фогельвейде, также принадлежавшего к служилой знати, могло задеть за душу его предостережение:

¹ Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 411. (Прим. ред.)

² Немецкое *der Adel* во всех случаях здесь и ниже переводится как «знать», а не «дворянство», вследствие не вполне точного соответствия последнего термина и связанного с ним исторического контекста реалиям рассматриваемой автором эпохи. Соответственно, *Dienstadel* — служилая знать. (Прим. ред.)

22

Dich heizet vater maneger vil:
swer min ze bruoder niht enwil,
der spricht diu starken wortuz krankem sinne.

Wer kan den herren von dem knechte scheiden, swa er it gebeine blozez funde...?¹

На Слове Божьем покоилась не только социальная иерархия, но и вся картина мира. Очень часто мы встречаем в поэзии персонифицированную «Frau Welt» — «Госпожу Мир»². Она предстает как обольстительная блудница, которая хочет отвлечь людей от единственно значимого — заботы о вечном блаженстве. Нужно быть как можно меньше связанным с нею: как в мирском стремлении к счастью, так и в области естественно-научного опыта. Библия была важнейшим — если не единственным — источником научного знания. Все, что противоречило ей, нещадно подавлялось, как, например, учение греческих философов и естествоиспытателей о том, что Земля имеет форму шара. В XII веке еще не оспаривалось представление о мире Космы Индикоплевста («плователя в Индию»), который в 535 г. писал в своей «Христианской топографии»: «Мы повторим за пророком Исайей, что форма неба, которое обтягивает мир, подобна своду; мы согласимся с Иовом, что небо соединяется с землей; и мы разделим мнение Моисея, что Земля больше в длину, чем в ширину». Земля не могла быть

¹ Тебя очень многие зовут отцом;

но кто не хочет быть моим братом,

тот говорит громкие слова,

не будучи в здравом рассудке...

Кто сможет отличить господина от слуги, найдя где-нибудь их голые кости?

² Слово «мир» — *die Welt* (в значении «этого света», «земного, грешного мира») в немецком языке имеет женский род. (Прим. ред.)

23

шаром, так как в этом случае антиподы должны были бы ходить вниз головой.

Вплоть до победы около 1600 г. теории Коперника в Европе существовали представления о мире, переданные нам с Древнего Востока в эпоху Гомера! Им соответствовала карта мира известнейшего астронома античности Клавдия Птолемея из Александрии (рис. 1).

Рис. 1. Карта Земли по Клавдию Птолемею (140 н. э.)

Арабский географ аль-Идриси (род. в 1100 г. в Сеу-те, умер в 1166 г. на Сицилии) составил для короля Рожера II, деда императора Фридриха II, описание Земли, которое отражало все географическое знание арабов. В дополнение к нему он изготовил огромную, тисненную на серебре, карту мира (рис. 2). Эта карта кажется «поставленной на голову», Африку и Аравию мы видим «наверху», что соответствовало

направлению взгляда сицилийских норманнов, бороздивших Средиземное море как завоеватели. Временем правления императора Фридриха II датируется так называемая лондонская псалтырная карта

Рис. 2. Карта земли аль-Идриси (1154)

Рис. 3. Лондонская псалтырная карта (1-я половина XIII века)

(рис. 3). Она изображает Землю как омываемый мировым океаном несколько выпуклый диск, в центре которого виден Гроб Господень в Иерусалиме. Земля считалась центром Вселенной, Луна и Солнце, так же как и пять известных тогда планет, «движимых ангелами», вращались вокруг нее. И все это было создано Богом только для человека, который очень нуждался в спасении от этого самого мира...

Если мы сравним эту более или менее «официальную» картину мира с географическими познаниями, извест-

26

ными нам из сообщения посланника императора Фридриха Барбароссы при дворе султана Саладина в конце XII столетия, то мы увидим, насколько туманным был горизонт для поколения крестоносцев. Этот Буркхардт, прежде клирик в монастыре Святого Томаса в Страсбурге, управляющий имениями страсбургского епископа и, вероятно, за два года до этого обслуживавший сарацинское посольство в Эльзасе, спутал Нил с Евфратом. Он назвал Египет, с султаном которого должен был вести дела, Вавилонией. Для людей империи Штауфенов мир был ограничен Европой, а также переднеазиатскими и африканскими странами Средиземноморья, вернее, их побережьями. Вне этой области находился мир фантастических существ. Обзор развития римско-германской империи подводит нас к области политической теологии. Отец церкви Иероним (347-420), создатель «официального» текста Вульгаты, латинской Библии, разъяснил ветхозаветное пророчество Даниила о четырех царствах следующим образом: Римская империя должна быть последним из них и просуществовать до Страшного суда. Однако эта империя все-таки раскололась к концу IV века. На протяжении последующих столетий Западная Римская империя находилась совершенно в тени Восточной Римской, столица которой, Константинополь, стала центром мира. Только после того, как папа Лев III в 800 г. провозгласил своего защитника Карла Великого императором, Западная Римская империя возродилась, но продержалась недолго. Но с коронацией в 962 г. в качестве императора немецкого короля Оттона I был заложен фундамент новой, уже германской «Римской империи». При Конраде II в 1033 г. она охватывала помимо Германии (на востоке чуть дальше Эльбы, на западе — по Шельде и Маасу) территорию «имперской Италии» (северная и центральная Италия) и королевство Бургундию (Арелат), которое простиралось от Эльзаса до Роны и средиземноморского побережья.

27

В стремлении укрепить идею сакрального начала императорской власти, которая со времен борьбы за инвеституру постоянно подвергалась сомнению, при Фридрихе Барбароссе было

введено название «Священной Римской империи». Дополнение «германской нации» появляется в документах лишь с конца XV века.

Оттон I и его последователи как законные наследники Карла Великого претендовали на право называться «владыками христианского Запада». Поначалу как «Запад» обозначались все земли западнее Рима, но потом это понятие распространилось на всю католическую Европу. Оно отграничивало ее от язычников, то есть как от стран, принявших ислам, так и от некоторых славянских народов, а также от восточно-римской империи Константинополя и его государственной православной религии. Римские папы, выводившие все свои притязания на светскую власть прежде всего из «Константинова дара» (только в XV веке разоблаченного как мистификация), после столетий политической слабости попытались вернуть себе господство в светской сфере. Так называемый «дар» состоял в том, что император Константин Великий, признавший в 313 г. христианство равноправной государственной религией, якобы передал папе бразды правления всей Западной Римской империей.

Несмотря на окончательный разрыв с патриархами восточной константинопольской церкви (схизма) в 1054 г., папы вскоре благодаря глубокой реформе церкви добились значительного роста их престижа и власти, который наглядно выразился в коленопреклонении Генриха IV в Каноссе (1077). Церковь, формально удаленная от мирской жизни, могла оказывать на нее намного более сильное скрытое или прямое влияние посредством своей огромной власти над духовной жизнью верующих. Давно уже выдвигавшееся требование подчинить императора папе, которое сдерживала лишь явная политическая и экономическая слабость папства, теперь могло наконец

28 претендовать на успех. Папской церкви при этом оченьгодились денежные средства, которые она смогла получить раньше и в большем размере, чем имперские власти, долго еще связанные в Германии с натуральным хозяйством. Ведь она умело воспользовалась раньше развившимися в Италии (особенно в процветающих североитальянских коммунах) новыми товарно-денежными отношениями. Ей, однако, постоянно грозила опасность со стороны христианских еретиков со всевозможными учениями, которые указывали на большое несоответствие между теорией и практикой католической «всеобъемлющей» церкви. В борьбе против этих презревших *государственную* религию император и папа были естественными союзниками, несмотря на все столкновения интересов в других сферах. За исключением этих непостоянных совместных действий, обе универалистские силы европейского феодализма со второй половины XI века были непримиримыми противниками — и все-таки по идейным основам своего существования очень зависели друг от друга! Две власти — как наставлял уже в конце V столетия один из понтификов — должны править миром *сообща*: светская и духовная. Правда, духовная должна иметь определенное преимущество, ибо ей доверена забота о спасении души. Однако с помощью поддельного документа об упоминавшемся уже «дарении» Константина Великого, изготовленного уже в VIII веке и в IX веке помещенного в также сфальсифицированных «Лжеисидоровых декретах» (приписываемом Святому Исидору собрании церковных документов), честолюбивые папы вели ожесточенную борьбу за *абсолютную* власть. На понтификаты Григория VII в конце XI века и Иннокентия III во время двоецарствия Филиппа Швабского и Оттона IV пришлось кульминационные моменты этой упорной схватки.

Соответственно, наиболее сильные короли и императоры выступали перед христианской общественностью со

29

столь же радикальными противоположными требованиями, подчеркивавшими сакральность императорской власти. Основатель раннефеодального германского государства Генрих I (919-936) и Оттоны могли манипулировать папством по своему усмотрению. Генрих III упорядочил морально обветшавшее папство (еще в полном согласии с церковным реформаторским движением), а в 1046 г. отстранил от должности трех соперничающих пап и в качестве *Patricius Romanorum* использовал свое право выдвигать кандидатов на выборах главы католической церкви. Но именно это сильно акцентированное саксонскими и салическо-франконскими¹ кайзерами «право на частную церковь», по которому наделенные ими церковными бенефициями аббаты, епископы и т. д. становились, в сущности, всего лишь высокопоставленными чиновниками, привело к массовому реформаторскому движению против полностью обмирщенной церковной организации «имперской церкви». После смерти императора Генриха III (1056) трон занял его шестилетний наследник, и очень скоро за наивысшим расцветом императорской власти последовало успешное контрнаступление папства. Оно имело целью очень многим чреватое ограничение императорского влияния на папскую церковь, которая потребовала канонических выборов и внутрицерковного назначения епископов (права инвеституры). Церковь не хотела больше быть «имперской» в прежнем смысле. Вормсский конкордат, заключенный сыном «кайзера Каноссы» Генрихом V в 1122 г., был компромиссом, который лишь

отсрочил принятие окончательного решения. Император получил право с подобающими церемониями утверждать уже избранных соборным или монастырским капитулом клириков в их *светских* владениях.

¹ Саксонская династия правила в 919-1024 гг., Франконская (Салическая) — в 1024-1125 гг. (*Прим. ред.*)

30

Центральной германской власти грозила еще одна опасность: соперничество между королем и князьями. Спустя три года после Вормского конкордата со смертью Генриха V угасла Салическая династия. Претендентами на трон стали швабский герцог Фридрих фон Гоген-штауфен и герцог Саксонии Лотарь Супплибургский. Оба они конфликтовали с соседями, менее могущественными князьями и другими феодалами, стремясь к расширению своих фамильных владений, поэтому при выборе короля была затронута масса различных интересов. После того как был наконец избран Лотарь, он вынужден был всю жизнь противостоять оппозиции Штауфенов, которые незадолго до этого унаследовали обширные личные владения угасшего королевского рода на Майне и среднем Рейне, а с ними и область, непосредственно связанную с королевским тронном, — домен короны.

Именно это приращение власти помешало избранию герцога Фридриха. Новый король сумел, правда, добиться возвращения части салического наследия и обеспечить этим своему зятю и наследнику, вельфу¹ Генриху Гордому, значительную власть. Но когда в 1137 г. Лотарь умер и князья согласованно выбрали королем более слабого Штауфена Конрада (чего настойчиво требовал папа), тот даже и помыслить не мог о том, чтобы снова добиться полного возвращения домена короны. Поэтому Конрад III попытался вместе со сторонниками Штауфенов захватить оставшиеся посмертно свободными герцогства в обход вельфского порядка наследования, а также увеличить владения и власть своего дома другими способами. Однако Вельфы царили не только в северной Германии, но и располагали обширными владениями и влиянием также в Баварии, Швабии и Италии, поэтому необходимо было

¹ Вельфы — немецкий княжеский род, усилившийся в XI-XII веках, завадевав Баварией, Брауншвейгом, Саксонией и рядом других земель. (*Прим. ред.*)

31

достигнуть мирного соглашения с этой главной силой княжеской оппозиции.

Драматическая борьба, разгоревшаяся затем во второй половине XII века между Фридрихом Барбароссой и сыном Генриха Гордого, Генрихом Львом, и продолженная императором Генрихом VI, все-таки ясно показала, что и в конфликте с Вельфами решение было лишь отсрочено. Излишне говорить, что папство продолжало использовать эгоистические устремления князей для своих целей, что уже имело место в борьбе за инвеституру.

Некоторое время казалось, что Фридрих Барбаросса прочно одержал победу как над церковными противниками, так и над могущественными немецкими князьями. Придворный съезд (хофтаг) в Майнце на Троицу 1184 г., с блестящим смотром войск по случаю посвящения в рыцари сыновей короля, Фридриха и Генриха, явил Фридриха Барбароссу на вершине власти и почитания. Известнейший поэт раннего немецкого миннезанга, Генрих фон Фельдеке, был очевидцем этого события. Он рассказывает: «На многие тысячи марок¹ было там съедено и раздарено. Я думаю, все ныне живущие никогда не видели более великолепного праздника... Императору Фридриху было воздано столько почестей, что можно без преувеличения рассказывать об этом чудеса до самого Судного дня».

«Безработных» в мирное время рыцарей, как и бродячих актеров и фокусников, конечно же, не нужно было долго просить явиться на такой праздник. Но если задуматься над тем, что могущественные князья с большими затратами прибыли издалека, чтобы своим присутствием почтить императора, как это случилось в Майнце на удивление современникам, то нет ничего странного в

¹ «Маркой» называлась не монета, а единица веса. Около 1200 г. она соответствовала приблизительно 220 граммам серебра. Около 1900г. ее покупательная сила оценивалась в границах от 300 до 450 золотых марок. (*Прим. автора.*)

32

том, что это празднование Троицы обсуждалось еще многие десятилетия. Уже вскоре после ранней смерти императора Генриха VI (1197 г.) оно стало воплощением «добрых старых времен». Когда в 1190 г. известие о гибели в результате несчастного случая Фридриха Барбароссы достигло Германии, выяснилось, что позиции империи Штауфенов были далеко не такими прочными, как это могло показаться по ее внешнему блеску и расцвету. Генрих Лев, отказавшийся от участия в крестовом походе Барбароссы, весьма эффектно поданном с точки зрения пропаганды, был за это изгнан в Англию. Но еще до гибели Барбароссы в потоках реки Салеф в далекой Малой Азии «лев» сумел вернуться. Он с успехом трудился над организацией сильной антиштауфенской партии.

Вместо того чтобы противостоять этой опасности надлежащими действиями, то есть сконцентрировать все силы на расширении территории германского короля, избранный им уже в 1169 г. Генрих VI равнодушно пошел на компромисс с Вельфами и перенес центр тяжести своей

империи с юго-западной Германии на южную Италию. После смерти короля Вильгельма II трон норманнской державы был свободен, и Генрих VI заявил на него претензии, по наследному праву своей жены Констанции (сестры Вильгельма), а также как на «старую имперскую землю». Его действия, однако, были поддержаны лишь меньшинством апулийских феодалов, остальные провозгласили королем одного из них, Танкреда Леччейского. Первая попытка Генриха покорить Сицилию и Апулию силой оружия провалилась в 1191-1192 гг. Танкред мог опереться не только на помощь папы, который был его официальным сюзереном и хотел любой ценой предотвратить окружение папского государства имперскими владениями. На его стороне стоял также его родственник, английский король Ричард Львиное Сердце и связанная с ним вельфская оппозиционная партия. Единственным успе-

33

хом этого похода явилось коронование Генриха в качестве императора, чего он смог добиться от папы Целестина III в 1191 г.

Но когда в 1192 г. во время авантюрного возвращения из неудачного крестового похода «король Львиное Сердце» случайно оказался под властью императора, тот вытребовал у него огромный выкуп и даже ленную клятву от имени Англии. При такой прочной опоре в 1194 г., после смерти — как раз в нужное время — Танкреда удался второй захватнический поход. 25 декабря 1194 г. Генрих VI с большой пышностью короновался в Палермо как король богатого государства норманнов. Изготовленная в 1134-1135 гг. драгоценная сицилийско-норманнская коронационная мантия, шедевр арабских мастеров (рис. 4), относится с тех пор к так называемым инсигниям, знакам господства германских королей и римских императоров, и хранится сегодня в венском дворце Хофбург.

Императрица Констанция во время продвижения войск по Италии останавливалась в безопасной области имперского стольника Маркварда фон Аннвейлера в маленьком городе Еси Анконской марки. Так 26 декабря 1194 г.,

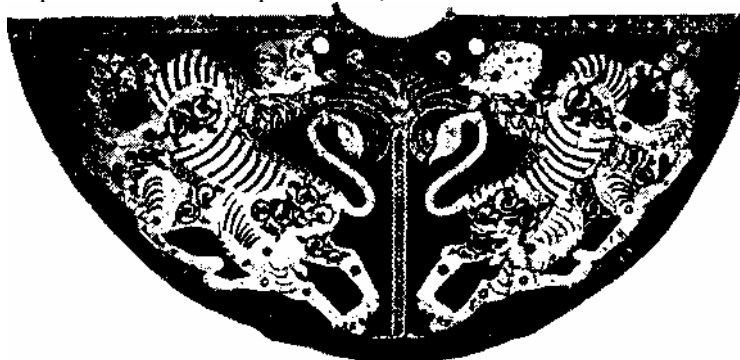

Рис. 4. Коронационная мантия римско-германских императоров, Палермо (XII век)

34

спустя день после коронации, появился на свет долгожданный наследник Генриха VI. По желанию матери его должны были назвать Константином, однако при крещении он получил имена обоих своих великих дедов — Фридриха и Рожера.

Правда, распространились непочтительные слухи, ставящие под сомнение происхождение наследника трона: заключенный в 1186 г. из политических соображений брак достигшего 21 года короля с норманнкой, которая была на одиннадцать лет старше его и нелюбима, слишком уж долго оставался бездетным. Но эти сплетни не нашли подтверждения. Напротив, Генрих старался добиться права наследования, которое было обеспечено его сыну в королевстве Сицилия, также и для германского трона. В 1195 и 1196 гг. во время своего последнего пребывания в Германии он напрасно пытался склонить князей к отказу от их избирательного права перспективой неограниченного наследственного права в их ленах (которым, впрочем, некоторые из них уже обладали). Папа Целестин и кардиналы решительно отклонили возможность своего содействия в этом, несмотря на заманчивые материальные предложения, поскольку таким образом было бы прочно закреплено соединение Сицилии и Германии, «*unio regni ad imperium*», против которого столь непримиримо боролось папство. Единственное, чего Генрих смог добиться в этом отношении, было избрание двухлетнего Фридриха Рожера германским королем в декабре 1196 г., когда император снаряжал крестовый поход.

Этот крестовый поход должен был стать важной составляющей осуществления его «всемирных» политических планов, которые не в последнюю очередь были определены норманнской традицией. Исходя из такой перспективы, Германия должна была стать «побочной империей».

При Фридрихе Барбароссе Эльзас и будущий Пфальц были «сердцем империи». Епископ Оттон Фрейзинген-ский, родственник императора, с похвалой писал в 1150 г.

35

в своих «Деяниях Фридриха» о верхнерейнских низменностях: «Эта местность... богатая зерном и вином, охотничьими угодьями и рыбой... могла бы дольше всего снабжать королей, если бы те держались севернее от Альп». Эта типично натурально-хозяйственная точка зрения и после 1190 г. сохраняла большое значение, но английский выкуп и сказочно богатые сокровища норманнов, хранящиеся вместе с инсигниями империи в Трифельсе, замке близ Ландау, казалось, могли обеспечить политику, основанную на развитых денежных отношениях.

Пфальцские министериальные фамилии, и прежде всего имперского стольника Маркварда фон Аннвейлера, затмевали высшую норманнскую знать. Фридрих Рожер, сын императора, провел первые свои годы в Фолиньо, дворце герцога Сполетского, который в Германии скромно именовал себя Конрадом фон Урслингеном. То, что влекло высших и низших немецких феодалов через Альпы, было, конечно, не мистической «тоской по солнцу юга» (которая одаривала их малярией и дизентерией), а обычной жаждой власти и богатства, снова и снова власти и богатства. С этими рыцарями, их свитами и чужеземными наемными солдатами Генрих хотел создать мировую империю.

Один греческий писатель описывает его почти болезненное честолюбие. Все его мысли вращались вокруг проблемы, каким образом создать огромную монархию и водворить себя на место властителя всех царств. Перед его мысленным взором стояли примеры цезарей Антония и Августа. «Он вождельно стремился к своей империи и говорил, подобно Александру: „И это, и то — все мое“. Бледным и озабоченным выглядел он!» Вскоре после того как ему благодаря счастливому стечению обстоятельств досталась Сицилия, он, как мировой владыка, несколько раз вмешивался в конфликты между Англией и Францией.

Уже во времена Барбароссы императорские послы вызывали громкие протесты своим надменным отноше-

36

нием к светским «малым королям». «Кто назначил немцев судьями над народами?» — гневно вопрошал тогда Иоанн Солсберийский. Теперь уже точно известно, что Генрих VI не только держал в ленной зависимости Англию, но и хотел подчинить себе Францию. Штауфен даже заявил свои сеньориальные претензии на Кастилию и королевство Арагон, которое занимало некоторые области Прованса, номинально все еще принадлежавшего империи. Тунис и Триполитания — земли, некогда завоеванные норманнами, — он также хотел присоединить как «король Африки». Крестовый поход открывал еще более манящие перспективы: брат Генриха Филипп, герцог Швабский, был женат на Ирине, дочери восточно-римского императора Исаака Ангела, который в 1195 г. был изгнан братом Алексеем III. Генрих решил заставить узурпатора подороже заплатить за признание на троне. Он потребовал византийские области на адриатическом и левантийском побережье, а также ежегодную дань, и угрожал в случае несогласия военной интервенцией. Князья Кипра и Армении, вассалы восточно-римского императора, уже принесли ему клятву верности. Если задуматься над тем, с какой легкостью Константинополь стал в 1203 г. добычей так называемых крестоносцев, сражавшихся главным образом за торговые интересы Венеции, то авантюрные планы Генриха могут показаться вполне выполнимыми. Можно, однако, возразить тем, что в течение последнего года его жизни повсюду действовали мощные оппозиционные движения: в Германии, в северной Италии, в Папской области и прежде всего на Сицилии, где император весной 1197 г. едва не стал жертвой покушения норманнских баронов. Слухи говорили о сочувствии им императрицы, у которой среди заговорщиков были родственники. Император вершил суд со свирепой жестокостью. Императрица все-таки осталась регентшей Сицилии, но были посланы гонцы в Тусцию к герцогу Филиппу: он мог бы своего племянника,

37

еще не достигшего трех лет, Фридриха Рожера, перевезти из-под надзора герцогини Сполетской в Германию, с тем, чтобы там торжественно короновать. Филипп почти уже достиг Фолиньо, когда ему навстречу явился всадник с ужасным известием: «Император мертв!»

28 сентября 1197 г. в возрасте всего лишь 31 года правитель внезапно скончался в Мессине, откуда собирался последовать за уже отплывшими крестоносцами. Причиной смерти, возможно, стали малярия и дизентерия. Герцог Филипп, конечно же, осознавал тяжесть павшей на него ответственности. Со всей возможной быстротой он возвратился верхом обратно в Германию, так как только в своей швабской вотчине мог теперь посоветоваться с надежными сторонниками.

Начиная с осени 1196 г. после неурожая в Германии и северной Италии свирепствовал страшный голод. В долину Мозеля с Арденн стали спускаться стаи голодных волков. «В те времена, — гласит хроника, — некоторым людям, гулявшим по берегам Мозеля, являлось привидение в образе огромного человека на вороном коне. Он подъезжал к ним, пораженным, и уговаривал не пугаться. Его имя, будто бы, Дитрих, некогда он был королем Берна, и он хотел бы сказать им, что уже в ближайшее время на всю Римскую империю падут многие несчастья и бедствия». Это мрачное пророчество сбылось слишком скоро. Уже на смертном одре Генрих VI издал распоряжение, которое должно было обеспечить для «дитя Апулии» (как был повсеместно называем в Германии Фридрих Рожер) сицилийскую и германскую короны. Имперскому стольнику Маркварду фон Аннвейлеру, которому умирающий доверил свое «завещание», было приказано в качестве маркграфа Анконы и графа Романьи (с областью вокруг Равенны) признать за папой сюзеренитет над этими, долгое время оспариваемыми, землями. Кроме того, признавался папский сюзеренитет над Сицилией. Тем не менее Марквард не хотел казаться немогущему Целести-

38

ну слишком уступчивым. Немногим позже он, впрочем, утратил в пользу более сильного папы или растущих итальянских коммун то, что Генрих стремился защитить формальной любезностью. Уступка относительно Сицилии обесценилась уже очень скоро, так как вдова императора Констанция восстановила старые норманнские властные отношения. Между тем ее сюзерена — папу звали уже не Целестин, а Иннокентий III. С начала 1198 г. этот 37-летний умный, широко образованный и энергичный отпрыск графской фамилии, правящей в южной Кампании, сидел на престоле святого Петра. В противники ему подошел бы только очень сильный император. В этом крайне опасном для дома Штауфенов положении центральная власть все же раскололась из-за двойного избрания выборов и чрезвычайно ослабла в результате десятилетнего двоецарствия. Прежде всего позиция Штауфенов в Италии была резко подорвана смертью Генриха VI. Когда немецкие крестоносцы, которых роковая весть настигла на Кипре или в Святой Земле, вернулись в Италию, они были встречены как враги. Констанция тотчас приказала всем немцам покинуть Сицилию (впрочем, как это будет показано в следующей главе, без особого успеха). В Германии партия Штауфенов была несомненно сильнее, чем 16-летний вельфский претендент на трон Оттон, граф Пуату, один из сыновей умершего между тем Генриха Льва, поддерживаемый своим дядей Ричардом Львиное Сердце. Возведение на трон еще ребенком Фридриха Рожера в этой ситуации казалось нецелесообразным — опасности эпохи требовали во власть абсолютно дееспособного человека. Поэтому выбор должен был пасть на Филиппа Швабского, младшего сына Фридриха Барбароссы.

8 марта 1198 г. в Мюльхаузене (Тюрингия) он был «призван к имперскому правлению» большинством князей. В общем, понятия «германский король» и «римский

39

император» уже сблизились, но для полноценности императорской власти по-прежнему была необходима коронация папой. Это было абсолютно недостижимо для Штауфена, стремящегося по мере сил продолжать итальянскую политику Генриха VI.

Против наследной штауфенской династии быстро сложилась коалиция князей во главе с архиепископом Адольфом Кельнским, получившая преимущество в связи с отсутствием влиятельных сторонников Штауфенов (они еще не вернулись из крестового похода). Епископ, единственный облеченный такой властью, короновал Вельфа Оттона «в истинном месте», старом имперском городе

Ахене.

Спор между королями Филиппом и Оттоном IV должен был решить меч. Ставшая в результате неминуемой война должна была бы быстро завершиться победой Филиппа, если бы Оттону не оказывалась денежная поддержка из Англии. Штауфен противопоставил этому союз с Францией, и таким образом спор за германский трон стал составной частью борьбы за ленные владения Англии во французских землях. Уже через год из-за паузы в этой борьбе Вельф попадает в такое бедственное положение, что вынужден искать поддержки у папы. Это дало Иннокентию желанный повод для реализации своих универсалистских властных притязаний в качестве арбитра по отношению к двум германским королям. Во время тайных переговоров Филипп был гораздо менее уступчив, чем Оттон, поэтому «наследник Петра» провозгласил Оттона IV законным правителем.

Здесь роковым образом сказалось то, что наследование германского трона не было урегулировано четкими предписаниями. Еще и в нашем веке споры между историками велись почти с той же

остротой, что и между «создателями королей» за семь веков до этого. Что больше соответствует истинной традиции: «право крови» или «свободное избрание»? И все же можно сказать, что при-

40

мерно на рубеже XII и XIII столетий явно перевешивает тенденция к «свободному избранию», благодаря тому, что наиболее могущественные духовные и светские территориальные властители в Германии имели решающее влияние на замещение трона, не говоря уже о влиянии «кур-фюрстов».

Двойное избрание короля в Германии было во многом предопределено развитием княжеской власти в землях. Наиболее значительные территориальные правители в качестве сеньоров располагали — как уже было показано на примере Генриха Льва в XII веке — возможностью распоряжаться столь значительными военными резервами, что могли успешно конкурировать с королем или императором. Благодаря вмешательству иноземцев или папства и базирующимся на их поддержке союзам князей «полукороли» при известных условиях превращались в антикоролей, королей-конкурентов.

Насколько мало значил при неблагоприятном соотношении сил факт признания Иннокентием III, он сам должен был с прискорбием ощутить в годы перед 1207-м, когда «его» король после шедшей с переменным успехом борьбы окончательно потерпел поражение. Как политик-реалист, к тому же макиавеллистского склада, папа тайно сговорился с Филиппом, и в 1208 г. измученному междоусобицами населению (прежде всего северной Германии и Тюрингии), наконец, вновь стало казаться, что мирная жизнь уже не за горами.

Еще тяжелее, чем потеря имущества и даже человеческих жизней Вальтеру фон дер Фогельвейде, уже однажды цитировавшемуся свидетелю этих страшных времен, казался моральный вред, причиняемый прежде всего бессовестной политикой церковных архипастырей.

Вальтер выступал сначала как пропагандирующий за Филиппа, затем Оттона и, наконец, Фридриха II. Но приписывать ему на этом основании беспринципность было бы неправильным: он всегда служил наиболее сильному

41

представителю центральной власти в борьбе против притязаний на абсолютную власть и паразитического образа действий со стороны обмирщенного папства. Как только началась схватка за трон, он в великом удручении произносит слова, которые не умолкнут вплоть до воцарения Фридриха II: «Неверность поджидает в засаде, насилие разбойничает на дорогах, мир и право смертельно ранены!..» Сначала король Филипп должен был восстановить столь быстро павший престиж Германии перед лицом «вассальных королей» (под ними могли подразумеваться лишь Ричард Львиное Сердце и король Франции Филипп II Август). Поэт неустанно воспекает честь Филиппа, но столь же неустанно говорит и о бесчестии не по-христиански поступающего папы, который, злоупотребив «Константиновым даром», утвердил на троне Вельфа Оттона, «Все князья теперь в почете, и лишь высочайший из них унижен!.. В Риме я слышал, как лгали и двух королей предавали. Вследствие этого состоялась величайшая битва из всех, которые были прежде или будут потом... Клирики сражались крепко, но число мирян росло. Тогда те сложили мечи и снова взялись за столы¹: они отлучали от церкви всех, кого хотели, а не тех, кого должны были бы. Тогда стали рушить церкви...»

Глядящий издали свидетель не раз ссылается на достойный подражания пример «отшельника», который, удалившись от мира, живет только ради служения Богу. Схоластические размышления и казуистику, определявшие суть теологии его времени, он, напротив, отвергает: «Всемогущий Господь, Ты так всеобъемлющ, что мы лишь тщетно хлопочем, когда размышляем о тебе». Очевидное злоупотребление, выразившееся в притязании на представительство этого непостижимого, вызвало

¹ Стола (епитрахиль) — деталь католического священнического одеяния, символизирующая духовную власть (в виде ленты, набрасываемой на шею и перекрещивающейся на груди). (Прим. ред.)

42

и укрепило не только во впечатлительном поэте, но и в самых широких кругах населения веру в то, что совсем уже близок Судный день. В 1201 г., под впечатлением от папских махинаций вокруг самовольно присвоенного права утверждать избранного, Вальтер сокрушается: «Мы видели много знаков, по которым ясно узнаем о его приходе, как учит нас Священное Писание. Солнце затмилось, безверие рассеяло свои семена по всем дорогам... Духовное сословие, которое должно было подготовить нас к пути на небеса, мошенничает в своих плутовских нарядах. Насилие произрастает повсюду, перед судом блекнет справедливость».

Такие тона, повторяясь снова и снова, звучат на протяжении всего средневековья. Даже Мартин

Лютер в кульминационный момент своей борьбы против Рима, на Вормс-ском рейхстаге, все еще верил в конец света, предстоящий в самое ближайшее время. Кризисные потрясения традиционных догматов веры и доктрины о спасении, опустошительные войны, голод и эпидемии — все это заставило людей, погрязших во всякого рода суевериях, подпасть под влияние учения, связанного в первую очередь с именем *аббата* Иоахима Флорского.

Уже в 80-е годы XII столетия вольное толкование Библии этим цистерцианцем возбуждало всеобщий интерес. Иоахим возвестил, что господство «вечного Евангелия», предсказанное в Откровении Иоанна (14.6), должно начаться уже в ближайшее время. С помощью сложного «учения о поколениях» он надеялся просчитать, в каких временных пределах Бог установил соответствующие трем его сущностям эпохи, последняя из которых ожидается приблизительно через два поколения. Он, однако, считал также возможным, что она может начаться уже сейчас с переходного периода.

Ветхий Завет есть эпоха Бога-отца. Это было время рабского подчинения его закону. В эпоху Нового Завета, наступившую с явлением Христа, уже сложились патри-

43

архальные отношения, но полной свободы еще не было достигнуто. Она станет явью лишь в эпоху Святого Духа под предводительством монахов, подающих своей жизнью пример благочестия. С этим связывался также конец всей церковной иерархии. Пик этой третьей эпохи должен быть обозначен приходом «нового предводителя», который не заставит себя ждать. Так как Иоахим ограничился лишь основанием в 1192 г. в глухом местечке Фьоре в Калабрии нового монашеского барства, живущего по особо строгому бенедиктинскому уставу, то умер он в 1202 г. в своей келье, никем не потревоженный, высоко чтимый папой и императором.

Однако его приверженцы и последователи начали прозревать «нового предводителя» и его противника-Антихриста в главных действующих лицах своей эпохи. Так, образ Фридриха II после 1239 г. находился в фокусе противоречивых толкований Библии в качестве «императора мира» или же «Антихриста» (или их предтечи), особенно когда пророчества Иоахима — и это будет видно из историко-фольклорной главы — проявили себя как долговременно действующее оружие. Пока же, хотя и на короткое время, обстановка в Священной Римской империи представлялась такой, будто решающей битвы между императором и папой не произойдет вовсе. Король Филипп — первый, кого Иннокентий III признал законным правителем, — пал в июне 1208 г. в Бамберге от руки убийцы. После этого все немецкие князья быстро объединились и признали за Оттоном IV право на трон.

Этот обладавший медвежьей силой и весьма неотесанный воин, воспитанный в англо-норманнской традиции и совершенно чужой в Германии, до тех пор ничем не проявил себя как умный политик. Папа надеялся, что сможет легко играть им, и поспешил признать его королем. Оттон, конечно же, должен был сдержать свое обещание 1201 г. — предоставить Иннокентию свободу дей-

44

ствий в Италии, подтвердить и еще значительно расширить церковно-политические уступки в отношении Германии.

В 1209 г. новый король переправился через Альпы для императорской коронации. Но когда это произошло, он и не подумал выполнять свои клятвенные обещания. Он бесцеремонно отобрал у папы вытребованные тем области в пользу империи и уже через несколько недель после коронации решил завоевать королевство Сицилию. Он совершенно очевидно хотел продолжить политику своего нового кумира, Генриха VI Штауфена. Лишенный военной поддержки, папа был в отчаянии. Когда же Оттон с действительно сильным войском перешел сицилийскую границу, то единственное, что смог сделать Иннокентий,

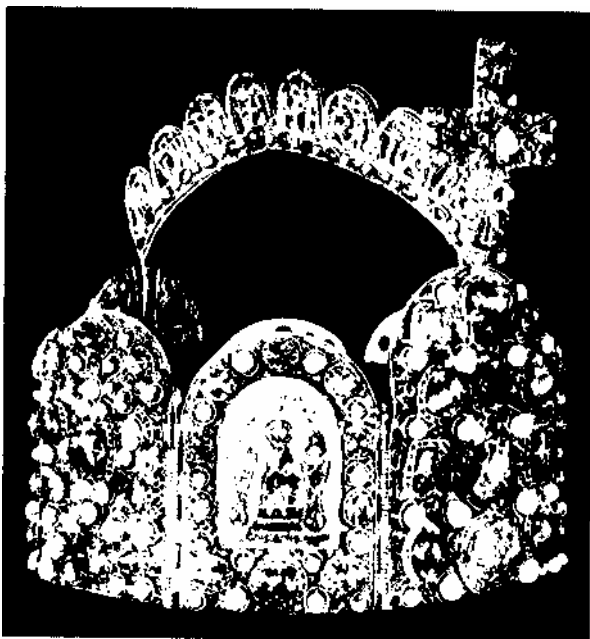

Рис. 5. Корона римско-германских императоров (X век)
45

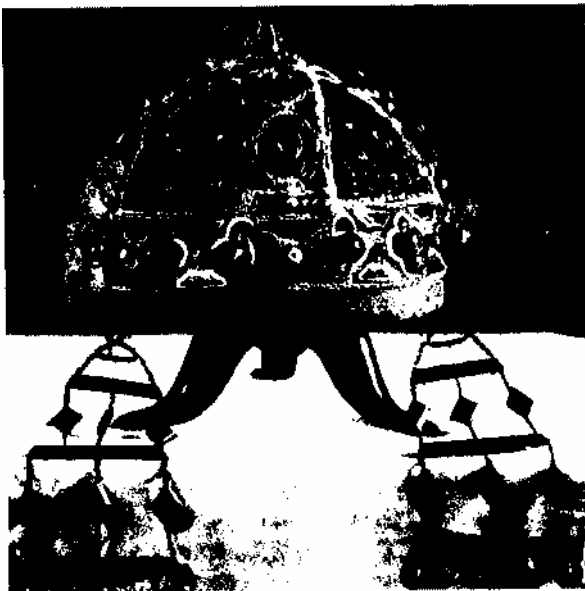

Рис. 6. Корона императрицы Констанции (XIII век)

это предать императора анафеме, которая, впрочем, мало на него подействовала. В течение 1211 г. Оттон практически без усилий завоевал всю южную Италию. Он уже намеревался переправиться на сам остров, и поговаривали, что в гавани Палермо снаряжен корабль, на котором король Фридрих Рожер собирается бежать в северную Африку. Тогда Иннокентий III после тяжких раздумий решил на последнюю возможную меру: при поддержке короля Франции и немецких князей он выдвинул молодого Штауфена как «антикороля» на германский трон. После этого опережающего взгляда на историческое развитие в Германии вернемся все-таки к тому, как складывалась судьба Фридриха Рожера после 1197 г. и как обстояло дело с его сицилийским королевством.

ДИТЯ АПУЛИИ

В сентябрьские дни 1197 г., когда умер император Генрих VI, герцог Филипп мог бы перевезти своего еще не достигшего трехлетнего возраста племянника и «короля» Фридриха Рожера через Альпы в безопасный Эльзас, вместо того чтобы оставлять его в апулийском Фо-линьо... Как часто, наверное, приверженцы Штауфенов с 1197 по 1212 г. размышляли о такой вполне реальной возможности! Историк же лишь мимоходом подумает об этом. Историческим фактом осталось прозвище «daz kint von Piille», «puer Apuliae»: так называли Фридриха II, когда он в 1212 г. триумфально поднимался вверх по Рейну, но и в зрелые годы он остался верен этому прозвищу. В землях, где говорили по-немецки, он нес в себе груз болезненных воспоминаний о надеждах на

сильное национальное королевство и империю — надеждах, которые сошли во гроб вместе с Генрихом VI, ибо вдова императора Констанция приложила все усилия, чтобы в последние немногие месяцы его жизни сделать из Фридриха Рожера настоящего «Федерико». На протяжении всей своей жизни он мог изъясняться по-немецки лишь в случае крайней необходимости. Федерико должен был стать норманнским королем Сицилии и папским пленником. Невольно настораживаешься, когда слово «норманны» упоминается в связи с раскаленными солнечными лучами

47

средиземноморским островом. Но заглянем в глубь веков. В VIII столетии последние волны Великого переселения народов привели северо-германские племена в качестве «викингов» на побережья западной и восточной Европы. То здесь, то там стремительно появлялись ужасные разбойники на быстрых ладьях-дракарах. В начале X века они обосновались в Нормандии, откуда, как известно, в 1066 г. завоевали Англию. Но еще до этого отдельные рыцарские отряды из Нормандии начали создавать на юге Италии норманнское государство. В 571 г. лангобарды основали там герцогство Беневент, охватившее большую часть византийской южной Италии. В VIII веке здесь обосновались сарацины, которые в IX веке завоевали Сицилию, до этого также подчиненную Византии. Первые норманнские рыцари — около 250 человек — были приглашены в Апулию как помощники в борьбе против сарацин и византийских оккупационных властей, но, получив пополнение из Нормандии, вскоре вступили в борьбу с папами. В конце концов на правах союзников папы норманны отвоевали оставшиеся территории южной Италии у греков-византийцев, а Сицилию у сарацин.

Герцог Рожер II как папский ленник стал в 1130 г. королем острова и всей той континентальной части южной Италии, которая обозначалась как «Апулия». При его, а также его сына Вильгельма I (1154-1166) и его внука Вильгельма II (1164-1189) правлении — религиозно толерантном, но прочном — итальянцы, греки, лагобарды, норманны, арабы и евреи жили в наиболее передовом феодальном государстве XII века, где благодаря относительно сильно развитому денежному хозяйству уже был подготовлен переход от ленного государства к чиновничьему.

После того как Вильгельм II боролся сначала на стороне папы против Фридриха Барбароссы, в 1177 г. начались мирные переговоры, приведшие в 1186 г. к тому, что сестра Вильгельма Констанция была отдана в жены тог-

48

дашнему немецкому королю Генриху VI. (О дальнейшем развитии дел на Сицилии уже рассказывалось.)

Итак, овдовевшая Констанция попробовала положить конец господству ненавистных немцев в королевстве норманнов, стоившему ей и ее норманнской родне стольких жертв. В этом она могла заручиться помощью папы Иннокентия III.

После смерти императора Констанция приказала доставить своего сына из Фолиньо, и на Троицу 1198 г. он был коронован в кафедральном соборе Палермо как король Сицилии. Германское королевство и тесно связанное с ним право на императорский титул все равно уже были в других руках после состоявшегося в Германии избрания короля. И все же решение Констанции отказать своему сыну в праве на этот титул в какой бы то ни было форме оказалось не лишним смыслом. В конце концов, весьма влиятельный архиепископ Майнцский, вернувшийся летом того же года из крестового похода, потребовал, чтобы за сыном императора Генриха было сохранено право на германский престол. В пылу жаркой борьбы последующих десятилетий об этом, впрочем, быстро забыли.

На Сицилии, однако, король-дитя не мог быть столь же легко оставлен без внимания, так как после смерти матери его неоспоримое право на трон служило всевозможным «регентам» для легализации узурпированной ими власти.

Констанция, как законная королева, руководимая общественными настроениями и, несомненно, в согласии с собственной волей, выслала из страны всех немецких вассалов, нанятых рыцарей и чиновников, а вернувшиеся домой крестоносцы, сошедшие на землю в гаванях Апу-лии, были атакованы и ограблены. В результате надежнейшая опора дома Штауфенов обернулась врагом его отпрыска. Эти воинственные господа, объединившиеся вокруг имперского стольника (трухзеса) Маркварда фон Аннвейлера и графа Дипольда Ачеррского, и не думали о

49

том, чтобы оставить свои замки. Они в основном держали в своих руках континентальную часть, а Марквард даже утверждал, будто бы Генрих VI назначил его регентом империи, что, впрочем,

отчасти представляется вероятным. В этом своем притязании он был поддержан королем Филиппом, который, однако, со своей стороны ничем не мог помочь сицилийским сторонникам Штауфенов в их стремлении восстановить «унию» с Германией. Твердо решив любой ценой удержать за собой переданные ему императором богатые владения, Марквард проводил неприкрытую политику насилия в своих интересах. «Норманнского» сына Констанции он не признавал, распространяя далеко разошедшийся слух о нем как о «ненастоящем», «сыне мясника». Сицилийский канцлер Вальтер Палеарский, епископ Трои, был тут же заточен в тюрьму королевой как явный враг старого королевского дома. Но Иннокентий III так настойчиво вступился за епископа, что Констанция была вынуждена восстановить канцлера в должности. Она принесла папе ленную клятву с отречением от права решающего королевского голоса при епископской инвеституре, а в ноябре 1198 г., уже на смертном одре, она сделала его регентом государства и опекуном своего сына. Непосредственное управление державой должен был взять на себя государственный совет, состоящий из четырех архиепископов и канцлера Вальтера. В то время как папа стремился связать короля-ребенка будущей вассальной зависимостью и по возможности отдалить от имперской власти (в 1202 г. он организовал недолговечную помолвку с дочерью короля Арагона, также папского ленника), канцлер использовал свое положение, чтобы обогатить себя и свою родню за счет королевских имуществ. Уже через несколько лет сказочные богатства норманнских королей были растрочены. Такому развитию событий немало поспособствовало то, что Марквард смог в 1201 г. захватить и Палермо, и Фридриха

50

Рожера. После его смерти в 1202 г. добыча попала в руки таких рыцарей-авантюристов, как Вильгельм Каппа-роне и Дипольд фон Швейншпойнт, чьим преемником в 1207 г. снова стал канцлер Вальтер.

Упрямые германские оккупанты должны были сильно досаждать папе. Когда предводительствуемое его легатами наемное войско ничего не смогло сделать против них, он воспользовался помощью, предложенной с другой стороны. Зять последнего незаконного норманнского короля Танкреда, французский граф, в качестве наследства требовал графства Лечче и Тарент, и когда он пообещал за это направить своих французских рыцарей против немцев, Иннокентий согласился вопреки интересам своего подопечного. Сицилийские сарацины, прежде всего разбойничьи горные племена так же, как и бароны, позволили расположить себя в пользу главного контрагента, а впрочем, наживались при каждом удобном случае.

В конце концов к этой борьбе «всех против всех» присоединились еще два итальянских приморских города: пи-занцы, добиваясь торгового превосходства, по традиции поддерживали немцев, а генуэзцы выступили как их конкуренты.

В этом политическом хаосе Фридрих (второе имя Ро-жер было вскоре забыто) с четвертого по седьмой год жизни рос, кажется, в относительной безопасности, но с началом правления Маркварда для него наступил период большей неопределенности, а также и материальной нужды. К этому времени относятся первые свидетельства о внешности и характере Фридриха, который, очевидно, рано развился в примечательную личность.

Когда Марквард фон Аннвейлер занял королевский замок в Палермо, некоторые из его солдат захотели слишком уж «наглядно» растолковать семилетнему королю, что попытка бежать бессмысленна. Однако тот, чрезвычайно разгневанный открытым неуважением к своему «величеству», сначала защищался, словно маленькая кошка, а потом, как пленник, разорвал свою одежду и исцара-

51

пал сам себя. Правда, о настоящем плене речь в то время не шла. В течение следующих лет юный король блуждал по улицам и переулкам «своей резиденции», как уличный мальчишка, — свободный, но и подверженный всем опасностям, часто лишь из жалости спасаемый от голода состоятельными горожанами. Необходимо отметить, что его столь часто поражавшее впоследствии знание языков, его ранняя уверенность в общении с самыми разными людьми и его проницательность относительно их характеров формировались в эти годы. Канцлер Вальтер Палеарский отметил это развитие своего «подопечного», когда в год перед совершеннолетием Фридриха (наступившим, согласно норманнским законам, в четырнадцатилетнем возрасте) снова смог приехать в крепость Палермо. Приблизительно в то время было написано письмо, неизвестный автор которого следующим образом описывает живущего снова в относительной обеспеченности Фридриха (вероятно, своему знакомому из окружения папского опекуна): «Фигуру короля ты можешь представить себе соответственной его возрасту, не меньше и не

больше. Но природа наделила его особым преимуществом — никогда и ни от чего не утомляться, и сильными членами на крепком теле. Никогда не сидящий на месте, он весь день в движении, и чтобы увеличить силу свою упражнениями, тренирует он свое тело, ловкое в обращении уже со всеми видами оружия. Вот оружие в его руке, вот у бедра, вот он взмахивает мечом, которым владеет лучше всего... Многократно упражняясь, выучился он хорошо натягивать лук и выпускать стрелу в цель. Отборные, быстрые скакуны — его друзья. Никто не сравнится с королем во владении уздой и шпорами. Упражнениям то с одним, то с другим оружием он посвящает весь день до наступления ночи, а затем еще несколько часов — чтению исторических сочинений. Его поведение выдает королевское достоинство, а выражение лица и властная величественность подобающи

52

властителю. Его высокий лоб и весело сверкающие глаза притягивают взоры гостей, воистину люди ищут его взгляда. Пылкий, остроумный и восприимчивый, он, правда, ведет себя несколько неблагопристойно, но это не столько исходит из его натуры, сколько является следствием общения с грубыми людьми. Однако его королевская порода и счастливое свойство с легкостью открываться всему лучшему позволяют ему постепенно избавиться от неподобающих черт, заимствованных у других. Правда, он не терпит наставлений, во всем полагается на собственную голову и, насколько можно видеть, считает для себя позором то, что обязан подчиняться опекуну и считается мальчишкой, а не королем. Вследствие этого он всячески избегает руководства со стороны своего опекуна и часто переходит границы того, что подобает королю (отчего, конечно, страдает его репутация).

Однако его усердие опережает его возраст настолько, что, еще не став зрелым мужем, он уже обладает мудростью, достигаемой обычно лишь в течение многих лет. Так что не суди о нем по числу прожитых лет и не жди его полного совершеннолетия, ибо он уже по разумению муж, а по величию правитель». И если даже византийское раболепие этого придворного языка вредит правдоподобию портрета, все-таки можно отчетливо распознать физические, духовные и нравственные черты, которые позднее должны были определить образ «преобразователя мира». Иннокентий III мог лишь надеяться, что крайне тяжелое, даже безнадежное положение сицилийского королевства в перспективе поспособствует тому, что из этого столь блестяще одаренного сына императора вырастет послушный вассал папства. Милостиво наставляющим письмом он отпустил Фридриха на Рождество 1202 г. из-под папской опеки.

В Сицилийском королевстве продолжала царствовать анархия, хотя в последние годы своего регентства папа сумел создать более или менее стабильные условия, по

53

крайней мере на той части территории страны, которая граничила с Папской областью. В остальном же молодой король был вынужден и обязан помочь себе сам.

Надежда на 500 испанских рыцарей, которых Констанция Арагонская (старшая сестра первой «невесты» Фридриха), молодая вдова короля Эммериха Венгерского, обещала привести своему новому супругу, настолько вдохновила пятнадцатилетнего Гогенштауфена, что он согласился на устроенный Иннокентием неравный брак. В марте 1209 г. королева должна была прибыть в Палермо, но Фридрих вынужден был ждать и ее, и столь вожделенных 500 рыцарей до августа.

Между тем сам он никоим образом не бездействовал. «Доблесть Цезарей дает о себе знать», — писал Иннокентий уже несколько лет назад по поводу достигавших его известий об удивительно ранней зрелости своего подопечного, и это проявилось вскоре в значительно большей мере, чем то было угодно надеющемуся на детское послушание сюзерену. Черед две недели после объявления его совершеннолетним новоявленный «самодержец» в связи с замещением освободившейся архиепископской должности в Палермо попытался игнорировать заключенный его матерью конкордат и силой добиться уважения своих «королевских прав». Иннокентий, как раз занятый подчинением своей воле вельфского римско-германского императора, посчитал достаточным в этом случае разъяснить правовое положение, и Фридрих в силу обстоятельств тотчас уступил. Характерно, впрочем, что он сразу же распознал тот решающий пункт конкордата 1198 г., который должен был сделать сицилийского короля вечным противником папы: власть распоряжаться должностями епископов, являющихся одновременно высокопоставленными государственными чиновниками.

Еще весной 1209 г., проводя миротворческие и завоевательные акции на острове, Фридрих, казалось, достиг

54

поразительных успехов, так что мог даже надеяться с помощью арагонцев подчинить своей власти материк. Но незадолго до начала кампании почти все испанские рыцари в Палермо стали жертвой чумы, и это продолжительное ослабление королевских сил использовали недовольные бароны, организовав восстание против неугодного им Штауфена.

В этом сложном положении очень ярко проявился талант правителя, по современным меркам далеко еще не совершеннолетнего: он быстро подавил мятеж и конфисковал имущество заговорщиков в пользу пустой казны государства.

Однако, несмотря на всю энергичность и быстро проявившееся дипломатическое мастерство, Фридриху была бы доверена весьма ограниченная сфера деятельности в расстроенном государстве норманнов, если бы особенности его происхождения (оно обеспечивало ему, несмотря на запрет занимать германский королевский трон, наследственное право на Швабское герцогство), а также столь недооцененные папой имперские чаяния Оттона IV не повлияли на его судьбу.

Уже в ноябре 1209 г. норманнско-апулийские бароны призвали императора Оттона, имевшего наполовину норманнское, по линии матери, происхождение, занять королевство, так как «на Сицилии имеет право царить лишь носящий императорскую корону». После некоторых дипломатических уловок, направленных против папы, Оттон осенью 1210 г. вторгся в Апулию, правда, преданный анафеме, но без труда побеждавший. Кто мог помешать ему погубить последнего Штауфена и одновременно поставить папу перед фактом возрождения империи Генриха VI?

Высокомерный Вельф, конечно, тогда еще и представить себе не мог, что уже очень скоро очерченная в первой главе до 1211 г. имперская история окажется слитой воедино с биографией этого еще мальчишески

55

незрелого, бедного и безоружного «королька» (как насмешливо говорил Оттон).

В 1211 г. Иннокентий III был вынужден последовать совету короля Франции и как можно скорее направить все свое выдающееся дипломатическое мастерство на достижение цели, которая еще несколько месяцев назад была бы воплощением его наихудших опасений: возведение на германский королевский трон Штауфена Фридриха.

Когда сицилийские сарацины уже ожидали папского венценосного недруга на острове, чтобы примкнуть к нему, когда Фридрих удерживал под своей властью только Палермо, где стоял снаряженный корабль, чтобы в экстренном случае увезти его на африканское побережье, папские легаты лихорадочно трудились, пустив в ход высокие слова и большие деньги. И когда Оттон уже намеревался сорвать Сицилию, как спелый плод, посыльные из Германии сообщили ему: по настоянию папы и при деятельной поддержке французского короля Филиппа II Августа в сентябре в Нюрнберге враждебными Вельфам имперскими князьями Фридрих Сицилийский был избран германским «императором». Император Оттон был вынужден спешно возвращаться назад, так как его господству в Германии грозила величайшая опасность.

Вместо того чтобы окончательно завоевать Сицилию и уничтожить там попавшего в ловушку соперника или по крайней мере заставить его выйти в беспокойное море, Оттон в ответ на это форсированным маршем двинулся на север. Сбитый с толку неожиданным ходом папы и приведенный в уныние кошмарным сном, в котором молодой медведь оттеснял его от лагеря, Вельф со своим сильным войском в середине зимы стал переправляться через Альпы.

В начале марта 1212 г. он созвал во Франкфурте-на-Майне придворный совет и только тогда в присутствии многочисленных князей, сразу же вновь примкнувших к

56

его партии, понял всю бессмысленность своего возвращения. Полный новых надежд, он начал в Тюрингии обещавшую, казалось бы, успех войну против папской партии. Даже швабское ополчение все еще находилось в его войске. Чтобы по крайней мере расколоть традиционную партию Штауфенов, Оттон в июле женился на Беатрисе Швабской, совсем еще юной дочери короля Филиппа, с которой был обручен еще с 1208 г. Только появление самого Фридриха в Германии могло изменить это благоприятное для Вельфа соотношение сил.

Впрочем, должно было произойти чудо, чтобы Штауфен объявился в Германии в обозримое время, да к тому же в качестве действительного короля (так как был ведь пока, в лучшем случае, лишь «избранным на императорский трон»), а не нищего просителя или преследуемого врагами беглеца. Оттон сначала и не думал о том, чтобы выступить против него, да и приверженцы антикороля, явные или тайные, также полагались больше на власть папы или денежную помощь Франции, чем на 16-летнее «дитя Апулии».

Когда вскоре после неожиданного отступления императора из Калабрии в Палермо появились два посланника нюрнбергского выборного совета, чтобы предложить Фридриху как «избранному римскому императору» германскую корону (которую все еще носил другой), все доверенные лица, а также молодая королева, недавно родившая наследника трона, Генриха, спешно уехали. Они

считали, что нельзя полагаться на непостоянных немецких князей, так же как и на принятое в крайне бедственном положении решение папы отдать империю Гогенштауфе-ну. Разве Иннокентий не делал столь долго ставку на то, чтобы оттеснить от трона короля Филиппа? Как представляется, Фридрих был преисполнен сознанием своей высокой миссии и считал, что он как отпрыск знаменитого императорского рода призван занять кайзер-ский трон. Вопреки всем предостережениям он без дол-

57

гих раздумий сделал выбор. После того как его годовалый сын Генрих был коронован в качестве короля Сицилии, что должно было продемонстрировать государственно-правовое отделение норманнской державы от римско-герман-ской империи, Фридрих письменно обновил конкордат 1198г. и в середине марта 1212 г. отправился сначала в Рим. Там он должен был лично подтвердить папе свою преданность и непреложное послушание.

‘ПОПОВСКИЙ ИМПЕРАТОР’

Путь через южную Италию после успехов императора Оттона представлялся слишком опасным, дорога по морю казалась более надежной. Но перед Гаэтой ожидал верный Вельфу пизанский флот, поэтому Фридрих достиг Рима только в середине апреля 1212 г. Там он, естественно, был сердечно принят папой, клиром и населением и чествовался как будущий римский император. Иннокентий III, видевший здесь своего бывшего подопечного в первый и последний раз, обязал его письменно подтвердить все те права, которые сколь щедро, столь и нерешительно передал папе Оттон. Как «своего Давида», который должен победить вельфского Голиафа, папа снабдил Фридриха необходимыми для похода деньгами, но едва ли смог бы сделать что-то еще для его безопасности.

У Генуи, враждующей с Пизой и надеющейся получить в Сицилии торговые привилегии, были заимствованы корабли для дальнейшего продвижения. Генуэзцы даже предоставили дополнительные деньги на дорогу, а граждане Павии оплатили все расходы на путь до Генуи. В то время как этого города можно было достигнуть обходными путями в относительной безопасности, дорога на также дружественную Штауфенам Кремону лежала через вражескую область. Под защитой местных союзников Фридрих достиг реки Ламбро, где по соглашению

59

ждали его на другом берегу кременцы. Внезапно в подавляющем численном превосходстве появились миланцы, чтобы схватить «поповского императора», как называли в вельфском лагере протектируемого папой антикороля. Преисполненные похвал источники описывают, как мужество и решительность, проявленные в этих обстоятельствах молодым королем, вызвали восхищение и у врагов, и у друзей. На неоседланной лошади он будто бы бросился в реку и в одиночку благополучно добрался до берега, на котором его ожидали союзники. Кремона встречала спасенного «божьем чудом» с большой помпой.

Следующими остановками были Мантуя, Верона и Три-ент. Герцоги Мерано и Баварии были на стороне императора, поэтому дорога через Бреннер была закрыта, и Фридрих вынужден был отклониться от курса и по опасным альпийским тропам пробираться в Энгадин. В начале сентября он прибыл в Кур, где папские сопроводительные письма обеспечили ему почетный прием у епископа и надежное сопровождение до Санкт-Галлена. Там свита пополнилась уже примерно 300 всадниками. Вместе с ними Фридрих быстро, как только мог, добрался до Констанца, имперского города (с 1192 г.), который был для него теперь единственными воротами в Германию. Был ли в состоянии Оттон IV помешать сопернику?

На известие об авантюрной верховой поездке Фридриха Оттон сначала отреагировал издевкой: «Пришел поповский император и хочет нас прогнать!» Но после того, как молодая императрица Беатриса, наследная госпожа Швабии, умерла уже через несколько дней после свадьбы в августе 1212 г., лагерь императора под тюрингским городом Вайсензе тайно покинули швабы и баварцы. Получив первые вести о приближении Фридриха, они поспешили навстречу своему новому господину. Оттон спешно снял осаду упрямо защищавшегося замка (сам город был уже захвачен), чтобы пленить Штауфена у подножия Альп, прежде чем тот сможет собрать войско.

60

Император вовремя прибыл на Боденское озеро и тем не менее обосновался для начала в Юберлингене, на противоположном берегу от Констанца, в то время как его посланцы обговаривали с епископом детали его триумфального въезда. Город уже блистал в праздничном уборе, а повара были заняты приготовлениями к торжественной трапезе, когда к воротам стремительно подскочил Фридрих с небольшим сопровождением и потребовал впустить его.

Однако епископ захотел остаться верным отлученному императору. Только когда папский легат, архиепископ Берард Барийский, громко прочел перед воротами анафему императору Оттону и тем самым пригрозил городу интердиктом, епископ не без колебаний уступил. Мост через Рейн возле Юберлингена был немедленно захвачен, и когда Оттон через три часа захотел въехать в Констанц, ворота остались заперты. Не будучи готовым к правильной осаде, он вынужден был удалиться в бессильной ярости.

В эти три часа решилось многое. Весть об этом новом величайшем «божьем чуде» с поразительной быстротой распространилась по верхнему Рейну. Она росла и, действительно поддерживаемая надеждой на щедрое вознаграждение, множила число союзников Фридриха на этих старых штауфенских территориях так быстро, что уже через неделю он смог въехать в Базель с настоящей королевской свитой. Там епископ Страсбургский, самый значительный территориальный властитель в Эльзасе, передал в его распоряжение 500 всадников, а король Богемии попросил его документально закрепить право на свою корону. Он был не единственным, кто ждал вознаграждения за свою помощь, и в упоении от успеха молодой триумфатор щедрой рукой раздавал французские деньги и имперские лены своим приверженцам. Эльзас встретил «дитя Апулии» с беспримерным восторгом.

Беспримерным было и поведение граждан города Брейзаха. В этом защищенном замком и наиболее вы-

61

годном стратегически пункте император Оттон хотел запереть рейнскую долину. Но когда его солдаты по военному обычаю сочли женщин и девушек своей «дичью», все способные носить оружие мужчины города сговорились и ночью, по сигналу набатного колокола, напали на ненавистных «саксов». С несколькими уцелевшими из своих людей император вынужден был бежать из замка и из города.

Таким образом, Фридрих не встретил вооруженного сопротивления. Из императорского пфальца Хагенау Оттон был изгнан также не им самим, а его двоюродным братом, герцогом Лотарингским. Только в Кельне Вельф смог приступить к сбору оставшихся у него войск. Через два года, будучи союзником Англии, после небольших стычек в северной и центральной Германии, он повел их против французского короля Филиппа II Августа, сторонника Фридриха. В ноябре 1212 г.

Штауфен встретился с наследником французского престола Людовиком VIII вблизи Туля, чтобы согласовать в соответствии с договором совместные действия против англо-вельфской коалиции. Посланники французского короля присутствовали и при избрании, повторно состоявшемся через несколько дней 5 декабря во Франкфурте. «Временная» коронация последовала четырьмя днями позднее в Майнце, так как инсигнии все еще были у Оттона, который также удерживал предписанный для коронаций город Ахен.

Теперь стало совершенно очевидно, что Фридрих был обязан своей короной не только папе, но и, возможно, в еще большей степени Филиппу II Августу. Благодаря его значительным денежным ассигнованиям, Штауфен был признан светскими князьями по всей южной и центральной Германии. Немаловажную роль играло здесь и то, что отлученный от церкви «император-еретик» из-за своего резкого, недипломатичного поведения не мог заново завоевать авторитет ни у светских князей, опасавшихся его централизаторских устремлений, ни у духовных, которых

62

он постоянно крайне непочтительно называл «попами». А ведь германский «король Божьей и папской милостью», как в то время именовал себя Фридрих, без сомнения, после первого упоения «чудом Господним» должен был вызывать отвращение еще у многих закоренелых врагов папы. Вальтер фон дер Фогельвейде, наставлявший тогда в качестве странствующего певца одного щедрого сеньора, горько жаловался на скупость Оттона, но гораздо более достойными проклятий ему казались интриги папы против хотя и бессовестного, но все же ревностного поборника императорского главенства на христианском Западе, каким показал себя столь неожиданно Оттон в 1211 г. Поспешно вернувшегося в Германию Вельфа красноречивый публицист приветствовал от всего сердца. Как «вестник Господа» он настоятельно советовал ему «аннулировать» отлучение от церкви, совершив крестовый поход в Святую Землю: «Вы владеете землей, Он (Господь) — царством небесным... Там, где *Он* покровитель, Он поможет Вам добиться Вашего права, даже если Вы предъявите иск дьяволу из преисподней».

Насколько сомнителен стал моральный авторитет папы вследствие его политических интриг, Иннокентий III смог убедиться самолично. Его публичная проповедь была прервана выкриком оратора от римских граждан: «Твои уста — уста Господа, но деяния Твои — деяния дьявола!»

Вальтер также бичевал двоедушие беспощадного политика-реалиста в 1222 г. в своей песне, где напоминал папе о том, что тот еще несколько месяцев назад говорил императору Оттону: «Всякий благословляющий тебя да будет благословен; всякий проклинающий тебя да будет проклят самым страшным проклятием!»

В другой, еще более проникновенной песне, где затрагивалась та же тема, неутомимый пропагандист сильной германской центральной власти высказывает «просьбу», едва ли выполнимую для курии. Поэтические достоин-

63

ства произведения, к сожалению, слабо передаются в переводе: «Бог делает королем того, кого захочет. Этому я не удивляюсь. Но мы, миряне, удивляемся тому, чему учат нас священники. От того, что недавно еще предписывали, хотя бы они теперь отказаться. Они должны бы смириться и сказать нам искренне во имя Господа и уважения к себе самим, какое именно предписание было ложным. Пусть объяснят нам убедительно, старое или новое. Ибо должны мы допустить, что одно из них — ложь. В одних устах не годится быть двум языкам».

Такие аргументы, изящно зарифмованные и исполняемые как песни, оказывали массовое воздействие, находя своего слушателя также в южной и центральной Германии и снижая популярность Штауфена. Ему противодействовал массовый психоз, который Вальтер, очевидно, напрасно пытался использовать в интересах Оттона IV: лихорадка крестовых походов. Как раз летом 1212 г., во время вызванной войной нищеты широких народных масс, так называемый детский крестовый поход в Германии и во Франции породил трагедии, лишь постепенно осознанные как таковые. Они являются красноречивым свидетельством того, насколько сильно тогда, особенно во времена лишений, религиозные настроения влияли на общественную жизнь.

В сентябре 1210 г. Жан де Бриенн, тогдашний регент Константинополя, женился на наследнице Иерусалимского трона. Небольшое войско крестоносцев, сопровождавшее его в Сирию тем не менее не смогло захватить Святой Город, удерживаемый с 1187 г. мусульманами. Султан аль-Адил поддерживал дружественные отношения с могущественной Венецией, которая тем самым добилась благоприятных условий для весьма прибыльной торговли с Египтом и была никак не готова подчинить свои интересы алчным сирийским государствам крестоносцев.

Однако страстная пропаганда Иннокентия III, который хотел себя самого (вместо императора) поставить во гла-

64

ве грандиозного освободительного похода, сумела распространить по всей Европе лихорадочную активность. Она привела к религиозной экзальтации, видениям, пророчествам и ввергла в состояние экстаза бесчисленное множество людей. Считалось, что на этот раз Бог совершенно точно защитит пилигримов.

В июне 1212 г. в одной деревне под Вандомом объявился подпасок по имени Стефан, утверждавший, что Бог избрал его предводителем похода в Святую Землю. Бессчетное количество детей последовало за ним в южную Францию. Другие мальчики также объявили себя проповедниками христианства и способствовали пополнению «войска» Стефана, которое собиралось пойти «к Господу по морю аки посуху». Напрасно французский король приказывал им немедленно вернуться. Взрослые — священники, крестьяне, ремесленники, праздный люд, преступники, наконец, даже многие женщины и девушки присоединились к детям, так что в Марсель прибыли уже около 10000 безоружных пилигримов. Там двое «торговцев душами» предоставили им для переправы семь кораблей, два из которых потерпели кораблекрушение во время шторма в районе Сардинии. Остальные пять достигли Египта, где беспомощные дети и их взрослые попутчики были проданы в рабство.

В это же время на нижнем Рейне девятилетний Нико-лаус (очевидно, наставляемый своим отцом) проповедовал то же самое, что и француз Стефан. Точно так же вверх по Рейну за ним последовали тысячи людей. Примерно 20000 мальчиков и девочек повел он через Альпы, чтобы привести их «в Иерусалим по морю аки посуху». И эти охваченные неведомым до тех пор массовым психозом дети, порученные заботам разных темных личностей, не дали себя остановить предостережениями и запретами городских советов и епископов. Во время перехода через Альпы тысячи из них пали жертвой торговцев невольниками, разбойников, болезней или голода, тысячи

65

достигли в конце концов порта крестоносцев Бриндизи в южной Италии, где епископ воспрепятствовал дальнейшему их путешествию. Часть возвращавшихся захотела, чтобы папа освободил их от обета в Риме, но Иннокентий дал лишь отсрочку. Лишь немногие — абсолютно

истощенные морально и физически — вновь увидели свою родину.

Но, несмотря на этот печальный опыт, вера в то, что ввиду явной несостоятельности погрязших в грехах взрослых Святую Землю могут освободить только невинные дети, некоторое время еще жила в широких массах. Несомненно, только этим и можно объяснить тот экстатический восторг, с которым встречали «дитя Апулии», «наше дитя» или просто «дитя». То, что этому «ребенку» было уже 18 лет, абсолютно не мешало фанатикам.

Для Фридриха, конечно, было очевидно, что подобное религиозное возбуждение можно использовать в политических целях. Но пока Вельф официально еще был императором, Штауфен не мог покинуть Германию без серьезных мер предосторожности. Кроме того, он был еще слишком зависим от расположения папы, чтобы уже сейчас выступить во главе крестоносцев.

Чтобы дать Иннокентию III, своему «защитнику и благодетелю», после его неудачного опыта с императором Оттоном еще больше гарантий своей преданности, чем то обещали составленные в Риме еще перед отъездом в Германию грамоты, 12 июля 1213 г., Фридрих в присутствии и с согласия многих имперских князей оформил в Эгере так называемую Эгерскую Золотую буллу, тем самым были торжественно признаны притязания папы на земли в центральной Италии — ключ к Сицилии. Фридрих также отказался от последних императорских прав, касающихся инвеституры епископов, с таким трудом сохраненных благодаря компромиссу в Борисе в 1122 г., и кроме того, гарантировал папе содействие в борьбе с еретиками. Необходимо было заново подтвер-

66

дить, что Сицилия никогда не объединится с империей. Главенство папы, утвержденное в свое время императором Оттоном в том же объеме, казалось теперь закрепленным навеки *имперским законодательством*. Чтобы дать папе еще больше гарантий, эта имперская привилегия должна была быть одобрена как всеми князьями в совокупности, так и каждым в отдельности.

При таком развитии дел в империи у Оттона не было никаких шансов на успех внутри страны. Поэтому Вельф вместе с английским королем Иоанном Безземельным решил нанести удар по Франции, надеясь обратить военное счастье себе на пользу. Решительная победа англо-вельфского альянса над Филиппом Августом, который прогнал англичан в 1206 г. с западно-французских «наследных земель» Иоанна, действительно могла серьезнейшим образом пошатнуть позиции Фридриха в южной Германии. Будущее империи зависело от исхода английской войны-«мести» на французской территории. Ничто не могло более ясно отразить закат германской империи со времени смерти императора Генриха VI.

Весной 1214 г. император Оттон с союзниками из Фландрии, Брабанта, Геннегау и Голландии вторгся в северную Францию. В то же время английский король с сильным войском сошел на берег в Ла-Рошели, и Филипп Август оказался в очень опасном положении. Правда, Фридрих с южно-немецким имперским войском, мобилизованным к Пасхе, совершил напрасную отвлекающую атаку на нижний Рейн, которой он надеялся захватить Оттона врасплох, но когда войско Фридриха устремилось за Вельфом, к решающей битве оно уже не успело. Наследник французского престола Людовик победил англичан в графстве Пуату (которое Оттон получил от Ричарда Львиное Сердце и по которому он себя титуловал), а 27 июля 1214 г. Филипп Август, чье рыцарское войско было увеличено до беспрецедентной для того времени численности за счет призыва из северофранцузских горо-

67

дов, уничтожил армию императора Оттона IV при Бувине (к юго-востоку от Лилля).

Тот факт, что добытый на поле брани золоченый орел с императорского штандарта Оттона был передан французским королем Фридриху, современники по праву восприняли символически. Хронист монастыря Лаутербург на горе Петерсберг поблизости от Галле писал: «С этого времени померкла среди иноземцев слава немцев».

Между тем настоящим победителем было королевство Капетингов, которому Филипп Август своей победой при Бувине на долгое время обеспечил перевес в борьбе с федералистскими претензиями территориальных властителей (которые в Германии начали добиваться успеха). Английские бароны уже в 1215 г. вынудили короля Иоанна, потерпевшего неудачу во Франции, к подписанию *Magna Charta Libertatum*, «Великой хартии вольностей» феодальной аристократии, которая, правда, не могла угрожать уже утвердившемуся централизму английского государственного аппарата, но должна была приобрести большое значение как первый шаг к английскому парламентаризму.

Непосредственным результатом битвы при Бувине было все же то, что королевская власть

Фридриха больше не могла серьезно оспариваться. При этом и все уступки, сделанные папе, приобретали свое подлинное значение. Преисполненный энтузиазма после этого триумфа, Иннокентий III хотел увенчать дело своей жизни блестящим смотром воинства римской церкви на IV Латеранском соборе в ноябре 1215 г. Там собрались: 71 архиепископ с патриархами Константинополя и Иерусалима, более 400 епископов и 800 аббатов, посланники европейских королей, князей и городов, а среди них и представители императора Оттона и короля Фридриха, спор которых о троне должен был окончательно разрешиться именно здесь. Приговор должен был быть вынесен в пользу Штауфена, но столь явное смещение императора церков-

68

ным собранием создало тем самым опасный прецедент, как выяснилось 30 лет спустя в решающем столкновении императора Фридриха и папы Иннокентия IV.

Планы Иннокентия III по отвоеванию Иерусалима не имели успеха, хотя собор и призвал к всеобщему крестовому походу. Некоторые князья еще до этого приняли крест. Но от этого только ослабла военная мощь Фридриха в его борьбе против Оттона, так что весной 1215 г. Штауфен не смог занять ни Кельн, ни Ахен. Только когда в июле горожане Ахена сами прогнали имперского фогта, путь в старинный город коронаций был открыт, и наконец-то помазание и коронация стали возможны «на правильном месте». В 21 год будущий император вззошел на трон Карла Великого. Какое большое значение придавалось этой церемонии, позволяют судить источники, в которых годы правления Фридриха II отсчитываются лишь со дня отвечающей формальностям коронации. Сразу после того, как архиепископ Зигфрид Майнц-ский возложил на его голову добытую при Бувине королевскую корону, Фридрих торжественно пообещал совершить крестовый поход. Все присутствующие были этому удивлены, и вскоре стало окончательно ясно, как проблематично было перейти от слов к делу. С точки зрения историков, одно только обещание было гениальным политическим ходом. Взяв на себя важнейшее, по тогдашним представлениям, задание для христианского владыки, освобождение Святой Земли, будущий император, таким образом, снова изъясил его из рук папы. Тем не менее нет ни малейшего основания видеть в подобном внезапно проявившемся крестоносном рвении столь еще юного короля лишь политический по преимуществу расчет. Будет также преувеличением и выводить из присутствия папских легатов-крестоносцев факт специальной договоренности по этому вопросу с Иннокентием.

Засвидетельствованная для этого времени связь Фридриха с вдохновленными крестоносной идеей молодыми канониками позволяет ду-

69

мать о его на этом этапе чисто религиозном воодушевлении. Оно, правда, абсолютно согласовывалось с осознанием будущим императором своей миссии. Во всяком случае, Иннокентий молча перенес эту «самостоятельность» своего подопечного на Латеранском соборе. Спустя несколько месяцев, в июле 1216 г., его немощное тело не смогло больше вынести тех чрезмерных нагрузок, которым он себя подвергал. Еще за две недели до своей смерти дальновидный политик обязал Штауфена во время его имперской коронации совсем отказаться от Сицилии в пользу своего сына Генриха. По такому поводу Иннокентий никогда не позволял себе отступать ни на йоту.

Его преемник, Гонорий III, был старым, миролюбивым человеком, юристом-администратором, создавшим в качестве папского комерария важные организационные предпосылки для финансового могущества курии, приобретшего вскоре решающее значение. С ним Фридриху проще всего было иметь дело. Так как Гонорий был таким же страстным приверженцем отвоевания Иерусалима, как и его предшественник, то «руке Господа в миру» рекомендовалось только подождать, как будут расставлены исходные дипломатические акценты. Все-таки уже сам обет крестового похода давал возможность начать подготовку к управлению страной во время отсутствия короля. Поэтому никого не удивило, когда вскоре после коронации в Германию приехала королева Констанция с пятилетним сыном, сицилийским королем, а уже в 1217 г. Генрих по традиции Штауфенов получил в лен герцогство Швабию.

Само собой разумеется, что перед началом опасного крестового похода наследство сына должно было быть упрочено и в германском королевстве. Так было и в случае подготовки к крестовому походу отца и деда, Фридриха Барбароссы, и поскольку прологом к крестовому походу Фридриха II должна была стать коронация в каче-

70

стве *императора в Риме*, постольку у князей был существенный стимул для согласного избрания Генриха: многолетнее регентство одного из них над малолетним королем обеспечивало

преимущество их федералистских интересов над общегосударственным. Но должно было пройти еще три года, прежде чем рядом далеко идущих уступок удалось добиться поддержки этих планов, открыто противоречащих папской политике, со стороны дольше всего колебавшихся духовных князей.

Пробст Буркхард фон Урсберг описывал щедрость, с которой Фридрих II после своего столь счастливого воцарения в Германии раздавал или отдавал в залог как имперские, так и фамильные штауфенские владения своим приверженцам уже после того, как Филипп и Оттон IV тем же способом приобрели весьма сомнительных союзников. Это озабоченное сообщение заставило исследователей старшего поколения предположить, что и целенаправленная «немецкая» политика, как и проводимая позднее Фридрихом II, была бесперспективна перед лицом этих тяжелых потерь царствующего дома. Это, однако, не так.

Уже в 1213 г. молодой король, напротив, начал требовать возвращения королевских имений. Подчиняя себе фогства и основывая города, он смог более чем возместить убытки, и прежде всего в герцогстве Швабия, охватывавшем на западе весь Эльзас и простиравшемся на юге вплоть до озера Комо. Когда в 1218 г. умер последний Церинген, появилась прекрасная возможность конфисковать имперский лен и тем самым значительно расширить домен короны на территории нынешней западной Швейцарии. 19 мая 1218 г., едва достигнув 36 лет, в Гарцбурге умер император Оттон. Возможно, этому поспособствовало одобрение князьями в сентябре на рейхстаге в Ульме этой политики упрочнения владельческих позиций короля.

То, что «поповский император» Фридрих с 1215 г. уже прочно взял власть в свои руки, доказывает отношение

71

Вальтера фон дер Фогельвейде, открыто отвернувшегося от Оттона. В 1213 г., когда Иннокентий III распорядился установить повсюду церковные кружки для сбора пожертвований в пользу пропагандируемого им крестового похода, певец жестоко высмеял его: «Эй, как по-христиански смеется теперь папа, рассказывая своим итальянцам: „...я подвел двух алеманов под одну корону, чтобы они привели в замешательство и опустошили империю. Мы тем временем заполняем свои лари... Их немецкое серебро перемещается в мой итальянский сундук. Вы, священники, ешьте курятину, пейте вино, а немецкий люд пусть тощает и постится"».

Между тем в южной Германии знаменитый певец не везде получил ожидаемое одобрение. В другой своей песне он чистосердечно рассказывает, как примерно в это время сделал однажды крюк «более чем в милю» к монастырю Тегернзе, чтобы затем голодным уйти из-за стола *аббата*. Возможно, именно такие «удары по желудку» ускорили изменение политических взглядов Вальтера. В конце концов император Оттон тоже был «поповским королем»... Так, в 1215 г. поэт сравнивает двух владык и приходит к выводу, что Фридрих только фигурой меньше могучего Оттона, но превосходит его в смысле чести и щедрости и к тому же еще продолжает расти. Вскоре после этого он без стеснения просит Штауфена о вызволении из нужды и бедности. Сначала он получает лишь небольшую ежегодную ренту, но уже в 1220 г. может торжествовать: «У меня есть лен!...»

Ниже еще пойдет речь о том, за что именно Вальтер, вероятно, получил свое имение, распложенное в Вюрц-бурге или его окрестностях. Первое совсем скудное дарение, впрочем, свидетельствует о том, что времена, названные в источниках периодом «благородной щедрости короля», прошли. Когда в 1213 г. французский король прислал весьма внушительную сумму в 20000 серебром

Рис. 7. Вальтер фон дер Фогельвейде

марок, Фридрих приказал не сохранить эти деньги, а разделить между князьями. Но вскоре после этого управление финансами, естественно, было организовано более строго, так как в Германии в это время еще не хватало наличных денег.

Возможно, что беспокойное перемещение молодого короля в годы ожидания коронации было обусловлено все еще преобладавшими натурально-хозяйственными производственными отношениями. Каждое пребывание королевского двора на одном месте дольше обычного могло привести к экономической проблеме, даже в хозяйственно передовой юго-западной Германии. Больше всего Фридрих II любил останавливаться в Эльзасе, в пфальце Хаге-нау, расположенном посреди обширнейшего Священного леса. Там, в богатой библиотеке, он мог утолять свою жажду знаний, но прежде всего удовлетворять свою пылкую страсть к охоте.

Даже в худшие времена, после 1197 г. в Эльзасе не было никаких значительных потерь королевских владений, так как исходящая отсюда опасность была осознана еще королем Филиппом. Вследствие постоянного соперничества между швабскими герцогами, которые как германские короли или императоры проводили в Эльзасе политику укрепления частной власти, и страсбургскими епископами, самыми могущественными территориальными владыками этой страны, уже во второй половине XII века начавшими очень энергичную политику собирания земель, Эльзас в конце XII и в начале XIII столетия представлял собой особенно пеструю картину (что, впрочем, было типичной чертой всей Германии). Поэтому стоит коротко обрисовать сложившуюся там ситуацию.

Из-за только что упомянутого соперничества епископ после 1198 г. оказался на стороне папского кандидата на трон Оттона, графа Пуату. Филипп же покровительствовал городу Страсбургу, желавшему выйти из-под епископской опеки, и даже сделал его в 1205 г. имперским

городом, что, впрочем, в свете дальнейших событий утратило свое значение. В это время короли-конкуренты огнем и мечом терроризировали жителей населенных пунктов, поддерживавших противника, и страсбургцы также должны были защищать стены своего города.

Монастырь святого Томаса в Страсбурге уже с середины XII столетия имел штауфенского фогта. С тех пор местные монахи удостоивались чести выполнять важные государственные поручения императора, как, например, уже упомянутый в первой главе каноник Буркхардт, возглавлявший императорское посольство в Египет. Во времена Филиппа пробст Фридрих из монастыря святого Томаса был императорским капелланом, то есть одним из самых высокопоставленных должностных лиц государственной канцелярии. После избрания Фридриха епископ перешел в лагерь Штауфенов, а жители Страсбурга потребовали от Оттона подтвердить привилегии их города как имперского. Поражение Оттона привело к тому, что на несколько десятилетий (до 1262 г.) город снова оказался под властью епископа, так как Фридрих II был особенно обязан епископу Генриху (из рода швабских графов фон Феринген), который предоставил ему в Базеле пятьсот всадников. В 1219 г. прежнее соперничество все-таки вновь прорвалось наружу, вылившись в столкновения из-за необычайно разбросанных владений во многих деревнях и местностях. Лишь в 1236 г. удалось прийти к компромиссному миру.

Такое упорство дает основание полагать, что Гоген-штауфены не так сильно пренебрегали своими позициями в Германии, как это могло бы показаться в связи с будущей итальянской политикой Фридриха II. Даже король с таким фамильным владением, какое представляли в самом лучшем случае юго-западные немецкие территории Штауфенов, мог — и должен был по воле князей — быть в Германии лишь *Primus inter pares* (первым среди равных). Поэтому обладание германской коро-

левской короной было для Фридриха ценно лишь как предварительное условие для получения короны императорской.

Бесчисленные мелкие королевские обязанности, с вечным перетеканием от одного придворного совета к другому (подтверждение прав на владение, раздача привилегий, улаживание конфликтов), «избранный в императоры» мог воспринимать как второстепенную деятельность, заполняющую назначенное папой ожидание.

Две связи, налаженные сразу после коронации в Ахе-не и систематически затем расширявшиеся, приобрели большое значение для будущности Фридриха: вступление в монашеское сообщество цистерцианцев и поддержка им Немецкого рыцарского ордена. Цистерцианцы, «серые монахи», в качестве образцовых земледельцев и скотоводов, а также одаренных архитекторов, оказали Фридриху неоценимые услуги также и в Апулии. В лице же магистра ордена немецких рыцарей Германа фон Зальцы он приобрел мудрого советника и ближайшее доверенное лицо. Вплоть до своей смерти в 1239 г. тот успешно выступал посредником между императором и курией. Ведь солнце папской милости не могло светить вечно, и уже вскоре на горизонте показались первые тучи.

Назначенная еще Иннокентием III дата начала крестового похода — 1 июля 1217 г. — не учитывала положение Фридриха, и неудивительно, что вскоре была осознана им как абсолютно нереальная. Но и в 1218 г., когда после смерти императора Оттона поход действительно начался, им руководил папский легат, а на участие Фридриха Гонорий явно не рассчитывал. Полагали, что к освобождению Святой Земли должна была привести победа над султаном в его вотчине, Египте. Такое решение стало роковым. Хотя в 1219 г. был захвачен портовый город Дамьетта, при недостаточно подготовленном наступлении в направлении Каира крестоносцы попали в столь бедственное положение, что попросили германского короля о

помощи. Фридрих объявил, что готов помочь раньше, чем получил соответствующее письмо от папы. Но сначала необходимо было решить некоторые сложные проблемы. Прежде всего следовало прояснить вопросы управления империей и статус Сицилии, где формально правила находящаяся теперь в Германии королева Констанция, состоявшая регентшей при маленьком Генрихе. На практике же это означало, что в небольшой, все еще остававшейся под властью короля островной области, правил сицилийский канцлер Вальтер Палеарский.

Когда положение крестоносного войска под Дамьеттой еще более ухудшилось, Гонорий наконец в последнюю минуту оказался готов принять тот ход политического развития, который он тщетно пытался предотвратить при поддержке имперских духовных князей. Незадолго до прибытия в

Рим, которое ввиду ситуации под Дамьет-той нельзя было откладывать до бесконечности, Фридриху путем раздачи очередных принадлежавших короне важных прав удалось добиться согласия князей на избрание восьмилетнего сицилийского короля на германский трон, и в апреле 1220 г. во Франкфурте Генрих (VII) был избран.

Уже в этот месяц избрания была уплачена цена за голоса *духовных* князей в форме важной имперской привилегии, превращавшей прежние исключительные привилегии в правовую норму. В этом «*Confoederatio cum principibus ecclesiasticis*» («Соглашении с духовными князьями») области правления церковных князей, то есть коронные лены, впервые были названы «территориями» и были созданы решающие предпосылки для будущего территориального княжения. Фридрих обязался не взимать новых налогов с территорий духовных владетелей, не учреждать новые монетные дворы и таможи, не строить замков и не передавать кому-либо городские права. Кроме того, он передал духовным князьям судебную власть (с небольшими ограничениями на случай проведения на

77

данных территориях придворного совета) и, наконец, даже право свободно распоряжаться церковным имуществом. Все, кто был отлучен от церкви духовными владетелями, через шесть недель автоматически попадали под имперскую опалу.

Понимал ли сам Штауфен, что он тем самым заложил последний камень в стену, отделяющую центральную власть от территориальных властей в Германии, — это уже другой вопрос. В любом случае ему было ясно, что решающее усиление императорской власти могло быть достигнуто только на Сицилии и в северной Италии с заложенным в них экономическим потенциалом. Несовершеннолетний сын Фридриха уже обладал личной унией, от которой при коронации на императорском троне его отец должен был недвусмысленно отказаться. Но кто мог помешать императору позднее управлять в качестве опекуна обоими государствами? Результатом этой целеустремленно проводимой политики явилась несомненно блестящая победа «поповского императора» на дипломатией курии.

Временным правителем империи был назначен осмотрительный и усердный Энгельберт фон Берг, который с 1216 г. был архиепископом Кельнским. После этого назначения Фридрих в августе 1220 г. собрал на берегу реки Лех под Аугсбургом небольшое войско и отправился с ним через перевал Бреннер в Италию.

С тех пор в Германии при дворе короля Генриха (то есть до объявления его совершеннолетним в 1228 г. и утверждения как главы имперской администрации) существовало второстепенное правительство, в то время как империя управлялась из центра в Италии. Немецким князьям могло быть только на руку такое понижение Германии до уровня второстепенного государства, начавшееся уже при императоре Генрихе VI. Когда они еще колебались, согласиться на избрание маленького Генриха или нет, Вальтер фон дер Фогельвейде справедливо ука-

78

зал им на то, что своим промедлением они только задерживают Фридриха II на его пути в Рим и далее в Святую Землю. В конце песни он без обиняков говорит князьям, называя вещи своими именами: «Враги, позвольте ему отправиться в свой путь; возможно, здесь у нас он больше никогда вам не помешает. Если он останется там — да защитит его Господь! — смеяться будете вы. Если же он вернется домой, к нам, друзьям, тогда смеяться будем *мы*. Так давайте вместе подождем развязки». Весьма вероятно, что именно за эту пропагандистскую поддержку планов Фридриха Вальтер и получил свое имение.

Сотрясающуюся от постоянной межпартийной борьбы северную Италию Фридрих смог миновать беспрепятственно. В начале октября 1220 г. он сообщил папе о своем скором прибытии, отправив к нему посольство, в состав которого впервые вошел Герман фон Зальца. Через месяц, когда Рим был уже почти достигнут, прибыло ответное посольство от папы, чтобы выторговать последние уступки перед имперской коронацией. Гонорий хотел во что бы то ни стало предотвратить объединение империи с Сицилией. Чиновники на острове не могли назначаться из числа иностранцев, сицилийский король обязан был иметь собственную постоянную печать. Но личная уния в двойном королевстве Генриха была принята без единого слова. Так как Фридриху было абсолютно все равно, с какими формальностями он сможет получить реальную власть, речь об объединении больше не заходила. День коронации был назначен на 22 ноября.

В предусмотренный заранее день Фридрих с королевой Констанцией выехал из Монте-Марио по старой коронационной дороге императоров в направлении Рима. Раньше часто случались раздоры между королевской свитой и римлянами (при коронации Оттона IV разыгралась настоящая битва, так как жадный Вельф поскупился на положенные по обычаю подарки), но на этот раз торжество

прошло мирно и гармонично. Сопровожденный священ-
79

никами, а затем сенаторами до собора Святого Петра, король поцеловал ноги папе и получил в свою очередь от него поцелуй и объятие. Затем он поклялся в капелле Santa Maria in turribus всегда быть защитником и покровителем папы и Церкви. После этого, в качестве замены бытовавшему ранее посвящению, последовало принятие Фридриха в братство каноников Святого Петра. В императорском облачении он был благословлен кардиналами и принял обряд помазания. В заключение он во время продолжительного церемониала принял от папы митру и корону, меч «борца за Святого Петра», а также скипетр и державу. Императрица была коронована в процессе сходного церемониала. Причастие и поцелуй мира завершили праздник. Перед собором император держал папе стремя все то время, когда тот сопровождал его верхом. После этого Штауфен вернулся со своей свитой в Монте-Марио. Выражением гармонии, определившей в эти дни отношения папы и императора, стал ряд законов, которые были изданы Фридрихом в день коронации. Церковь и духовенство были освобождены от мирских повинностей и сохранили собственную юрисдикцию. Постановления итальянских городов, которые этому противоречили, были признаны недействительными. Органы государственной власти обязывались деятельно поддерживать церковь в преследовании еретиков, а за отлучением от церкви должна была следовать имперская опала.

До сих пор Штауфен дистанцировался от межпартийной борьбы североитальянских городов, во время коронационного похода в Рим его лагерь все время разбивался вне городских стен. Своими коронационными законами Фридрих впервые вмешался в дела итальянских городов — на стороне папы.

Тем временем в Ломбардии (впервые, вероятно, в 1216 г. во Флоренции) впервые разделись боевые кличи, обозначившие приверженцев императора Оттона IV как «вельфов», а верных папству сторонников короля Фрид-
80

риха — как «гибеллинов» (по названию родового замка Гогенштауфенов — Вайблингена). Когда через несколько лет после коронации Фридриха гибеллины — уже принципиально враждебные папству — стали «императорской партией», их противники вынуждены были взять название старой проимператорской партии и называться гвельфами. Значения этих слов сохранились до сегодняшнего дня.

Однако пока еще многие верующие надеялись, что согласие между империей и папством продлится и сделает наконец возможным отвоевание Иерусалима. Во время коронации Фридрих повторно принял крест из рук кардинала — епископа Остии Уго (через семь лет, уже будучи папой Григорием IX, тот отлучит его от церкви) и пообещал выступить в Палестину в августе 1221 г. Однако два упреждающе высланных на помощь флота уже не смогли предотвратить фиаско в Дамiette. Портовый город был вновь потерян 21 августа 1221 г., и создалось новое положение, которое молодой император умело использовал. Он убедительно объяснил, что должен сначала мобилизовать большие силы, чем те, которые были в его распоряжении сразу после коронации. Он попросил отсрочки и этим выиграл время, чтобы отвоевать свое погрязшее в анархии сицилийское наследство.

СНОВА ПО Ту СТОРОНУ АЛЬП

Без войска, нищий, преследуемый могущественными врагами как «поповский император», он, «дитя Апулии», восемь лет назад отправился из Рима в опасное путешествие на чужой Север, в Германию. И вот сицилийский Штауфен, во всем блеске своего кажущегося нереальным успеха, должен вернуться из Вечного Города на родину уже как император. То, что формально Фридрих должен был отказаться от сицилийского королевства в пользу своего маленького сына, было столь несущественно для практической каждодневной политики, что даже папа назвал Сицилию «твое королевство», когда упомянул о нем в одном из писем к Фридриху.

Но пока «его держава» состояла по существу лишь из городов Палермо и Мессина, где управлял Вальтер Пале-арский, с тех пор как королева Констанция с сыном последовали по зову Фридриха в Германию. На сицилийской части материка тоже лишь некоторые дворянские фамилии остались верны королевскому дому. С момента смерти императора Генриха VI могущественные вассалы, прежде всего в северных пограничных областях, чувствовали себя практически независимыми, несмотря на соседство папы-сюзерена. Но после того как Фридрих подчинил своей власти важнейшие приграничные замки, он получил доступ в Кампанию, и уже в декабре 1220 г. смог в Капуе возвестить всеобщий земский мир.

Это сразу же обеспечило ему большую популярность среди простого народа, страдавшего от постоянных междоусобиц феодалов. Последующие законы, дошедшие до нас под названием «Капуанские ассизы», означали начало широкомасштабной судебной реформы. В июне 1221 г. в Мессине этот законодательный труд был дополнен и завершен. Высшая юрисдикция была ограждена от произвола графов и баронов и передана государственным юстициариям. Те же подчинялись судьям большого двора (название «большой двор» означало штат сицилийских придворных, сопровождавший императора во время больших путешествий или военных походов). Еще ощутимее власть феодалов была урезана пересмотром всех выданных с 1189 г. привилегий. При этом королевскому дому не только удалось вернуть обширный домен короны, незаконно присвоенный знатью во время растянувшейся на десятилетия анархии. Фридрих не боялся конфисковывать и вполне законные владения, особенно если речь шла о стратегически важных оборонных сооружениях. Постройка же церквей и монастырей, которую советовал начать старый сицилийский чиновник Томас Гаэтский, совершенно не входила в планы вернувшегося Штауфена. Столь значительное изменение властных отношений, принуждавшее знать исполнять придворные и государственные обязанности, было достигнуто не только законодательными и административными мерами. Два года бушевала небольшая жестокая война, в течение которой Фридрих сначала объединился с немногочисленными могущественными баронами против «больших фамилий», что не помешало ему затем беззастенчиво предать своих помощников и точно так же лишить их власти. Наиболее жестко преследуемые графы и бароны бежали в Рим, откуда папа Гонорий следил за энергичными действиями своего державного «ленника», очевидно, со смешанными чувствами. Слишком сильный император был угрозой для папства, слишком слабый не смог бы успеш-

83

но провести крестовый поход, ожидавшийся Гонорием с особым нетерпением. В 1222 и 1223 гг. Фридрих разгромил важнейшие центры сопротивления сарацин на острове. Чтобы предотвратить последующие восстания, он организовал грандиозное переселение 15000 арабов на север Апулии, где выделил им город Лучеру (рис. 8), расположенный в зоне, граничащей с папской областью. Там враги быстро превратились в надежных союзников. Неуязвимые для любого папского отлучения, магометане на десятилетия превратились вместе с немецкими наемными рыцарями в костяк императорского войска, и даже лейб-гвардия императора состояла из сарацинских солдат. Вскоре Лучера прославилась как центр оружейного и ковроткацкого ремесла. Часть арабского населения занималась также земледелием.

Рис. 8. Замок Штауфена в Лучере

Через четыре года Фридрих уже крепко держал в руках Сицилийское королевство, и теперь можно было приступить к устройению государства как таковому. Ценными советниками и соратниками Фридриха наряду с

84

канцлером Вальтером Палеарским и архиепископом Бе-рардом Палермским (который, будучи еще архиепископом Бари, открыл своим красноречием ворота Констанца в 1212 г.) выступили племянник канцлера, архиепископ Райнальд Капуанский, дипломат Томас Гаэтский, а также некий Риккард, бывший рыцарь ордена тамплиеров, которого Иннокентий III послал в 1202 г. в южную Италию. После достижения Фридрихом совершеннолетия он, очевидно, взял его на службу. Так или иначе, в 1212 г. тот в качестве камерария был высокопоставленным придворным и руководителем управления финансами, а в 1220 г. возглавил в качестве заместителя императорскую канцелярию. Все эти люди — как, впрочем, и другие из ближайшего окружения Фридриха — были доверенными лицами пап Иннокентия III и Гонория III, так что все назре-

вавшие конфликты могли быть своевременно улажены. Меры, свидетельствующие о религиозной толерантности, такие, как поселение сарацинских мятежников и «врагов Господа» в Лучеру, правда, вызывали негодование истовых христиан, но курия уже давно свыклась с пестрым многообразием конфессий в Сицилийском королевстве.

Замиренный таким образом остров смог вновь, как и встарь, стать сокровищницей и житницей норманнской династии. Многие столетия эта земля возделывалась арабами и греками, и нельзя было даже предположить, что она получит печальную известность области, где царствует постоянная нужда. Так же, как и вся южная Италия и большая часть Греции и Испании, она была еще защищена от высыхания и закарстовывания большими лесными массивами. Здесь росли разные сорта зерна, сахарный тростник, лен, конопля и финики. Значительную роль играли шерсть и шелк — сырье для ремесленников. В портах организовали перевалочные пункты для своей левантйской торговли конкурирующие морские города Генуя и Пиза, добившиеся многочисленных торговых привилегий. Начиная с 1212 г. Пиза, впрочем, уступила Генуе, подчи-

85

нившей себе даже Сиракузы и остров Мальту. Такое ограничение своей власти особыми правами Фридрих не хотел допускать ни при каких условиях. Уже по пути в Рим на коронацию он отклонил все просьбы североитальянских городов о выдаче им торговых привилегий в Сицилии и даже для Генуи не сделал исключения. Генуэзцы, которым он пообещал богатое вознаграждение за их поддержку во время опасного «коронационного похода» в Германию, были этим крайне разочарованы.

Только теперь стал очевиден весь масштаб торгово-политических планов императора. Следуя норманнской традиции, он приказал построить сильный флот и с его помощью прогнал генуэзцев из Сиракуз, отменил все привилегии для сицилийских портов (таможенные льготы и освобождение от портовых сборов) и приступил ко все более последовательному огосударствлению всей сицилийской морской торговли. Это затронуло, естественно, южно-итальянские порты, и прежде всего Бари, Барлетту и Бриндизи, где процветала левантйская торговля, а также формировались флоты пилигримов и крестоносцев.

Впрочем, Фридрих недолго оставался на этом богатом, почти тропическом острове с его великолепным культурным и административным центром Палермо. Ядром своей империи он избрал Апулию, с которой познакомился только теперь. Этому в первую очередь способствовало то, что там он находился в максимальной близости к главным врагам своих державных планов, папе и ломбардским городам, но оказалось, несомненно, и его пристрастие к этой прекрасной, покрытой лесами земле между восточным побережьем полуострова и Апенниннами. Об этом будет еще сказано подробнее. Для начала требовалось окончательно подчинить себе материковую часть Сицилийского королевства и надежно подавить силы феодальной анархии.

Насколько серьезно относился Фридрих к принципу строгого централизма, о котором в феодальных государ-

86

ствах севернее Альп нигде не могло еще идти и речи, свидетельствует, помимо прочего, основание им в 1224 г. высшей школы в Неаполе, первого «государственного университета» на Западе. Там должны были обучаться столь необходимые для централистского государственного аппарата молодые кадры, прежде всего юристы и управленческие служащие, но изучали также философию, теологию и медленно формирующиеся естественные науки. Преподавание медицины тогда, как и прежде, оставалось связанным со знаменитой школой в Салерно.

Хотя потребность в основании университета была общей, в нем можно видеть еще и первый политический ход против папского влияния на внутреннее управление королевства.

Подтвержденный Фридрихом конкордат его матери Констанции с Иннокентием III, передающий право распоряжаться епископскими кафедрами в руки папы, вопреки королевскому праву утверждения, сделал спор за инвеституру неизбежным, ведь на Сицилии, как и в Германии, епископы занимали ключевые посты в государственном аппарате. Теперь, по крайней мере, теологическое образование находилось под контролем государства. Относительно юридического образования дело обстояло примерно так же. Фридрих лично очень ценил старую юридическую школу Болоньи, но не хотел терпеть в своем новом образцовом государстве царивший там дух свободы и демократии.

Двадцать один архиепископ и 124 (!) епископа Сицилии не могли ни в коей мере сравниться с их немецкими «коллегами», могущественными имперскими князьями. Однако это иерархическое различие не было принципиальным, и поэтому постоянные распри, которые начались уже с

первыми политическими шагами 14-летнего Фридриха в 1208 г., охладили первоначально очень теплые отношения с папой Гонорием, даже несмотря на умелое ведение переговоров уже упомянутыми доверенными лицами с обеих сторон. Это «нормальное» развитие отноше-

ний между императором и папой еще более усугубилось действиями Фридриха против «духа Болоньи», который, по его мнению, обнаруживался и в стремлении к независимости ломбардских городов.

Для того чтобы прочно связать отсталое немецкое ленное государство с сицилийским чиновничьим, кайзер не должен был упускать из виду ломбардскую «имперскую Италию», равно как и путь по суше из южной Италии на Север. О судьбе Анконской марки и Сполет-ского герцогства после успешного занятия их в 1198 г. папскими войсками все-таки еще не было сказано последнего слова. Правда, главную проблему прежде всего представляли собой североитальянские города, некогда упорные противники императора Фридриха Барбароссы, который после своей долгой войны с предводительствуемой Миланом Ломбардской лигой по мирному договору 1183 г. в Констанце с трудом сумел ввести в этих городах некоторые имперские права. В течение четырех столетий, в которые империя подвергалась жесточайшим испытаниям, эти вновь быстро окрепшие города опять присвоили себе многие имперские владения и позволили себе предать забвению навязанные имперские права. Тут вдруг связанные с крестовым походом обязательства напомнили императору, что ему нужны деньги, много денег, а они лежали в сокровищницах гордых городов, которые уже держались, как независимые городские республики.

Хотя и серьезная, но недостаточная поддержка папскому крестовому походу двумя быстро снаряженными вспомогательными флотами, которые не смогли предотвратить потерю в августе 1221 г. порта Дамьетты, захваченного лишь за два года до этого, нанесла чувствительный урон престижу императора. Поэтому новый крестовый поход необходимо было подготовить очень тщательно.

В 1225 г. папа Гонорий, вновь изгнанный мятежными римлянами из Ватикана, на переговорах в Сан-Джермано (Монте-Кассино) дал последнюю отсрочку до августа 1227 г. под угрозой отлучения от церкви. Чтобы усилить личный интерес к делу овдовевшего в 1227 г. Фридриха, была достигнута договоренность о браке, который вскоре и был заключен с четырнадцатилетней Изабеллой де Бриенн, дочерью и наследницей изгнанного короля Иерусалима Жана де Бриенна. Иерусалим, «центр» тогдашнего мира, произвел на Фридриха действительно сильное впечатление. Была ли эта женитьба знаменем будущей империи? Для экономического и политического обеспечения подобных далеко идущих планов в его распоряжении оставалось всего два года.

Вопрос о власти в северной Италии должен был быть поставлен на рейхстаге, созванном на Пасху 1226 г. в дружественном Штауфену городе Кремона. На нем обсуждались: 1) восстановление имперских прав в Италии, 2) меры по уничтожению ересей (приобретших во многих североитальянских городах характер «параллельной церкви») и 3) подготовка крестового похода. Большинство встревоженных этой недвусмысленной угрозой, опасавшихся за свою свободу городов, несмотря на их сильное, но все же переоцененное Фридрихом соперничество, восстановили старую Ломбардскую лигу под предводительством Милана. Вследствие этого его традиционным врагам — Кремоне, Модене, Павии, Парме, Пизе и Лукке — пришлось встать на сторону Штауфена. Таким образом, с самого начала вряд ли существовала возможность мирного урегулирования обоюдных интересов, которое могло бы проложить путь политике общего выступления против папских притязаний в будущем. Северо-и центральноитальянские города управлялись аристократическими династиями иначе, чем немецкие. Зачастую это были «коллективные феодалы», жившие за счет феодально-зависимых, в свою очередь, групп населения. Очень сложная оценка возникших отсюда социально-экономических отношений должна быть дана в более объемной научной биографии Фридриха.

89

Когда со своим относительно слабым войском Фридрих отправился в Кремону через Анконскую марку и герцогство Сполето, само собой разумеется, без папского на то разрешения, это оказалось отвечающим плану папы, традиционного союзника враждебных Штауфену североитальянских городов. Концы гордиева узла, который, определенно, можно было разрубить только мечом, затянулись. Сначала набожный Гонорий, для которого крестовый поход был важнее всего, отреагировал на эту крайне щекотливую ситуацию только письменным протестом, который отвечал на прецедент передвижения войск хитроумными юридическими формулировками о

«собственном статусе» этой области как «имперского лена». Когда ломбардские войска перекрыли путь через Бреннер и тем самым воспрепятствовали дальнейшему продвижению отправившихся из Германии короля Генриха, а также многих князей и сеньоров, так что рейхстаг не мог состояться, папа даже провозгласил сомнительный мир. Но военная кампания против городов, как и против папы, была лишь отсрочена этим фактом. Когда Гонорий III умер 18 марта 1227 г., выборы слишком слабого преемника могли бы означать паузу во вновь разгоравшейся борьбе за власть со Штауфеном, который стремился к универсалистскому мировому господству. Однако избранный тогда 60-летний Григорий IX, близкий родственник Иннокентия III, а до этого в качестве кардинала Уго, епископа Остии, друг Фридриха II, ни в коем случае не был слабым папой. Его мистическая набожность, сделавшая его покровителем Франциска Ассизского, на которого официальная церковь смотрела еще с недоверием (и который в 1228 г. был уже причислен к лику святых), сочеталась с жестокостью, если его церкви угрожала опасность. Друг по-детски благочестивого нищего Франциска, ставший папой и любивший мирскую власть и роскошь как никто другой, не мог оставаться другом «дитя Апулии», окончательно выросшего в опасного соперника.

90

В августе 1227 г., когда войско крестоносцев собралось в указанный срок на равнине у Бриндизи, там разразилась опустошительная чума, которая не обошла и императора. Тем не менее 8 сентября флот вышел в море. Однако болезнь обострилась, и Фридрих, недолго думая, прекратил все предприятие и у Отранто вновь сошел на берег, чтобы (лишь однажды) поправить здоровье на водах Поццуоли (около Неаполя).

Его посланники, которые должны были поведать папе о зловещем и подтвердить, что обещание будет сдержано в течение года, были отвергнуты с трезво рассчитанным гневом. Григорий утверждал, что болезнь симулирована, и отлучил «клятвопреступника» от церкви 29 сентября в кафедральном соборе Ананьи. Это наказание Фридрих понес за то, что крестовый поход в августе 1227 г. был задержан уже вторично. Но сама манера, в которой папа заклеил тяжелобольного как «лжеца» и отверг предложенное церковное покаяние, позволяла понять, что речь здесь шла не о крестовом походе, а о низвержении, по крайней мере, ощутимом унижении ставшего слишком могущественным императора.

Но тот не позволил себя смутить. Едва поправившись, он, несмотря на запрет папы, приступил к подготовке нового крестового похода, включая дипломатические контакты с султаном аль-Камилем, резиденция которого находилась в Каире. Иерусалимом тогда правил султан Дамаска, которого аль-Камил надеялся свергнуть с помощью императора. Весной 1228 г. Фридрих выслал вперед маршала Риккарда Филангьери с 500 рыцарями, а в конце июня последовал за ним сам на 40 галерах с остальными 500 рыцарями и тысячами пилигримов.

Это было изысканный политический ход отлученного от церкви, которым он одновременно возобновил норманнскую восточную политику. Кипр принес ему вассальную присягу, как некогда его отцу, и 7 июля его армия высадилась в Акконе. Здесь папское отлучение превра-

91

тилось все же в серьезную помеху. Палестинские христиане почти всегда подчинялись верным папе патриархам Иерусалима, а могущественные рыцарские ордена тамплиеров и иоаннитов даже враждебно выступили против отлученного от церкви. Войско крестоносцев было слабым, так как для всего лишь тысячи в общей сложности рыцарей — эта цифра соответствовала обету Фридриха — сопровождавшие их 10000 пилигримов были скорее обузой, чем помощью. Лишь орден немецких рыцарей, палестинские сицилийцы, генуэзцы и пизанцы встали на сторону императора. Там, где едва ли можно было добиться чего-то силой, восторжествовало дипломатическое мастерство. Султан аль-Камил после неожиданно скорой победы над своим правившим в Дамаске соперником, у которого он только что отобрал Иерусалим, не был заинтересован в дальнейших военных осложнениях. Хотя и после длительных колебаний, он согласился на предложение начать переговоры, поступившее от нежелательного теперь союзника, этого странного сицилийца, который свободно говорил по-арабски и оказался отличным знатоком арабской поэзии, философии и естествознания. Переговоры между двумя султанами привели в конце концов к мирному урегулированию, которое позволяет выделить этот пятый крестовый поход как единственный памятник религиозной толерантности и политическому здравому смыслу среди обогранных кровью монументов религиозным заблуждениям и слепому стремлению к власти. 18 февраля 1229 г. Иерусалим и другие святые места христиан были переданы императорствующему «королю Иерусалимскому» с оговоркой, что мусульманам будет гарантирован свободный доступ к

их святыням в Иерусалиме. На 10 лет должно было воцариться перемирие. Вместо того чтобы радоваться этому успеху, религиозные фанатики сочли нетерпимыми сделанные язычникам «огромные уступки». Французские рыцари-храмовники

92

даже посягнули на жизнь «победившего без борьбы» крестоносца. Своим письмом они постарались привлечь аль-Камила к заговору против Фридриха, но султан, оскорбленный таким вероломством, передал послание своему царственному другу.

Между тем высший триумф Фридриха был еще впереди. Несмотря на попытку посредничества, предпринятую магистром Немецкого ордена Германом фон Зальцей, ревнивый папа упорно не соглашался счесть крестовый поход исполнением обета и вернуть императора в лоно церкви, но тот все равно не отказался от своей коронации в Иерусалиме. На мессе, состоявшейся 18 марта 1229 г. в церкви Гроба Господня, его не было, но после богослужения он вошел в храм, взял лежащую на алтаре корону Иерусалима и сам надел ее на голову.

Эта вынужденная обстоятельствами, но необыкновенно выразительная «эрзац-церемония» позволяет понять чреватое большими последствиями акцентирование «непосредственной Божественной воли», которая здесь, в Иерусалиме, приписывалась озаренной совершенно особым сиянием императорской власти. Кажется сомнительным, что правитель, которого многие христиане все еще чурались, как прокаженного, хотел зайти так далеко. Во всяком случае, он не преминул оповестить весь христианский мир о своей коронации в манифесте, где с поистине библейским пафосом подчеркивал свой успех на фоне напрасных усилий папы.

Кажется, что это должно было раздуть еле тлевший огонь «крестоносной лихорадки». Пропаганда крестового похода Вальтера фон дер Фогельвейде в 1228 г. — очевидно, последнее, что дошло от него до наших дней, — заканчивалась призывом: «Так давайте же освободим Гроб (Господень)!» Но хор воинственных лозунгов заглушили голоса новых пророков из круга приверженцев Иоахима Флорского, которые предвещали скорое исполнение старых эсхатологических желаний и надежд. Как в

93

императорском, так и в папском лагере вспыхнула лихорадочная вера в «последнего императора Фридриха», от которого многие ожидали, что в Иерусалиме он вложит корону и империю в длань Господню.

Об этом мечтали люди, смущенные и измученные неистовой борьбой высших предводителей христианства, и эти смутные надежды так и остались связаны с именем Фридриха II Гогенштауфена. На текущие политические решения они, правда, сначала не повлияли.

На следующий день после въезда отлученного от церкви в Иерусалим архиепископ Цезарейский наложил на город интердикт, и вскоре этот «духовный бойкот» стал столь ощутим, что император решил вернуться в Италию.

В то время в Святой Земле творил один соратник и пропагандист Фридриха, чьи шпрухи в духе Вальтера фон дер Фогельвейде дошли под его псевдонимом «Фрейданк»:

Что может сделать император,

Если язычники и священники

Нападают на него без числа?

Здесь была бы бессильна и мудрость Соломона...

Сирийские бароны провозгласили королем Иерусалимским второго сына Фридриха, годовалого Конрада, унаследовавшего от своей умершей в родах матери палестинское королевство.

Император, состоявший регентом при своем сыне, но сам также носивший королевский титул, едва ли мог после этого ожидать чего-либо в Палестине, раздираемой межпартийными распрями.

Он переправился в Аккон, где подстрекаемый недоброжелателями народ бросал в него нечистотами, и вернулся в Апулию. Там папа освободил всех его подданных от клятвы верности и при поддержке союза ломбардских городов начал военную оккупацию Сицилийского королевства. С помощью распускаемых повсюду слухов, что император мертв, тесть Фридриха Жан де Бриенн, перешедший на сторону папской партии, захватил большую часть Апулии. Поговари-

94

вали, что временный правитель империи, герцог Людвиг Баварский, уже наполовину решил дело в пользу папы. Тем не менее, когда Фридрих 10 июня 1229 г. сошел на берег в Бриндизи, население дружелюбно его приветствовало. Его прибытие сразу изменило положение: папские наемники вынуждены были отступить обратно в границы церковного государства. Проявив мудрую сдержанность, Фридрих распустил свое войско на границе, чтобы этим жестом доброй воли призвать папу к переговорам.

На это предложение понтифик согласился только тогда, когда пропала последняя надежда на непосредственную помощь ломбардских и немецких союзников, а нехватка денег сделала невозможным продолжение этой бесперспективной войны.

Парламентерами Фридриха выступили его лучшие дипломаты: Герман фон Зальца и Томас Капуанский. Великий магистр Немецкого ордена и кардинал добились наконец успеха, так как император свою «психологическую войну» свел к чрезвычайной предупредительности, с тем чтобы только снять с себя отлучение. Договор, заключенный летом 1230 г. в Чепрано (после переговоров в Сан-Джермано) иногда сравнивали с унижением Генриха IV в Каноссе (1077). Такая точка зрения исходит из того, что оба договаривающихся партнера выступали на равных. Однако необходимо помнить, что авторитет папства в глазах всех католиков значительно вырос в результате реформ, на основе которых разгорелась борьба за инвеституру. По всеобщему почти убеждению — несмотря на острую критику отдельных действий курии — императору полагалась роль готового к покаянию сына, который должен склониться под воспитывающими розгами папы. То, что другу халифа аль-Камила не было присуще послушание такого сорта, доказывают гарантии, данные многими созванными императором князьями, которые Григорий считал необходимыми для подкрепления императорского обещания.

95

Отпущение грехов стоило Фридриху признания «замыкания» папских владений, начиная с древнего *Patrimo-nium Petri*, старого церковного государства вокруг Рима, и кончая побережьем марки Анкона, через которую запрещался всякий нежелательный проход императорского войска. Кроме того, император должен был отказаться от последних королевских прав, касающихся сицилийской церкви (освобождение клириков от государственной юрисдикции и общих налогов, отмена необходимости королевского согласия при избрании епископов).

Личная встреча двух глав христианского мира в Ана-нии скрепила официальное примирение, которое в сущности могло быть лишь перемирием, так как папе не удалось надолго ослабить и привести к покорности своего светского противника, в то время как тот, конечно, не собирался мириться со значительной утратой своего суверенитета, прежде всего на Сицилии. Тем не менее этому непрочному миру суждено было продлиться почти целое десятилетие.

За этот короткий промежуток времени Фридрих II окончательно стал «*Stupor mundi*» — «Удивлением света». Сразу после заключения мира он с поразительной работоспособностью приступил к формированию из своей сицилийской державы государственного порядка, который исследователи, не придающие достаточного значения различным общественным предпосылкам, называют «первой абсолютной монархией». Действительно, нельзя не заметить определенного внешнего сходства с так называемым просвещенным абсолютизмом XVIII века.

Сначала Фридрих с большой энергией взялся за реформу всего сицилийского государственного и административного права. То, что казалось простым собиранием и дополнением уже действовавших правовых норм, привело к глубокой реорганизации государственного аппарата Сицилии, отчасти все еще базировавшегося на ленном праве, и превращению его в централизованное чиновни-

96

че-бюрократическое государство, напоминающее современное.

Rex et iustitia, мир и правосудие, испокон веков должны были сиять как путеводные звезды для любого средневекового правителя. Показательно, что в худшие времена двоецарствия в 1212 г. Вальтер фон дер Фогельвейде косвенно призывал императора Оттона сначала «морально победить» тогда еще слабого «поповского императора» Фридриха посредством длительного земского мира. В ту эпоху этого можно было достичь лишь угрозой смертной казни: «*fride... bi der wide*» — «мир подле виселицы». Но в пределах развивающихся княжеских территориальных владений не существовало всеобщего обязательно имперского права. Частная вражда и частная юстиция повсеместно были в порядке вещей. В Германии было бы все еще абсолютно невозможно запретить их и заставить нарушителей отвечать перед «государством», суть которого они представляли себе весьма абстрактно. Этому препятствовали бесчисленные документально подтвержденные или просто присвоенные судебные суверенитеты светских или духовных феодалов, прежде всего князей, и только непосредственное присутствие короля или императора обеспечивало судопроизводство высшей инстанции. На Сицилии же чудо постоянного непосредственного присутствия монарха стало действительностью — благодаря уполномоченным им представителям — чиновникам.

В «Капуанских ассизах» (1220) была проделана уже большая часть предварительной работы. Теперь Фридрих приказал опросить пожилых людей, чтобы как можно больше выяснить о забытых моментах норманнского земского права. Главным образцом систематизации стало, однако, собрание законов

византийского императора Юстиниана, составленное в 528-534 гг. и под названием *Corpus Juris civilis* оказавшее позже значительное влияние и на немецкое право.

97

Юстиниан считался на протяжении всего средневековья образцом справедливого государя. Воплощением же мира слыл император Август, с воцарением которого в Римской империи наступила длительная мирная эпоха. Время его правления в глазах современников отчетливо обозначалось земным воплощением Спасителя. Чтобы почтить великого римлянина, но и с горделивым намерением самому стать Августом для своего времени, Фридрих назвал законченные осенью в Мельфи конституции «*Liber Augustalis*» — «Книга Августа». В величественном слоге этих законов, которые при всех связях с традицией представляли собой актуальное, живое право, и в построении всего этого словно бы монолитного труда чувствовались риторический дар и небывалый организаторский талант. Содействие придворных юристов, прежде всего знаменитого Петра Винеяского (рассказ о нем еще впереди), подразумевалось само собой, и все же эти конституции считаются, в общем, собственным и самым значительным произведением Фридриха.

На протяжении столетий *Liber Augustalis* использовалась в других государствах в качестве образца свода законов. Ее значение для трансформации средневекового мышления становится ясным уже из предисловия. В то же время как церковные теоретики рассматривали государство как «результат грехопадения», и этим оно косвенно извиняло свою функцию инструмента классового господства, Фридрих открыто заявил: обязанность властителя берет свое начало в естественной необходимости (*necessitas*). Мысля по этой схеме, заимствованной у арабских толкователей учения Аристотеля, он проводил параллель между собой и государством. Это стремление свести все к разумному началу и природно обусловленным потребностям отражается и в законах о браке, где сакральность брака — без ущерба для его церковной освященности — объяснялась «естественной необходимостью для поддержания рода человеческого». Так мыш-

98

ление постепенно освобождалось от потусторонней мистики и обращалось к реальной жизни. Тщательно сформированная и строго контролируемая чиновничья иерархия зависимых юристов практически лишила значения традиционную судебную власть сословных представителей. Они созывались теперь лишь изредка, чтобы формально санкционировать решения придворного совета. Компетентный судья должен был сам выдвинуть обвинение в каждом случае, когда ему были в какой-то мере известны нарушение или проступок, а затем в соответствии с судебным уставом определить состав преступления. Этого так называемого инквизиционного судопроизводства, в котором государство выступало в положении частного истца, еще не существовало к тому времени нигде в Европе. Божий суд (ордалия) был отменен, пытки и судебные поединки отошли в правовой практике далеко на второй план.

Для врачей Фридрих ввел строгие положения об обучении и сборах. Теперь они не имели права самостоятельно изготавливать лекарства, для этого было создано сословие аптекарей, которые подлежали такому же строгому надзору, как купцы и ремесленники. Строгие постановления о наказаниях карали нарушителей супружеской верности, похитителей, сводников, игроков, богохульников и людей, изготавливающих магические зелья. Однако самым радикальным образом Фридрих обошелся с еретиками. Он решил, что вместе с величием Господа они оскорбляют и величие императора, стоящее ближе всего к божественному, если вообще ему не идентичное. Еретика он уничтожал не как иноверца (сарацины и евреи пользовались его особым покровительством), а как врага государства, угрожающего официальной религии. Именно так следует понимать жестокую иронию, сквозившую в эдикте о еретиках из *Liber Augustalis*, который позднее был еще более ужесточен и распространен на всю империю. Фридрих специально обратился против секты пата-

99

ренов, которая приобрела большое влияние во второй половине XI века в ломбардских городах, особенно в Милане. Республикански ориентированное народное движение под религиозными лозунгами боролось здесь против аристократии, городского клира и римско-германского императора, который хотел уничтожить самостоятельность городских республик. К этому как прежде, так и впоследствии очень активному массовому движению Шта-уфен, очевидно, испытывал особую антипатию. Он заведомо ложно утверждал: как ариане нарекли себя в честь Ария или несториане — в честь Нестора, так *патарены* назвались в честь страстей святых мучеников (*Passion*). «Таким образом повелеваем Мы по Нашему закону проклятых патаренов предать страданиям той мученической смерти, каковую сами они себе пожелали: пусть сожгут их живьем публично, предадут суду пламени, и не должны Мы скорбеть о том, что действуем Мы так

согласно их собственным пожеланиям». Тот же, кто принимал у себя еретиков или пособничал им, лишался своего состояния. Дети еретиков не могли занимать общественные должности. Мысль, что «ломбардская чума» из свободной республиканской народной оппозиции может перебраться и в его города образцового сицилийского государства, заставила этого образованного латиниста отстаивать этимологическую параллель, в которую сам он никогда не смог бы поверить. Еще в самом начале патаренов ругали словом «*patagia*» («сброд»), и в конце концов они взяли это ругательство в качестве почетного звания, как позднее нидерландские «гезы». Как «патарен» мог, впрочем, преследоваться любой предполагаемый враг государства, против чего активно протестовал однажды папа Григорий IX.

К началу реформаторского движения в XI веке папство поддержало движение патаренов в борьбе против обмирщенного городского клира и против германской

100

королевской власти, озабоченной своим влиянием на «имперскую церковь». И это энергичное объявление войны еретикам — которое официально должно было санкционироваться папством — совершенно ему не нравилось, так как ломбардские города рассматривались им как естественные союзники в борьбе с императором.

Еще сомнительнее, что Григорию могла прийти по душе чрезвычайно эффективная экономическая и финансовая политика, проводившаяся Фридрихом II на основе этого законодательного труда, образец для которой помимо его норманнских предков могли дать, пожалуй, только английские короли. Изошренная система налогов на доходы, на землю, с оборота и с потребления, таможенных сборов и прочих пошлин выкачивала из населения средства на весьма дорогостоящее содержание двора, постройку военных и дворцовых сооружений, государственное управление и, наконец, на войну против Ломбардской лиги и папы. Когда в конце тридцатых годов началась эта затянувшаяся на целое десятилетие борьба не на жизнь, а на смерть, Фридрих II считался самым богатым монархом в Европе со времен Карла Великого.

Сицилийская казна создала в 1231 г. всеобъемлющую, монопольную торговую организацию. В первую очередь государственные владения поставляли значительные излишки вина, хлопка, сахарного тростника и не в последнюю очередь зерна, которое испокон веков было залогом богатства норманнских королей. Но экспортировались также скобяные изделия и текстиль, прежде всего шелк. Его производство было предоставлено евреям и наряду с добычей соли являлось особо доходной государственной монополией.

Предпосылкой для наступившего экономического подъема была устойчивая валюта. С 1231 г. Фридрих распорядился чеканить золотые монеты, прекраснейшие образцы средневекового мастерства. Его замысел напомнить тем самым об императоре Августе узнается не только по броса-

101

ющемуся в глазах сходству с образцами времен римского императора, но и из их названия — *августалы*. На аверсе восседает на троне Фридрих II в императорской мантии (из норманнского наследия) и лавровом венке. Надпись на монетах гласила: IMP(ERATOR) ROM(ANORUM) • CESAR AUG(USTUS). На оборотной стороне был изображен римский орел с надписью FRIDERICUS (см. рис. 9 и 10).

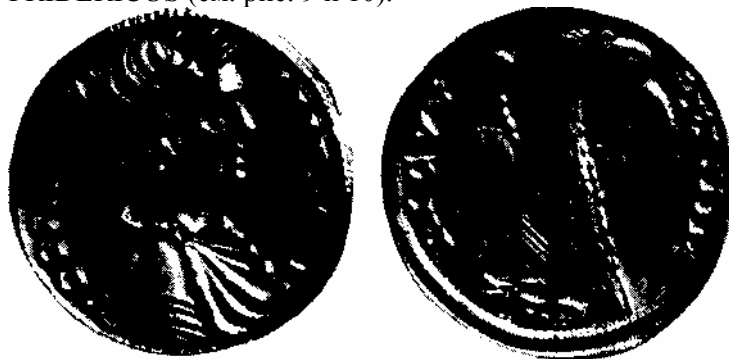

Рис. 9. Августал, лицевая сторона

Рис. 10. Августал, оборотная сторона

Однако внешний блеск «образцового государства» стоил таких усилий и мук, что возмутилось даже население Сицилии, издавна жившее при строгом управлении (в горниле своих властных методов Фридрих хотел выковать из него подлинный народ государства). Ведь император не только решительно лишил власти феодалов и церковь, но и упразднил самоуправление городов.

Уже в 1232 г. некоторые сицилийские города, среди них Сиракузы и Мессина, отважились на открытые восстания, которые, однако, окончились крахом уже весной следующего года. С ужасающей силой бушевал террор императора, который сам называл себя «тираном Сицилии» — в значении поставленной им выше всего прочего «естественной необходимости». Предводителей мятеж-

102

ников, сдавшихся в надежде на гарантированную им амнистию, он без зазрения совести приказал повесить или сжечь как еретиков. Многие мелкие города были совершенно разрушены, а их жители подверглись переселению. Политическая тайная полиция, прибегавшая к услугам бесчисленных шпионов, позаботилась о том, чтобы никакого сколько-нибудь значительного сопротивления на Сицилии не могло больше быть организовано. Не слишком всем этим обрадованный папа с упреком писал: «В твоём королевстве никто не смеет шевельнуть ни рукой, ни ногой без твоего приказа». Даже в случае необходимой самообороны жертва нападения имела право только защищаться, выкрикивая одновременно имя императора. Кто не следовал этому предписанию, предстал перед придворным судом — высшей инстанцией, решение которой уже не могло быть обжаловано.

Детальное описание организации управления затянулось бы надолго. Она развивалась продолжительно и небезболезненно, поскольку после более чем 20 лет анархии (начиная со смерти Генриха VI) и около десяти лет весьма беспокойного правления Фридриха II ставилась задача устранить в два счета коррупцию, торговлю должностями и судебный произвол.

Новые чиновники, чаще всего юристы государственного университета в Неаполе, назначались на должности сроком всего на один год. Для духовных лиц, которые прежде были заняты в государственном аппарате, не осталось больше места в этой секуляризованной бюрократии. Каждый претендент на должность судьи или нотариуса, закончив учебу, предстал перед императорским двором и доказывал там свою профессиональную пригодность. Только после этого он мог быть принят на должность городского судьи (в каждом городе их было минимум трое), казначея или получить место в финансовом управлении. Понятия «карьер» не существовало. Усердие и, конечно же, милость вышестоящих, и соответ-

103

ственно императора, определяли дальнейший служебный рост, который мог продолжаться вплоть до должности верховного придворного судьи. Важнейшей же категорией чиновников были юстициarii. В отличие от сегодняшнего словоупотребления, об этих высокопоставленных чиновниках как о собственно юристах говорить можно было лишь в исключительных случаях. Юстициarii были наместниками десяти сицилийских провинций. Они подчинялись верховному придворному юстициарию как главе всего государственного управления, представлявшему в этом качестве императора. Юстициarii имели право управлять только той провинцией, где у них не было личных связей какого-либо рода и только на протяжении одного года. Их «частная жизнь» должна была полностью прекращаться на срок их службы. Поскольку в своей служебной сфере они отвечали перед императором абсолютно *за все*, исполнение их обязанностей требовало весьма значительных физических и психических нагрузок при сравнительно низком жалованье.

В этом государстве с продажным аристократическим обществом, по большей части недоброжелательным и весьма многочисленным клиром, а также многоязычным смешанным населением чиновники, как заместители государя, должны были прививать жесткую дисциплину и абсолютно новое чувство собственного достоинства, что заставляло их ценить похвалу и признание императора больше, чем материальную выгоду, — этого казалось более чем достаточно. Тем не менее Фридрих нашел преданных слуг, правда, преимущественно из рядов бюргерства, над которым не довлел груз крупного землевладения. Подобные процессы происходили и в армии (где феодальное ополчение все больше и больше заменялось наемниками), на флоте и в многочисленных крепостях, некоторые из которых сохранились до наших дней (рис. 11).

Дворянство и клир испытывали непривычное давление авторитарных методов правления Штауфена. В

то

104

Рис. 11. Монте-Сан-Анжело, крепость Штауфена

же время форсированная подготовка к войне и беспощадно увеличиваемое бремя налогов доводили все население, и в первую очередь бюргерство, до пределов возможного — за счет постоянного роста цен на товары широкого потребления, также облагавшиеся налогом. Попыткам бегства от притеснений финансовых чиновников и политических шпионов препятствовала сильная охрана границ и портов. Правда, сам император высказывал убеждение, что «безопасность и благосостояние подданных есть основа славы короля». Однако многообразные потребности, связанные с его деятельностью администратора, организатора строительных работ и — особенно в сороковые годы — военачальника, не допускали существенного сокращения налогов. Один только обширный штат придворных, сопровождавших его в походах в северную и центральную Италию и даже в Германию, требовал гигантских расходов.

Резиденцией Фридриха с двадцатых годов был город Фоджа (на севере Апулии), где в 1223 г. началось строительство большого императорского дворца. О его прежней

105

роскоши свидетельствует сегодня лишь сохранившаяся арка ворот (рис. 12). Арнольд Цвейг, с особой тщательностью разрабатывавший в своих поздних произведениях исторический фон, позволил себе некоторую поэтическую вольность, переместив двор Фридриха в 1235 г. в старую столицу, Палермо, в своей новелле «Зеркало великого императора» (1926). В последний раз Штауфен побывал на острове в 1233 г., когда усмирлял мятежную Мессину.

Рис. 12. Арка ворот императорского дворца в Фодже

106

Земля Капитанаты¹, названной так по имени византийских наместников XI и XII веков, катепанов, соединяющая адриатическое побережье (сегодняшнюю Апулию) на севере с современной Кампанией, стала подлинной родиной императора. Это страну он действительно любил. Для него это была «земля обетованная», и он без обиняков кощунственно называл ее обитателей словами из Библии — «избранный народ». Фридриха обвиняли и в том, что, будучи в Палестине, он якобы пошутил: если бы Иегова знал Апулию, он не оценил бы так высоко данную евреям землю Ханаан.

Там, где сегодня нивы покрывают прибрежные холмы, и где на карстовом плоскогорье Мурга влачат свое жалкое существование овцы, еще тогда стояли огромные, богатые дичью, дубовые и буковые леса. Они, пожалуй, компенсировали Штауфену, этому страстному охотнику, почти тропически буйную растительность Сицилии и благородную роскошь старых дворцов Палермо. Доходные поместья обеспечивали необходимым продовольствием. Один за другим строились многочисленные охотничьи и увеселительные замки в архитектурном стиле, основные геометрические формы которого свидетельствуют, о математически трезвом понимании красоты их заказчиком. Знаменитым примером является Кастель-дель-Монте около Барлетты (рис. 13 и 14).

В своих пленительных путевых заметках «Моя апулий-ская книга пилигрима» Катарина Арндт позволяет нам представить этот прекраснейший из всех штауфенских замков, сначала «совсем вдали, когда он словно бы парит над землей — мерцающий призрак замка святого Грааля». Затем глаза начинают «почти уже различать контур, восьмиугольник, который составляет замкнутое единство со своими восемью восьмиугольными башнями по углам, не выше парапета опоясывающих террас. Контур постепенно

В греческом варианте — Катепанат. (*Прим. ред.*)

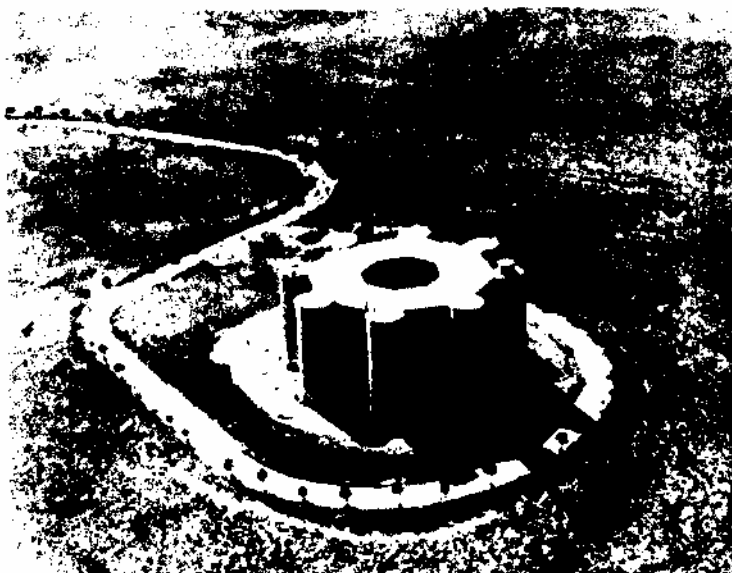

Рис. 13, 14. Кафель-дель-Монте

108

превращается в камень... Когда же мы достигаем Кафель-дель-Монте и наш взгляд бродит по огромным стенам из сильно обветренных квадров, лишь изредка прорезанных маленькими готическими окнами, мы с поразительной силой постигаем существо Фридриха... неподражаемую отвагу, которой отмечено это сооружение так же, как жизнь и труды сего мужа...

Торжественно выглядит портал над двойной наружной лестницей. Львы на изящных мраморных опорах по обе стороны двери... Печально созерцать немногие остатки былой скульптурной роскоши — шесть мужских фигур, поддерживающих купол седьмой башни, две консольных маски в третьей башне или замковые камни свода, которые грабители проглядели или поленились снимать. Восхитимся лучше столь хорошо продуманным общим замыслом, который исключает круговой обход отдельных залов. Их можно достичь только с одной стороны, пройдя через внутренний двор, как и самого тронного зала, и это делает невозможным неожиданное проникновение. Только в трех башнях на верхний этаж ведут винтовые лестницы, в пяти остальных находятся маленькие душевые, вода в которые поступает по сложной, разветвленной системе труб из резервуара на одной из открытых террас». Остается добавить, что в восьмиугольном внутреннем дворе большой восьмиугольный мраморный бассейн служил купальней. Все помещения были выложены мозаиками, а покрытые мрамором стены венчались сводчатыми потолками. Искусствовед распознает в этих постройках романские, готические, сарацинские, византийские и, наконец, бургундские стилевые элементы, возврат к античности и предвосхищение Ренессанса.

От других архитектурных шедевров того времени сохранилось очень немного: дворец императора

в Лучере и мостовые ворота на Via Appia, недалеко от Капуи, римская триумфальная арка, которую, среди прочего, украшало мраморное изображение императора, восседающего на троне.

109

В этой отрадной местности между горами и морем Штауфен создал придворно-рыцарский административный и культурный центр. Царившая там иноземная роскошь с самого начала занимала фантазию современников, особенно когда о ней понаслышке рассказывали на далеком немецком севере. Один хронист так повествует об императорском дворе в Фодже: «Все виды увеселений соединялись здесь, радостно подавая голос сменой хоров и пурпурными костюмами веселящихся. Многие посвящались в рыцари, иные же отмечались особыми почестями. День начинался с праздника, а когда подходил он к концу, тогда ночь превращалась в день пылающими факелами, которые зажигали тут и там, среди веселых состязаний».

Заимствование чувственным Штауфеном восточных форм изысканных развлечений, в которых он, правда, умел соблюдать чувство меры, было заклеено папской пропагандой в никогда не прекращавшейся до конца борьбе двух мировых властей как «служение Ваалу». Само собой разумеется, что в увеселительных замках Фридриха, где собиралось столько особо жизнелюбивых людей, обстановка не могла быть жеманно-мещанской.

Приехавшие издалека гости с удивлением слушали диковинную чужеземную музыку, смотрели на сарацинских девушек, катающихся по залу на больших шарах. Один сюрприз следовал за другим. Звери из иных частей света — от белого медведя до слона — напоминали о том, как далеко простиралась слава этого правителя, считавшего самого султана своим другом. Вскоре повсюду в Европе можно было услышать о том, что легендарный христианский король-священник Иоанн (живший, как полагали, в Эфиопии) якобы прислал императору асбестовое одеяние, а «магу» Михаилу Скотту удалось в жаркий день по желанию кайзера вызвать грозовое облако.

Все больше и больше окружаемый легендами Штауфен находился в эти «апулийские» годы в расцвете своей жизни. Мы не будем описывать его внешность как

110

слишком импозантную: он был среднего роста, а позднее еще и располнел. Манера держать себя уверенно и с победоносным торжеством создала ему ауру подлинного величия. Рыжие волосы Фридрих унаследовал от предков, но бороду не носил. Несмотря на изнуряющий образ жизни, его тело, с юности привычное к испытаниям, оставалось здоровым и мощным при самых тяжелых нагрузках, чему немало способствовал его «компенсирующий спорт» — соколиная охота. Позднее — в 1248 г. перед осажденной Пармой — он вынужден был заплатить за эту охотничью страсть самым тяжелым военным поражением в своей жизни.

Если не бывала задета его чрезвычайно чувствительная гордость, Фридрих II мог быть приветливым, щедрым и великодушным. Когда же он чувствовал себя обиженным или был раздражен, то был способен на любую жестокость, безграничный произвол и коварство. В последней битве с папой в 1243 г. от него отошел город Витербо, и, несмотря на обещание дать войскам свободно отступить, там был перебит весь императорский гарнизон крепости. Тогда императора обуяла безудержная ярость. Однако все попытки захватить город остались безуспешными. Один из современников передает будто бы сказанные им в неистовстве слова: «Его кости не найдут покоя и после смерти, пока он не разрушит город. Даже вступив уже в Рай, он вернется, если появится возможность отомстить Витербо».

Самые выдающиеся достижения Фридриха относятся, пожалуй, к сфере государственного строительства, где он всеми средствами ускорял начатое при его деде Рожере II конституирование иерархии оплачиваемых зависимых чиновников. Как политику и полководцу ему часто мешали его порывистость и страстность, но нередко и в этих областях он добивался неожиданных успехов, которыми тоже был обязан своему динамичному темпераменту. Об этом еще будет сказано подробнее. И в первую очередь

111

он смог воспользоваться перемирием, которого ему удалось добиться своей мудрой сдержанностью на переговорах в Сан-Джермано и в Чепрано.

Эта сильная натура не находила полной самореализации в утомительных заботах о государстве или охотничьей страсти. Духовные интересы, которые полностью подчинили бы себе менее разностороннего человека, служили ему отдыхом в часы досуга. Одни итальянские, арабские, еврейские, испанские и греческие ученые постоянно находились при дворе, с другими же он и его придворные ученые переписывались, как, например, с пизанцем Леонардо Фибоначчи, величайшим математиком средневековья, который в своем труде «Счет индийцев» ввел в Европе арабские цифры и ноль. Даже в напряженнейшее время после неудавшегося Кремонского хофтага (1226) император воспользовался кратким пребыванием в Пизе, чтобы задать Леонардо задачи, которыми и сегодня серьезно занимаются специалисты. В больших, чем прежде, масштабах возобновилась традиционная

для сицилийского двора посредническая роль в отношении арабской философии (наиболее известные средневековые комментарии к Аристотелю принадлежат арабскому философу, юристу и медику Аверроэсу). Математика, физика, медицина и астрономия, а также и вопросы философии занимали жаждущего знаний императора, способного дискутировать и переписываться с великими учеными на восьми языках — сицилийском, латыни, арабском, греческом, древнееврейском, французском, провансальском и немецком.

Его стремление к обеспеченному опытом знанию, ведущему среди католических и аристотелевских догм к современному методу научного эксперимента и критической проверки, все же не помешало его зависимости от средневековой картины мира: астрологии, алхимии и физиогномике он бы столь же предан, как и точным зоологическим штудиям. Многолетние наблюдения за столь любимыми им соколами сделали его истинным знатоком

112

Рис. 15. Изображение Фридриха II из его книги о соколиной охоте
этих помощников охотника, равно ценимых на Западе и на Востоке. Еще во время ужасной разрушительной войны с папством в последнее десятилетие своей жизни он написал трактат «Об искусстве охоты с птицами», который по самой манере описания кажется настолько «несредневековым», что знатоки дивятся ему как чуду и через восемь веков. То, что сегодня звучало бы во введении само собой

113

разумеющимся, тогда отнюдь не было таковым: «Цель Нашего труда — представить вещи такими, какие они есть».

Тот же самый венценосный правдоискатель в 1227 г. задал шотландскому философу и математику Михаилу Скотту, впоследствии своему придворному астрологу, вопросы о высших тайнах из тех, к которым рискнул бы приблизиться средневековый человек. Некоторые вопросы, согласно Михаилу, звучали так: «Сколько существует небес? Кто ими управляет? И что за пределами последнего неба, если их множество? В каком небе находится Божественная субстанция, то есть Бог в его величии, и каким образом восседает Он на небесном троне? И что делают ангелы и святые в вечности перед троном Господа? И как их зовут? Поведай нам также: сколько кругов ада существует? Кто есть духи, пребывающие там? И как их зовут? Где расположен ад, где чистилище и где небесный рай? Под землей, в земле или над землей?»

Улавливается сходство с вопросами схоластов, в которых речь шла о подобных же сложных проблемах. Например, вырастут ли после Воскрешения у лысых вновь волосы, а у беззубых — зубы. Большое отличие состоит в том, что Фридрих II спрашивал о потустороннем мире, как об

экзотической стране. Можно подумать даже, что его интересовало не столько спасение души, сколько то, «что делают ангелы и святые в вечности перед тронном Всевышнего». Как властелин своей страны, этот человек действия интересовался положением дел в державе другого властелина, очевидно, совсем не испытывая того страха, который многих тогда принуждал к покаянию и умерщвлению плоти. К сожалению, шотландец не поведал нам, что он ответил на вопросы императора.

При императорском дворе находили приют не только ученые, но и музы. Как и его отец (написавший две любовные песни) и все его сыновья, Фридрих II был привержен искусству миннезанга, который как модное общеевропейское течение уже миновал высшую точку

114

своего развития. Он даже считался инициатором и главой той поэтической школы, которая первой начала творить на сицилийском народном языке. По провансальским образцам (так же, как и с конца XII века в Германии) здесь появились песни на языке «volgare», том вульгарном языке, который Фридрих выучил в переулках и в порту Палермо. Этот смешанный диалект включил в себя элементы латыни, провансальского и итальянского языков и поднялся до положения языка искусства. Совсем не случайно Данте через полвека после смерти Штауфена восславил его как «отца итальянской поэзии». Как самодержец, твердой рукой ведущий управление и внешнюю политику, Фридрих влиял также на язык и стиль своей канцелярии. Под руководством Петра Винеяского — известнейшего стилиста, знатока средневековой латыни — возникли образцы различных официальных документов, которые на протяжении веков служили многим государственным канцеляриям Европы. Петр Винеяский происходил из бюргерской среды. Архиепископ Берард Палерм-ский рекомендовал его императору. В 1221 г. Петр был принят на должность нотариуса в придворную канцелярию, уже в 1225 г. был повышен до верховного судьи и наконец в 1227 г. возглавил канцелярию императора. Будучи верховным судьей, он, возможно, сформулировал в 1231 г. все законы «Мельфийских конституций». С тех пор Петр все больше становился «уста́ми императора», что, естественно, давало ему огромную власть. Его подчиненные должны были быть образованны и необыкновенно талантливы лингвистически. Достижения античного и теологического образования, традиции папской канцелярии и риторика, связанная с почти религиозным культом императора при дворе, повлияли на становление усложненно-торже-ственного стиля, который Фридрих II любил и которым владел сам.

Красноречивые чиновники государственного управления также принадлежали к придворному «круглому сто-

115

лу», как и ученые, чужеземцы и земляки. В этом кругу, где никакая мысль не была слишком смелой (если, конечно, высказывалась с необходимым тактом по отношению к повелителю), Штауфен произнес однажды знаменитые слова о трех мошенниках — Моисее, Мухаммеде и Христе. «Изобретателем» этого остроумного пассажа, каравшегося в то время смертью, он, однако, не был: оно родилось уже к началу XIII века в кругах аверроистов Парижского университета. Однако папа Григорий все же мог надеяться, что ему поверят, когда весной 1239 г. писал в связи с новым отлучением Фридриха II от церкви: «Этот король чумы утверждает, будто бы весь мир (воспользуемся его словами) был обманут тремя мошенниками — Моисеем, Мухаммедом и Христом, — два из которых почил в славе, а третий — висит на деревяшке... Эту ересь оправдывает он заблуждением, что якобы человек вообще не имеет права верить во что-либо, что не может быть выявлено природой и разумом».

Самый значительный хронист папской партии, францисканец Салимбене из Пармы, вероятно, размышлял вскоре после смерти императора о том блестящем времени, когда с глубоким уважением — причем к еретикам, если вообще не к Антихристу! — писал: «Если бы он был добрым католиком, возлюбил бы Бога и церковь, мало кто на свете смог бы сравняться с ним. Однако он думал, что душа неотделима от плоти. То, что он сам и его ученики могли найти таким образом в Священном Писании, приводило их к доводу против существования жизни загробной. Поэтому он и его соратники больше наслаждались жизнью земной».

Поначалу о повторном отлучении императора от церкви не было и речи. Однако уже последовавшие за изданием Мельфийских конституций политические действия привели его на поле битвы, которое он не смог покинуть победителем и где ждало его новое проклятие: ломбардская равнина.

116

Задолго до этого, возможно, во время переговоров, приведших к тому, что германские князья поручились за обещания Фридриха в Чепрано, в ноябре 1231 г. был созван придворный совет в Равенне, на котором должны были разбираться проблемы Германии и имперской Италии. Папа как минимум наполовину гарантировал лояльность со стороны своих союзников, Ломбардской лиги, поэтому Фридрих II прибыл в Равенну с небольшими силами. Из Фоджи он взял с собой к

«великим владыкам» лишь архиепископа Берарда Палермского и Томаса Аквинского. Правители Акуино, древний и знатный ка-лабрийский род, принадлежали к тем немногим аристократам, которым в 1220 г. только что коронованный император мог доверять по возвращении на родину. С тех пор они всегда стояли близко к Штауфену, сделавшему Томаса графом Ачерры. Только его родившийся в 1225 г. тезка — Фома Аквинский, отец церкви, позже причисленный к лику святых, не последовал фамильной гибеллин-ской традиции.

В Равенне императора ожидал неприятный сюрприз. Хотя он и выступил, почти как посланец папы, с обещанием освободить церковь от еретической чумы, североитальянские города и не подумали послать на придворный совет своих представителей. Не обращая внимания на небольшое сицилийское войско, недавно распавшаяся Ломбардская лига вновь объединилась и (как и в 1226 г. во время придворного совета в Кремоне) заперла долину реки Адидже, так что проход через перевал Бреннер для князей оказался невозможен. Только в декабре большинство из них смогло скрытно переправиться через реку или же достигнуть успеха, пройдя в обход в районе Венеции (по перевалу Плекенпас через Фриуль).

Но один из них полностью игнорировал спешное приглашение, что повлекло за собой серьезные последствия не только для него, но и для всего немецкого королевства, — король Генрих (VII), старший сын императора.

МЯТЕЖ КОРОЛЯ ГЕНРИХА (VII)

«Враги...», так обратился певец Вальтер к немецким князьям в начале 1220 г., когда убеждал их допустить молодого короля Фридриха к имперской коронации, а затем к Иерусалиму во главе войска крестоносцев. «Возможно, здесь у нас он никогда больше вам не помешает...»

Остающийся, только что коронованный ценой многого стоящих привилегий духовным князьям восьмилетний сын сицилийского Штауфена был доверен заботам имперского регента, архиепископа Энгельберта Кельнского. Возможно, назначение кельнца на столь высокую должность тоже было политическим ходом — из-за прежней традиционно вельфско-английской ориентации этого архиепископства. Однако прежде всего этот выбор был вызван самой личностью Энгельберта. Испытанный союзник Штауфена, доверенное лицо папы, но и энергичный борец за восстановление земского мира, нарушенного борьбой за трон, он, казалось, подходил на эту должность как никто другой. В противном случае, согласно старому обычаю, она досталась бы архиепископу Зигфриду Майнцскому.

Дипломатическое мастерство Энгельберта доказывается тем, что еще до смерти рейхсканцлера Конрада фон Шарфенберга, епископа Шпейера и Меца (1224), он с далеко идущими планами уступил формальное руководство делами архиепископу Майнцскому. Канцлер Конрад, переход которого уже в 1211 г. вместе с Зигфридом

118

Майнцским на сторону партии Фридриха II (сначала изменнически тайный) существенно ее усилил, получил от папы второе епископство, Мец. Это не дозволенное каноническим правом совмещение должностей еще более укрепило позицию Конрада. Как руководитель имперской канцелярии, он вместе со «своим» архиепископом Зигфридом фактически превосходил реальной властью любого человека, которого Фридрих II на каких-либо основаниях называл «губернатором». После смерти канцлера в марте 1224 г. Энгельберт Кельнский сам себя поставил во главе имперской канцелярии и учрежденного в 1220г. Тайного совета, «имперского правительства», состоявшего преимущественно из представителей швабской штау-фенской служилой знати и баронов. Наряду с графом Герхардом фон Дицем, воспитателем молодого короля, имперским стольником (трухзесом) Вернером фон Бо-ланденом, предшественником графа Дица, стольником Эберхардом фон Вальдбургом (предком усмирителя крестьян в 1525г.) и кравчим Конрадом фон Винтерштет-тенем определенную роль играл здесь также епископ Оттон Вюрцбургский. Тон в канцелярии, как и прежде, задавали клирики: каноник кафедрального собора в Констанце в качестве верховного нотариуса, а также священник из Юберлингена на Боденском озере, где решалась судьба Фридриха в 1212 г.

Штауфенские министерялы, управлявшие разбросанными южно-немецкими территориями, были членами могущественных родов, представители которых на протяжении уже многих поколений питали надежды на получение выгодных должностей, служа имперской политике дома своих исконных господ. На Сицилии и в центральной Италии они возвышались даже до графского и герцогского достоинства. Они были призваны Фридрихом II в Тайный совет определенно в аспекте антикняжеской политики. Тем не менее последующие 19 месяцев, вплоть до убийства Энгельберта, были отмечены энергичными

мерами в духе самостоятельной княжеско-«немецкой» политики. Становится ясно, что интересы территориальных князей очень существенно идентифицировались с интересами центральной власти как точки кристаллизации для формирующейся нации, что, таким образом, шло вразрез с имперскими целями Фридриха.

Хотя щедрые подарки *Puer Apuliae* своим высокородным соратникам еще нельзя рассматривать как распродажу имперских прав (она, временно приостановившись, не закончилась раздачей в 1220 г. привилегий духовным князьям), ясно, что в борьбе за трон между Фридрихом Сицилийским и императором Оттоном IV имперские князья поддерживали более слабого. К слову сказать, Вельф намеревался провести в пользу центральной власти налоговую реформу. Сицилиец, нуждавшийся в средствах, конечно, ничуть не меньше, чем его укоренившийся на севере венценосный противник, больше полагался на сицилийских и итальянских налогоплательщиков. Немецких князей, равных ему в правовом отношении и способных взрастить в своей среде антикороля, который мог бы стать как минимум сильной помехой, необходимо было со всей возможной осторожностью склонять к лояльности и к оказанию военной помощи. Поэтому Фридрих передал одному из самых могущественных среди них должность имперского регента. О том, насколько целеустремленно обосновывал *свою* политику Энгельберт, свидетельствуют уже королевские печати, которые он приказал изготовить для своего подопечного. Надпись на первой совершенно определенно называет молодого короля Генриха (VII) «избранным в римские короли герцогом Швабским». После имперской коронации Фридриха (ноябрь 1220 г.) там уже в декабре значится: «Генрих, Божьей Милостью римский король, навеки великий». Возвышающий эпитет «великий» (*augustus*) со времен Конрада III был постоянной составной частью королев-

120

ского титула. В средневековом переложении на немецкий¹ получалось «умножитель земель имперских во все времена». Им, конечно, не мог стать старший сын Фридриха II, потерпевший на исторически верном пути поражение из-за своих личных слабостей и превратностей судьбы. Его имя не нашло себе заметного места в ряду немецких королей, хотя коронация, эта предпосылка «полного королевского достоинства», была должным образом проведена Энгельбертом в Ахене 8 мая 1222 г. Факт соответствующей договоренности с императором, который определил своему сыну лишь должность наместника, может подвергаться сомнению. Явно крайне мала вероятность контакта между Фридрихом II и «немецким правительством». Абсолютно захваченный своими сицилийскими, а позднее ломбардскими проектами, император допустил такое развитие дел севернее Альп, которое при известных условиях могло привести к полному отделению Германии от итальянских частей империи (они со времен Генриха VI должны были стать сердцевинной средиземноморской империи Штауфенов). Предпосылкой же для этого могло явиться то, что в Германском королевстве была бы конституирована центральная власть. Она могла бы создать из уже формирующихся княжеских территорий единое национальное государство с населением, обладающим национальным чувством, как раз такое, каким пытался именно в эти годы сделать свою родину, Сицилийское королевство, «немецкий» император. Но была ли подобная централизация в Германии действительно возможна?

Около 1210 г. Вальтер фон дер Фогельвейде сложил песню, названную «первой песней на немецком языке во славу великого Отечества». В ней он прежде всего поет хвалу женщинам «от Эльбы до Рейна и до границ Венгрии». Эту страну столь многих господ поэт называет

¹ Титул ошибочно выводили из латинского слова «*augere*» (приумножать). (Прим. автора.)

121

«нашей страной», счастливой страной. «Пусть посчастливится мне еще долго в ней жить». Другой великий, а может быть и величайший, представитель придворной поэзии, Вольфрам фон Эшенбах, примерно в это же время с мягкой самоиронией повествует в своем «Парцифале» о «глупости баварских господ». Он говорит: «Мы баварцы...», и такое племенное самосознание репрезентативно для всей письменной традиции первой половины XIII века, в которую похвальное слово Вальтера было единственным исключением на всю область распространения немецкого языка.

Там, где старая племенная область — например, Бавария, сохранялась как политическое единство, всегда имела благоприятная почва для особого сепаратистского развития. Это можно видеть на примере той же земли, со времен герцога Тассилона (конец VIII века) и до наших дней. Вскоре, впрочем, наступило время для попытки короля Генриха (VII) разрешить «баварскую проблему»

силой оружия, но пока за него правил Энгельберт Кельнский, и в этот период, естественно, не шло и речи ни о каких действиях против одного из могущественных имперских князей.

Внутренняя политика имперского регента была естественным образом направлена против всех тех сил, которые были заинтересованы в укреплении *национальной* централизованной власти, то есть против экономически поднимающихся городов и служилой знати. В условиях быстро растущего значения денег для поддержания «соответствующего сословному положению» образа жизни она была поставлена перед альтернативой: остаться «нищими рыцарями» — объектом насмешек бродячих музыкантов, или, отбросив сомнения, заняться улучшением экономической базы путем расширения товарного хозяйства.

Но нехватка денег беспокоила и более могущественных феодалов. Излюбленным способом облегчить эту напасть была «защищающая» власть фогтов над церков-

122

ными землями, которая на практике выливалась в жестокие притеснения и вымогательство со стороны «защитников», что, в свою очередь, заставляло реагировать епископа. Разгоравшиеся вокруг желанных денег конфликты чаще всего заканчивались победой грабителей с рыцарским или княжеским титулом. В 1202 г. епископ Конрад Вюрцбургский был даже убит своими министрами. И мы после 1220 г. не случайно обнаруживаем епископа Отто-на Вюрцбургского среди членов Тайного совета — в этой функции он мог быть более уверен в своей защищенности от преследований со стороны собственных министериалов, чем когда он пребывал в Вюрцбурге. Епископа Бруно Мейсенского в 1222 г. заключили под стражу рыцари фон Вильденштейн, а аббат Гернот Нинбургский в 1219 г. был ослеплен — вот лишь некоторые примеры борьбы вокруг права фогства.

В кругах служилой знати Энгельберта Кельнского столь быстро возненавидели за его благоприятствующую духовным князьям политику в духе привилегий 1220 г., что ему потребовалась постоянная охрана. Его личное положение еще более осложнилось из-за действий одного его родственника, графа Изенбургского. Будучи фогтом Эссенского монастыря, вверенного заботам губернатора, он так притеснял его, что Энгельберт вынужден был вмешаться. В этом затруднительном положении архиепископ зашел так далеко, что хотел даже укротить изенбуржца деньгами из собственного кошелька, однако вспыльчивого монастырского фогта не так просто было удовлетворить. На одном ландстаге в Зосте он даже притворился, что готов уступить, но когда имперский регент на следующий день с небольшой свитой ехал в Швельм, чтобы освятить там церковь, граф напал на него со своими сообщниками и зверски убил Энгельберта.

Известие об этом получившем большую огласку убийстве настигло молодого короля в Нюрнберге, где как раз происходили последние приготовления к его свадьбе с

123

Маргаритой Австрийской. Там 14-летний Генрих впервые вершил суд без регента. При рассмотрении дела возникли сильные разногласия между княжеской партией и представителями тайно симпатизировавших убийце ми-нистериалов. В возникшем беспорядке вдруг обрушилась лестница, причем около 40 или 60 спорщиков были убиты или ранены. Убийца был приговорен заочно. Его поймали лишь через год и колесовали в Кельне. Поскольку жители Кельна начали ежегодно отмечать день смерти «мученика» Энгельберта, он был вскоре отнесен к разряду святых, включенных в церковный календарь. И хотя покойный завоевал еще и большую славу своими «чудесными деяниями», Рим все-таки не пошел на официальную канонизацию этого человека политики.

После смерти Энгельберта концепции его не только внутренней, но и внешней политики потерпели крах. В 1212-1214 гг. Фридрих II смог победить англо-вельфскую коалицию только при поддержке Филиппа II Августа, имперский орел Оттона IV был переслан ему французским королем в результате решающей битвы при Бувине. После этого рыцарского жеста, который все же был не слишком лестным для кандидата на императорский трон, союз с Филиппом II Августом не принес больше германскому королевству никакой пользы. Поэтому, но также и в силу традиционных торговых связей Кельна с Англией, Энгельберт ввиду скрытого немецко-французского соперничества в пограничных землях считал более целесообразным подготовить соглашение с «наследным врагом» французского королевства, английским правящим домом, не спросив при этом императора. Сразу после смерти Филиппа в 1224 г. посланники губернатора отправились в Англию, чтобы прозондировать почву на предмет образованию союза, а также выяснить перспективу сватовства короля Генриха к английской принцессе Изабелле. Тем временем и послы нового французского короля Людовика VIII прибыли в Катанию к Фридриху II, который обно-

124

вил заключенный с королем Филиппом договор (впрочем, без какой-либо направленности против Англии). Энгельберт должен был ратифицировать этот новый союз от имени германского королевства, но вместо этого он начал затяжные переговоры, которые не окончились еще и к

моменту его гибели. Только в 1226 г. преемник Энгельберта дал требуемое Фридрихом II подтверждение.

Весьма спорным моментом был план новой женитьбы: король Генрих должен был взять в жены французскую принцессу. Герцог Баварский и король Богемии Оттокар, напротив, хотели, чтобы Штауфены породнились с богемским королевским домом (позднее этот план поддержал и герцог Леопольд Австрийский). Однако император Фридрих, слово которого в этом вопросе было, естественно, последним, долго оттягивал свое решение и после переговоров с герцогом Леопольдом в конце концов постановил, что Генрих (VII) должен жениться на Маргарите Австрийской, которая была намного его старше. Свадьба состоялась в ноябре 1225 г. в Нюрнберге. Весьма обидчивый и честолюбивый императорский сын, ставший молодоженом в четырнадцать лет, не мог примириться с мыслью получить еще одного опекуна. Его отец, который в 13 лет также был доверен заботам женщины намного старше его, в 14 лет по норманнско-сицилийскому королевскому праву был объявлен совершеннолетним и сразу развил необыкновенную активность. Генриху же не был известен день, когда он сможет править самостоятельно. Можно предположить, что даже эту чисто человеческую проблему должны были обсуждать на рейхстаге, который был созван Фридрихом на Пасху 1226 г. в ломбардский, но дружественный Штауфену город Кремону и которому не суждено было состояться из-за противодействия Ломбардской лиги. После шестинедельного ожидания в Триенте Генрих со своим рыцарским войском, слишком слабым для прорыва через «Веронское ущелье» (самая южная, сильно укрепленная теснина

в долине реки Адидже), вернулся в Германию. В Кремоне должны были заново назначить губернатора для Германии. Только после длительных колебаний на княжеском съезде в Аугсбурге в июле того же года герцог Людвиг Баварский решился взять на себя опасное задание, отклоненное всеми духовными князьями.

Началась долгая маленькая война за привилегии и контрпривилегии, в которой, более или менее выраженно, попеременно брали верх интересы короля, «его правительства», различных светских князей (их представлял губернатор) или князей духовных. Повсюду в стране вспыхнули междоусобицы, которые усугубили всеобщее беззаконие, наступившее после убийства Энгельберта.

Архиепископ Кельнский был настроен против городов, а Генрих поддерживал жителей особо жестко опекаемых епископских городов в борьбе с их сеньорами, хотя и не мог взять верх над церковными князьями, которые кичились своими полученными в 1220 г. привилегиями. Через Альпы шли противоречивые донесения и жалобы. Очевидно, уха отца они достигали реже, чем уха императора. Когда король Генрих в своих рекомендациях упоминал о «гражданах и совете» какого-либо города, перед глазами венценосного отца представляли, вероятно, синьории слишком самоуверенных ломбардских коммун. Ему могло только нравиться, когда севернее Альп епископы обещали блюсти «покой и порядок» в их городах. Для *одного* только немецкого города, а именно для недавно уступленного датчанами Любека, вскоре после фиаско в Кремоне заложил он основу свободного, до сих пор самостоятельного развития: он объявил его свободным имперским городом.

Германия Вальтера простиралась «от Эльбы до Рейна». Политическая карта того времени показывает, что западная граница империи проходила по линии Рона — Сона — Маас — Шельда. А на востоке? Восточнее Эльбы лежали Бранденбургская и Лаузицкая марки, но для

австрийца Вальтера эти земли, очевидно, были «еще неоткрытой областью колонизации».

Приблизительно в то же время, когда поэт с таким энтузиазмом воспевал Германию, в одном из своих шуточных стихотворений он жаловался на долгую зимнюю скуку. Чем ее выносить, он лучше бы стал монахом в Toberlu (цистерцианский монастырь Доберлуг в Лаузице). И наконец, старинная земля оботритов Мекленбург! Ее повелитель, Генрих Шве-ринский, одновременно владел датскими, вельфскими и бранденбургскими ленными землями. Когда же между ним и датским королем Вальдемаром II разгорелся спор, герцог, гостивший в Дании, недолго думая, захватил его вместе с наследником трона, тоже Вальдемаром, в плен и препроводил в Германию. Такой неслыханный выпад со стороны вассала немедленно встревожил германское правительство. С согласия императора оно предложило Генриху Шверинскому отпустить высокородных заложников за 52000 марок серебром, надеясь, наверное, изрядно потрясти кошельки датчан, как это сделал в свое время император Генрих VI с английским королем Ричардом Львиное Сердце. Вальдемар II, который по образцу викингов периодически совершал разбойничьи набеги на

северную Германию, был в первые годы правления Фридриха его союзником в борьбе против Оттона IV. Кроме того, его военная мощь была настолько велика, что только что утвердившийся на германском королевском троне сицилиец официально («в знак дружбы») признал добычей датчанина территории северной Альбингии (северные земли по Эльбе) и некоторые районы «Славии» (Мекленбурга). На самом деле император хотел бы видеть свою северную границу проходящей по реке Эйдер, как это было при Карле Великом. Переговоры, в которые вмешался и папа, ратовавший «за освобождение крестоносца Вальдемара», все же надолго затянулись, но в конце концов датский король смог вернуться на родину без значительных уступок. Во

127

вспыхнувшем новом конфликте датский король, поддерживаемый своим вельфским племянником Оттоном Люнебургским, мог бы почти наголову разбить Генриха Шверинского. Однако тому, оказавшемуся в крайне тяжелом положении, удалось выиграть решающую битву. В июле 1227 г. войска коалиции северонемецких городов (Любек, Гамбург) и феодалов после победы при Борнхёфде (южнее Киля) окончательно вытеснили датчан обратно за Эйдер. При этом Генрих Шверинский смог окончательно захватить «Славию» (кроме острова Рюген). Однако Любек, уже получивший имперское право, избежал вооруженного вмешательства в свои дела.

На обратном пути из Кремоны Фридрих между тем наделил также и один из рыцарских орденов привилегией, весьма чреватой дальнейшими последствиями. Это был орден, ставший воплощением так называемой экспансии на Восток, «Орден госпиталей Пресвятой девы Марии немецкого дома», основанный в 1189 г. под Акконом, позднее называвшийся чаще всего Немецким рыцарским орденом или Орденом немецких рыцарей. Его четвертый Великий магистр, друг и главный дипломат Фридриха, Герман фон Зальца, в 1211 г. перенес сферу действия ордена из восточного Средиземноморья, где осталась лишь «штаб-квартира» (Аккон), для начала в Трансильванию (Семиградье). Венгерскому королю Андрашу удалось все же воспрепятствовать образованию там автономной орденской территории. В своей «Золотой булле из Римини» император передавал изгнанным из Венгрии рыцарям все земли, какие бы они ни завоевали в борьбе против «язычников». Это означало, что он дарил им то, чем сам никак не мог распоряжаться! Однако это уже совсем другая глава немецкой истории, которую здесь не стоит рассматривать подробнее.

Германия тем временем двигалась навстречу тяжелому внутривнутриполитическому кризису. Новый губернатор чаще бывал при королевском дворе, чем в свое время

128

архиепископ Энгельберт, и хотя герцог Людвиг подчеркнуто держался на втором плане, одно его присутствие могло побудить по-мальчишески импульсивного короля, задетого за самолюбие, к резким действиями. Горючий материал поставляли прежде всего некоторые епископские города. Горожане Вердена с 1224 г. постоянно сопротивлялись своему новому епископу. Несмотря на это, имперское правительство в Ахене подтвердило в марте 1227 г. оспариваемые ими права. По требованию князей все было возвращено в исходное состояние, но уже через несколько недель король Генрих снова подтвердил «непозволительные» привилегии. На этот раз, впрочем, Людвиг Баварский оказался против своих духовных «коллег». В Регенсбурге в 1227 г. министерiales силой продвинули желательного им кандидата на епископскую кафедру, несмотря на протесты римской курии и возражение императора. Наибольшее число размолвок происходило, впрочем, из-за мелких расхождений во мнениях между королем и губернатором, который формально все еще считался его опекуном.

Что касается внешней политики, то новый имперский регент был ориентирован на Англию, несмотря на заключенный им в Катании договор, который Фридрих II вскоре еще раз подтвердил в Мельфи. Однако эта позиция была основана не на национальной концепции, а на эгоистичной княжеской политике укрепления собственного дома. Сын герцога Людовика Оттон, уже унаследовавший от своей первой жены Пфальц, был женат вторым браком на дочери Вельфа Генриха Брауншвейгского, который, как ожидалось, вскоре должен был умереть. Столкновения с главным наследником, Оттоном Люнебургским, были неизбежны, поэтому Англия сохраняла в этой ситуации нейтралитет. Когда же в 1227 г. брауншвейжец действительно умер, в качестве наследников неожиданно выступили и Штауфены. Фридрих II выкупил у маркграфа Германа Баденского права его жены, старшей дочери Ген-

129

риха Брауншвейгского! После того как Оттон Люнебургский, будучи союзником Вальдемара II, был взят в плен при Борнхёфде, «непрямые наследники» Людвиг Баварский и король Генрих не могли не попытаться округлить свои части наследства военными средствами.

Полные взаимного и вполне оправданного недоверия, они вместе напали на земли Брауншвейга, где их с самого начала поддерживали министерялы, которые надеялись перейти на службу «имперской непосредственности» короля Генриха. Несмотря на это, кампания провалилась, так как жители Брауншвейга не открыли настойчивым «гостям» городские ворота и осада также не принесла успеха. Какой урок для юного короля, нуждавшегося в союзниках для борьбы против могущественных имперских князей, если только он думал тогда о свободе принимать политические решения! Вплоть до времен Франца фон Зиккингена и Ульриха фон Гуттена на политическом горизонте маячило видение национальной программы с двумя главными защитниками централизованного германского королевства — имперскими городами и имперским рыцарством (впрочем, всего лишь как фата-моргана).

Вскоре после краха совместных надежд на брауншвейгское наследство дело дошло до окончательного разрыва между герцогом Людвигом и королем Генрихом. Людвиг временно удалился от дел, так как его личный враг, аббат Конрад Санкт-Галленский, занял освободившееся место в королевском совете. После этого к Рождеству 1228 г. Генрих окончательно отдалил его от себя, обосновывая это тем, что губернатор якобы заключил с папой договор против императора, отлученного от церкви из-за прерванного крестового похода.

Когда в следующем году Фридрих II отбыл в Палестину, Генрих получил наконец абсолютную свободу действий, однако в Германии помимо общей правовой необеспеченности действовали еще и помехи, активно чинимые курией. Кардинал-легат Оттон из Санкт-Николауса,

130

который должен был по всей Германии объявить об отлучении императора от церкви, добрался лишь до Страсбурга. Там его взяли под защиту горожане, а на военный поход короля против города было наложено общее вето князей. Но и без прямого воздействия легата положение императора было весьма затруднительным, так как Оттон Люнебургский уже снова был на свободе, и власть вельфского короля могла найти поддержку не только в Англии и Баварии, но также и в Австрии. Скрепленные родством отношения с Австрией были омрачены тем, что брак Генриха с Маргаритой был несчастлив, хотя и дал наследников. Раздоры из-за приданого, которое даже после смерти герцога Леопольда (1230) все еще задерживалось, выставлялись Генрихом напоказ при подготовке требуемого им развода более явно, чем если бы дело было в простой случайности. Политические последствия представлялись тогда столь вескими, что *аббат* Санкт-Галлена мог даже обсуждать с королем план его развода и нового брака с Агнессой Богемской.

Опасные акции вельфской партии Генрих (VII) опередил внезапным нападением на Людвига Баварского, который капитулировал в сентябре 1229 г. С жителями Страсбурга, предоставившими защиту легату Оттону, молодой Штауфен быстро помирился, так как хотел закрепить Эльзас под своей властью в качестве центра штауфенских родовых владений. Со все возрастающим изумлением князья видели, что он поддерживал мятежные епископские города в их борьбе против своих господ (особенно горожан Вормса). Предостереженные тяжелым поражением герцога Баварского, они решили сообща выдвинуть прочный заслон дружественной городам политике слишком быстро выросшего императорского сына, который еще недавно воспринимался ими только как мнимый король.

20 января 1231 г. на хофтаге в Борисе совет князей и знати постановил, что ни один город империи не имеет

131

права вступать в объединения, союзы и сообщества без разрешения князя-сеньора. Но даже это не смогло заставить необузданного и протестующего короля быть осмотрительнее в выборе политических средств. Поэтому на рейхстаге, проходившем с марта по май 1231 г. все в том же Вормсе, князья принудили Генриха пойти на более обязывающие соглашения, «словно на пороге между империей, которая была прежде, и многими возникающими землями» (как пророчески писал современный хронист). В то время Фридрих II был особенно обязан князьям за ту посредническую роль, которую они сыграли в его примирении с папой. Теперь же он должен был узнать, что на редкость сплотившиеся князья вынудили его неразумно поступившего сына без какого-либо возмещения для имперской политики дать им привилегии, предоставлявшие всем светским князьям права, подобные тем, которыми обладали духовные князья с 1220 г. Особенно активным показал себя в Вормсе новый канцлер, епископ Зигфрид Регенбургский, который по сути дела должен был быть первым помощником правящего теперь самостоятельно короля.

После того как 15 сентября 1231 г. на Кельхаймском мосту был убит герцог Людвиг Баварский, партия князей истолковала это как акт мести Штауфенов, причем не делалось никаких различий между Фридрихом II и его сыном. В этой напряженной ситуации императору показалось целесообразным подтвердить созданные в Вормсе новые правовые отношения на уровне имперского законодательства. Он сделал это на специально созванном для германских князей хофтаге, который начался на Пасху 1232 г. в Аквилее, но затянулся столь надолго, что должен был много раз перемещаться из одного

фриульского города в другой, чтобы не слишком отягощать каждого из недобровольных хозяев. На этот хофтаг Генрих был не *приглашен* как германский король, а *призван* как нерадивый сын к отцу. Он

132

последовал на этот зов якобы только после настойчивого напоминания некоторых князей, вернувшихся из Равенны. Это также не могло ускользнуть от внимания императора. В качестве места, где Генрих мог бы расположиться со своей небольшой свитой, тот указал ему город Чивидале, расположенный неподалеку от Аквилеи. Именно так, «на расстоянии», начались абсолютно деловые переговоры, пока хофтаг сам не переместился в Чивидале. Там Фридрих впервые за одиннадцать лет увидел своего сына, и там же был подготовлен окончательный «Statutum in favorem principum» («Статут в пользу князей»).

На путь к территориальному суверенитету германские князья вступили очень давно. Но до сих пор он был намечен лишь привилегиями, которые каждый из князей добывал себе сам и которые каждый раз нуждались в подтверждении новым правителем. Лишь год назад император санкционировал создание общеобязательного закона, с незначительными поправками в пользу короны, которые Фридрих смог провести.

Право чеканить монету, а также эскортное право (весьма доходные монополии) должны были в будущем перейти ко всем германским князьям. Однако еще важнее было предоставление судебного суверенитета. Это означало, например, отказ от старинного королевского права, когда король через своих уполномоченных назначал начальников судов низшей инстанции, «центграфов». Именно в правовой сфере статут больше всего определил понятие «территориального господства», открывающее путь в будущее. Охваченные мощным экономическим подъемом города вслед за королевской властью наиболее остро ощутили на себе нововведения. Им было запрещено брать под свою правовую защиту посадских жителей, которые селились за пределами городских стен. Кроме того, они должны были отказаться от приема переселенцев из деревни, так как крепостные князей, министерия-лов и церкви больше не имели права стать горожанами.

133

Подсудность жителей городов должна была остаться в прежних рамках. Если горожанин хотел подать жалобу на княжеского зависимого человека, не проживавшего в данном городе, то он должен был идти в тот суд, к которому относился обвиняемый. Королю было запрещено закладывать новые города или крепости «в ущерб князьям», он также не имел права допускать создания новых рынков в убыток уже существующим. Не мог он и принуждать кого-либо посещать тот или иной рынок, также ему было запрещено прокладывать новые торговые пути, если проживающие на старых дорогах не хотели этого допустить. Все это должно было пагубно отразиться на королевской территориальной политике.

Усилия Генриха по повышению статуса городов унижительным для него образом привели к обратному результату. О том, насколько такая политика мешала планам его отца, свидетельствует запрет первого рейнского союза городов, созданного в начале XIII века и направленного против архиепископа Майнцкого. По повелению Фридриха Генрих сам должен был огласить его в ноябре 1226 г. Продиктованный ему в 1231 г. в Борисе запрет на подобные союзы был полностью выдержан в духе имперской политики. Законодатель наконец вмешался в длившуюся уже десятилетия борьбу между бюргерством и городскими сеньорами на стороне последних, запретив любое самовольное конституирование городского совета, объединения ремесленников или любые другие автономистские устремления на корпоративной основе. На особенно далеко продвинувшийся в этой области город Вормс Фридрихом в ходе хофтага была наложена имперская опала.

Не преуменьшая значения двух важных княжеских привилегий, было бы неверным рассматривать статут как окончательный перевод стрелок на путь к федералистскому германскому государству. Это доказывают нередкие подтверждения частных привилегий, понадобившиеся впо-

134

следствии для того, чтобы закрепить права князей на земли, завоеванные ими в 1231-1232 гг. Уже очень скоро король Генрих сам же поставил под сомнение только что обременившие его уступки. В стремлении снова поднять свой престиж, упавший после унижения в Чивидале, молодой Штауфен старался восстановить свои королевские позиции внутривластным «успехом любой ценой». Горожанам Регенсбурга, отказавшим ему в почестях после возвращения короля домой из Италии, он предложил вернуть свою «милость» за деньги под угрозой конфискации имущества известных ему «главных зачинщиков». Жителям Вормса, для которых их «привилегии»

обернулись имперской опалой, Генрих выдал новые, весьма неопределенно составленные грамоты, и умело проведенными переговорами был наконец достигнут компромисс между горожанами и их епископом. В то время как прежде из 40 членов городского совета только 12 назначались епископом (что и привело к запрету совета), то теперь по договору городской совет Вормса должен был заседать под председательством епископа или его заместителя. Им назначались членами совета девять горожан, которые в свою очередь кооптировали шесть епископских министериалов. И уже этой коллегией избирались шультхайс и все прочие городские чиновники. Таким образом, каждая из враждующих сторон могла выбрать в совет наиболее приемлемых кандидатов из числа собственных противников — поистине соломово решение! При ближайшем рассмотрении обнаруживается, что в 1233 г. епископом Вормским был бывший министериал короля Генриха. В Шпейере король также сумел посадить на епископское кресло своего министериала. В Страсбурге он привлек на свою сторону епископа вместе с горожанами. Однако в Бремене и Меце Генрих снова поддержал бюргеров в борьбе против епископа. Но прежде всего он поддерживал сопротивление монастырей властным притязаниям князей церкви. Что-

135

бы расколоть княжескую партию, король также раздавал «целевые» привилегии. Однако ответный удар новых «территориальных князей» не заставил себя долго ждать. Их жалобы императору заставили того вынудить Генриха письменно просить себе у папы Григория беспощадного проклятия в случае нарушения им клятвы послушания, данной отцу в Чивидале. Это письмо было написано 10 апреля 1233 г. и стало еще одним ударом по жестоко оскорбленному честолюбию Генриха.

С большой поспешностью он начал приготовления к весьма рискованным выступлениям против отдельных имперских князей, которые изначально стояли на пути расширения власти штауфенского дома. В июне состоялись первые совещания с естественными союзниками германской королевской власти — представителями высшего министериалитета и городских советов — в предпочитавшемся Генрихом пфальце Хагенау. В августе уже было собрано сильное войско из 6000 рыцарей, с которыми король без объяснения причин напал на Баварию. Баварский герцог вынужден был сдаться на милость победителя. Маркграф Баденский вскоре после этого, гарантируя будущую лояльность, предложил в заложники собственного сына. В перспективе этой столь энергично начавшейся политики Генриха по упрочению позиций правящего дома было присоединение к штауфенскому владению при ближайшем удобном случае, в результате каких-либо уловок Баварии и Бадена как «исчерпанных ленов». Если бы к этому прибавилась Австрия как наследство королевы Маргариты (в 1246 г. вымерла австрийская правящая династия Бабенбергов), создалась бы хорошая основа для постепенного лишения могущества территориальных князей и развития единого национального государства по английскому или французскому образцу. Король Генрих (VII), доказавший своим первым нападением на Баварию талант к неожиданным действиям, не был человеком, способным к длительной планомерной, энер-

136

гичной и целенаправленной политической работе. А в его теперешнем положении он был им еще в меньшей степени. Справедливости ради надо сказать, что в его весьма щекотливом положении между князьями и императором усилия Генриха не были лишены прогрессивного зерна.

Если в исторических источниках того времени поискать «общественное мнение» по поводу правления Генриха и его личности, то можно найти лишь сплоченный фронт критических голосов. Трирские анналы судят столь же типично, сколь и лапидарно: «Он обладал королевской властью, но вел не королевскую жизнь». В городских хрониках, надежных источниках для конца XIII века и последующих столетий, которые, однако, о первых десятилетиях XIII века повествуют лишь эпизодически и немногословно, решительно доминируют высказывания по поводу управления новых территориальных властителей. Безоговорочно положительные оценки давались только в придворной поэзии, которая, кажется, была очарована молодым Штауфеном больше, чем в свое время его дедом, императором Генрихом VI, и всеми позднейшими отпрысками этого облащенного музами рода.

Кравчий Конрад фон Винтерштеттен, как главный меценат, заботился о том, чтобы каждый странствующий певец и поэт находил при «дворе муз» Генриха заинтересованных слушателей и щедрых дарителей. Наряду с Ульрихом фон Винтерштеттеном, братом Конрада, там короткое или продолжительное время гостили Рудольф Эмский, Ульрих фон Тюрхейм, Буркарт фон Гогенфельс, Отто фон Ботенлаубен и особенно искусный в стихосложении Готфрид фон Нейфен. Расцвет придворной поэзии немецкого средневековья был, впрочем, уже позади. Как уже названные эпика, так и лирики — всего лишь эпигоны, слабые подражатели Гартману фон Ауэ, Готфриду Страсбургскому,

Вольфраму фон Эшенбаху или Вальтеру фон дер Фогельвейде.

137

В кругу этих жизнерадостных поэтов король Генрих чувствовал себя особенно вольготно. Конечно же, он и сам писал стихи. Можно было бы не придавать значения претензиям, предъявлявшимся к его модному хобби, если бы в остальном он проявил себя как сильный правитель. Главной задачей средневекового короля, согласно общераспространенному представлению, были защита и поддержание мира и правосудия (*pac et iustitia*), как это еще раз утвердил в своем сицилийском своде законов Фридрих II. Между тем Генрих, погруженный в праздник своего «двора муз», явно забыл создать хотя бы иллюзию своего стремления к этому идеалу. В его государстве росли и множились распри и беззаконие. Его рыцарственные советники, очевидно, были столь же мало заинтересованы в переменах. Поэтому неудивительно, что стареющий Вальтер фон дер Фогельвейде (возможно, находясь в Вюрцбурге) сердито критиковал новые грубые «доене» (стихотворные строфы) придворных поэтов, и его даже радовало, если кто-нибудь из странствующих исполнителей оставался без внимания и без вознаграждения, как это произошло на хофтаге в Нюрнберге в 1225 г. Там четырнадцатилетний Генрих, как уже было сказано, с мужской серьезностью вершил суд, уstraшенный и расстроенный убийством Энгельберта. Но хвала ему встречается среди «шпрухов» Вальтера (песен на личные, политические, религиозные или общемировоззренческие темы) очень редко. Резюмируя, он говорит: «Ребенок, выросший без присмотра, ты слишком крив. Никто уже не может тебя больше выпрямить (для розог ты, к сожалению, чересчур большой, для меча — чересчур мал), так спи же и устраивайся поудобнее... Теперь в твоей школе не будет учителей, каким был я — я больше ничем не могу тебе помочь...»

Лишь в одной сфере деяния Генриха сразу нашли широкую поддержку: он выступал против преследований еретиков, которые Фридрих II вызвал своими резкими

138

постановлениями в сицилийской *Liber Augustalis*. Начавшаяся в 1232 г. в Италии волна преследований уже вскоре охватила и Германию, где свирепый Конрад Марбургский довел ее ужасы до предела. Бесчисленные верующие в северной Италии, впечатленные темными пророчествами и интерпретациями Священного Писания, ожидали в 1233 г. конца света, Страшного суда, явления Антихриста, а вместе с тем и прихода мессии, всемирного царства мира или аполлонического золотого века. Грандиозное богослужение с всеобщим покаянием и молитвами о мире, названное по экзальтированным восклицаниям проповедующих покаяние «Великая Аллилуйя», началось под руководством нового нищенствующего ордена доминиканцев, но скоро вышло из-под какого-либо контроля. Доминиканцы удовлетворились тем, что основатель ордена, умерший в 1221 г. испанец Доминик, в 1234 г. был причислен к лику святых, как и Франциск Ассизский. Но то, что они начали как организованное преследование еретиков, завершилось опьянением, неистовством и политической борьбой за власть.

В королевстве Сицилия тем временем царил новый порядок Фридриха, он остался неизменным: императорские чиновники, недолго думая, отправляли каждого проповедующего покаяние, который появлялся в Апулии, обратно через границу; во Флоренции же проповедники подвергались крайне неблагочестивому осмеянию. Однако в многочисленных столь важных для императора ломбардских городах монахи-«чудотворцы» могли завладеть вниманием масс, а иногда даже захватывать политическую власть. Так произошло в Вероне, этом ключевом пункте на важнейшем связующем пути между севером и югом империи, что имело весьма неблагоприятные последствия для Фридриха. Там летом 1233 г. его союзник Эццелино да Романо, не отступавший ни перед каким преступлением тиран, вынужден был принести клятву послушания доминиканцу, возглавившему «Великую Аллилуйю».

139

Ломбардская лига, снова активизировавшая свою деятельность со времени неудачного хофтага в Равенне (в ноябре 1234 г.), не была подвигнута к смирению вялыми посредническими попытками папы. Только на Троицу 1234г. Григорий IX энергично потребовал от городов обеспечить свободный проход через Альпы для германской армии, шедшей ему на помощь против снова восставших против него римлян, а также и впредь подчиняться его третьейскому решению. «Великая Аллилуйя», которая должна была принести вечный мир, уже осенью 1233 г. бесславно превратилась в войну между соперничающими городами.

В Германии всеобщее религиозное возбуждение также уже много лет было причиной разобщения между широкими массами населения и официальной церковью. Стремление к особому благочестию в духе следования Христу, достигнув угрожающих размеров, стирало границу между Единоспасающей Церковью и сектами, наставляющими в неискаженном, истинном христианстве (прежде всего вальденсами, см. ниже, гл. 7). Чтобы возвести заслон против этой растущей угрозы, понтифики Иннокентий III и Гогонрий III после долгих колебаний постановили включить нищенствующие ордена францисканцев и доминиканцев в систему католицизма, но этим не была удовлетворена всеобщая

тоска по «чистой» церкви. Законодательство о еретиках, принятое Фридрихом, должно было положить конец успешной пропаганде «нищенствующих», правда, преимущественно, с помощью доминиканцев, которые вскоре были названы «Domini canes» — «псы Господни». В марте 1232 г. Фридрих II распространил действие ужесточенного варианта своих законов о еретиках на всю территорию империи.

Папским инквизитором в Германии уже с 1227 г. был мрачный Конрад Марбургский, духовник ландграфини Елизаветы Тюрингской, которая после смерти ее мужа (1227) вела жизнь, полную деятельной любви к ближним

140

и ужасных самобичеваний. Только после ее ранней смерти в 1231 г. Конрад, принадлежавший, возможно, согласно последним исследованиям, к ордену премонстрантов, с полной силой стал исполнять свои обязанности главного инквизитора. Ко времени «Великой Аллилуйи» он колесил по Германии, чтобы предавать сожжению «еретиков» все мастей, прежде всего в рейнских городах. Так как королю поступала часть конфискованного имущества жертв инквизиции, он сначала предоставил Конраду и другим судящим еретиков свободу действий. Когда же преследования переросли в массовые убийства и оргии произвола, в которых Конрад отличался особой, граничащей с сумасшествием яростью, и когда выяснилось наконец, что жертвами вердикта марбуржца пали знатные приближенные короля, как, например, графы фон Зайн, фон Зольмс, фон Арнсберг, а также графиня фон Лоц, Генрих на хофтаге в Майнце 25 июля 1233 г. занял позицию против папского инквизитора. Это придало притесняемым мужества, и уже пятью днями позже, возвращаясь из Майнца в Марбург, Конрад был убит.

Папа, как раз собиравшийся смягчить излишнее рвение своих немецких инквизиторов, призвал к новой охоте на еретиков, при необходимости и с помощью организованного по всем правилам крестового похода. Это решение верховного пастыря вызвало горячее негодование в Германии, которое король Генрих также хотел использовать в целях своей оппозиционной политики. Уже первый вал нарастающей популярности после его выступления против действий Конрада помог ему при его втором нападении на Баварское герцогство. Вторая волна террора, организованная епископом Хильдесхаймским, дала королю возможность укрепить свою позицию не только против папы и императора, но одновременно и против имперских князей.

Когда около 50 человек, обвиненных Конрадом Хильдесхаймским, часть из которых уже была осуждена в

141

качестве «еретиков», обратились с просьбой о справедливом расследовании их вины, Генрих 2 февраля 1234 г. созвал открытый хофтаг во Франкфурте. Там дело дошло до чрезвычайно жесткой полемики и стихийных манифестаций против епископа Конрада и доминиканцев. Генрих мудро превратил себя в исполнителя общенародной воли, повелев разработать масштабный закон о мире, который подчинял преследование еретиков обычным светским судам. Сверх того, это был имперский закон, обеспечивавший всеобъемлющее урегулирование на основе «земского мира», также означавший заключение договора о мире или, по крайней мере, перемирии между Генрихом и князьями. Королю молчаливо засчитывали его успех в Баварии, но за это он, сам начавший с укрепления их территориальной власти в 1231 г., должен был подтвердить князьям их важнейшие привилегии. Кроме того, в случае «мятежа» этот закон о мире мог быть использован в качестве оружия против короны, как это вскоре и случилось. Некоторое практическое значение этот имперский закон, принятый без согласия императора, имел лишь как средство ограничения безудержных преследований еретиков. Впрочем, крестьян штедингов, объявленных со вполне прозрачным намерением еретиками, он не защитил от ужасной бойни, учиненной так называемым крестоносным войском.

Нижнесаксонско-фризские штединги (т. е. «жители побережья») начиная с первой половины XII века поднимали земли по рекам Яде и нижнему Везеру, и за это пользовались личной свободой. Однако графы Ольденбургские и архиепископы Бременские не захотели довольствоваться только основным чиншем и церковной десятиной. Они приступили к сооружению укрепленных замков на этих территориях, чтобы перевести свободных крестьян в положение лично зависимых. Те же в 1204 г. прогнали угнетателей и отказались впредь от уплаты дани и десятины. Вследствие благоприятного для них

142

соотношения политических сил штедингам на некоторое время удалось утвердить свою свободу. В конце концов алчные феодалы пришли к абсолютно не соответствующей действительности, но не менее действенной от этого идее обвинить самонадеянных крестьян в ереси и призвать на синоде в

Бремене в 1230 г. к большому крестовому походу против них.

В этом отчаянном положении притесняемые вынуждены были обратиться к ордену немецких рыцарей, чтобы с помощью их магистра, который часто бывал при императорском дворе, достичь Фридриха. Но император ограничился лишь тем, что выпустил в 1230 г. в Капуе грамоту, в которой заверил «всех штедингов» в своем благоволении к ним за те «благодеяния», которые они оказали ордену, без какого-либо содействия. Тем временем на Рождество того же года крестьянам удалось наголову разгромить возглавленное архиепископом Бременским войско крестоносцев без какой-либо помощи со стороны. Дальнейшие нападения поддержанных папой «крестоносцев» закончились для тех еще более катастрофично, так как с «еретиками» вступил в союз Оттон Люнебургский. В мае 1234 г. на земли штедингов напало почти 40-тысячное войско «крестоносцев» под предводительством герцога Брабанта и графа Ольденбургского, полностью пренебрегая законом о мире, оглашенным королем Генрихом два месяца назад. У последнего же было много других забот. Папа с негодованием отреагировал на действия Генриха против инквизиции, и это снова противоречило интересам Фридриха II, которому Григорий IX был нужен как посредник в его конфликте с североитальянскими городами. Теперь «борцов за веру» ничто уже не могло удержать. 27 мая 1234 г. при Альтенэше poleglo около 11 тысяч крестьян, давших отчаянный отпор значительно превосходящему их войску убийц. Выжившие бежали в соседние страны.

Тем временем король Генрих в лихорадочном темпе возводил юго-западный немецкий бастион, призванный по-

143

мочь ему в открытом мятеже против императора и папы, но при этом была утрачена единственная осмысленная политическая линия его прежнего поведения — планомерная поддержка городов. Любой союзник приветствовался, любой противник подавлялся силой. Более или менее последовательно продолжалась лишь поддержка монастырей. В остальном же по огромному количеству различных дарственных грамот, например, в пользу ордена немецких рыцарей (т. е. их магистра Германа фон Зальцы, который как ходатай перед императором был особенно ценен) можно достаточно ясно понять, что Генрих уже слышал тяжелую поступь судьбы и поэтому целиком отдался лихорадочной деятельности.

Что приносит пользу одному, то вредит другому, и вскоре в императорской канцелярии вновь накопились жалобы. В немногих письмах Фридриха к сыну Генрих все равно назывался «carissimus filius» (возлюбленный сын). Однако противоречивые действия короля, серьезно препятствовавшие имперской политике кайзера и призванные служить только одной цели — приобретению как можно большего числа союзников, — придавали этому выражению семейной связи характер пустой формальности. Поспешность, с которой Генрих забирал под свою власть замки и прочие укрепления, прежде всего на юго-востоке, а также строил новые, и методы, которыми он пытался перетянуть на свою сторону врагов императора или отобрать у его друзей их замки (как, например, у братьев Гогенлоэ) заставляли уже думать об открытом мятеже.

Тогда Фридрих решил более энергично, чем в 1232 г. в Чивидале, опередить сына, по поводу которого имел очень серьезные подозрения, и с этой целью лично приехать в Германию. В Иванов день (24 июня) 1235 г. он созвал праздничный хофтаг во Франкфурте, чтобы привести в порядок запутанные отношения в Германии. Сначала он все-таки доказал свое дипломатическое мастерство в трудных предварительных переговорах.

144

Следуя давно испытанной тактике, папа должен был бы использовать чрезвычайно благоприятную возможность окончательно отколоть Сицилию от Германии, поддерживая мятежного короля. Но он все же дал заманить себя в ловко расставленные Фридрихом сети. Когда Григорию IX в очередной раз стали угрожать его римляне, Фридрих посетил понтифика в его убежище в Рieti, чтобы предложить ему (хорошо продуманный ход) свою «защиту» от народа Рима (естественного союзника императора!). При этом он указал, что действенная помощь возможна лишь в том случае, если папа своей властью откроет германским войскам закрытые ломбардцами альпийские перевалы (это и была собственная настоятельная просьба Фридриха). Это произошло на Троицу 1234 г., а 5 июля Григорий написал королю Генриху письмо, полностью соответствующее планам императора. Там говорилось, что архиепископ Трирский послан огласить папское отречение короля от церкви из-за повторного неповиновения. Все принесенные Генрихом клятвы провозглашались недействительными, а князья призывались повиноваться императору. Слишком поздно папа узнал, что союз с Генрихом и ломбардскими городами против Сицилии был бы намного выгоднее для его интересов...

Переговоры Фридриха с немецкими князьями также были успешны. И все же в сентябре 1234 г. в Боппарде Генрих смог наряду с мелкими сеньорами и министрами склонить и некоторых

духовных князей к открытому бунту против императора. В остальном же он пытался призвать всех «нейтральных» князей и города к возобновлению клятвы верности, которая обязывала к содействию в борьбе против «любого» (т. е. и против императора тоже). Однако то, как неуверенно он чувствовал себя перед лицом Франкфуртского суда, видно из письма от 2 сентября к епископу Конраду Хильдесхаймскому. В нем он попытался убедить доверенное лицо папы в том, что его кажущееся сопротивление отцу на самом деле полностью

145

соответствует правильно понятым интересам императора. Однако все доводы, которые он использовал для подкрепления этого тезиса (например, указание на успешную борьбу против партии Вельфов в 1229 г.), были лишь половиной правды, так как он скрыл такие важные факты, как статут 1231 г., клятву в Чивидале или письмо к папе, в котором он подчинялся его судебному решению. Кроме того, он сам мало верил в убедительность таких аргументов, поэтому далее писал в основном о привилегиях, которые собирается дать своим будущим союзникам (прежде всего городам). Однако именно Вормс, где пребывал преданный ему епископ, не отважился принести клятву верности одному только Генриху. Напрасно король применял самые жесткие военные средства давления: он осадил город и штурмовал его стены, но со своим войском в 5000 человек достиг столь же малого, как и с помощью дипломатии.

Несмотря на эту неудачу, в начале 1235 г. Генрих мог питать новые надежды, так как с чисто военной точки зрения его положение отнюдь не казалось безнадежным. Нападение с юга могло быть с легкостью отражено у Альпийских перевалов. Инициированное императором отлучение от церкви не могло пошатнуть позиции короля (это доказывает клятва верности, принесенная многими князьями и городами). Что же касается обвинения в «мятеже», то это нужно было сначала доказать на уровне государственного законодательства. Генрих был законно избранным германским королем, а не ленником императора, которого таким образом обязан был слушаться лишь как отца. Впрочем, эти отношения между отцом и сыном были самым слабым пунктом в защите Генриха, и с этой точки зрения он склонялся к новым уступкам, хотя последствия такого поведения во Франкфурте могли быть еще более унижительными, чем в Чивидале.

Укрепление своих властных и политических позиций любой ценой все еще казалось Генриху единственно при-

146

емлемой линией поведения. В результате следующей отсюда политики лавирования осенью 1234 г. он вошел в контакт со смертельным врагом всех штауфенских императоров — ломбардским союзом городов.

В июле 1234 г. в Ломбардии с нападения миланцев на верную императору Кремону началась война городов. В то же время Флоренция и Орвьето ополчились против Сиены. Император хотел, чтобы папа исполнил нелицеприятную роль посредника, поэтому много месяцев лишь созерцал борьбу, не рискуя опробовать свою власть в северной Италии. Кайзер должен был воспринять как неслыханную провокацию то, что 13 ноября 1234 г. его сын послал рейхсмаршала Ансельма фон Юстингена с еще одним дипломатом к Ломбардской лиге в качестве полномочного представителя, чтобы по старому грубому правилу «враги твоих врагов — твои друзья» предложить ей союз. 17 декабря действительно был заключен договор, по которому Милан, Брешиа, Болонья, Новара, Лоди, а также маркграф Монферрата признавали короля Генриха и обещали ему в Ломбардии помощь и защиту, в то время как он легализовал лигу и обещал ей содействие (также и против верных императору городов!), недвусмысленно отказавшись от всех особых прав, на которые претендовали до сих пор германские императоры.

Этим был перекрыт любой возможный путь императорской армии с Сицилии. В Германии сильное войско Генриха в боевой готовности заняло стратегически выгодное положение между Майнцем и Борисом. Здесь, правда, должно было мешать продолжающееся восстание в Вормсе, этом краеугольном камне позиции. Крепости Пфальца и Эльзаса обеспечивали мощное прикрытие тыла, маркграфу Баденскому и владетелям Гогенлоэ грозили шахом сильные воинские соединения, а других неожиданно выступивших противников Генрих мог встретить быстрым наступлением.

147

К своим дипломатическим усилиям по укреплению обороны он привлек и Францию, когда выяснилось, что вновь овдовевший тем временем император претендовал на руку Изабеллы Английской, которую Ангельберт Кельнский некогда предназначил своему тогдашнему подопечному. В то время как Фридрих II сопутствовал успеху, Генриху, предложившему французскому

королю соединить браком их детей, было отказано. Фридрих сумел убедить Людовика VIII в своей неизменной дружбе. С другой стороны, произошло примирение между Генрихом и Вель-фом Оттоном Люнебургским («во исполнение просьбы многих князей»). Старый спор за брауншвейгское наследство должен был быть решен третейским судом князей. Итак, 22-летний король теоретически был теперь в состоянии помешать осуществить военное вмешательство в германские дела. Однако Фридриху II, который уже за несколько месяцев до этого написал немецким феодалам: «Нет никакого сомнения в том, что прибытие Наше будет счастливым», не было нужды собирать войско. Он приехал, словно на обыкновенный хофтаг, правда, с почти восточной роскошью, окруженный ореолом коронованного в Иерусалиме, окруженного легендами императора мира, чтобы призвать обвиняемого в неслыханной неверности сына к своему суду.

ТРИУМФ В ГЕРМАНИИ

Весной 1235 г. император выступил из своей южной державы. Со знатными людьми государства, составлявшими его свиту, он попрощался на границе, чтобы избежать переговоров с папой, претендовавшим на земли марки Анкона и отдельные области Романьи, через которые должен был проехать Фридрих. В Римини его ожидали галеры, на которых «путешествующий двор» должен был продолжить свой путь. Многие немецкие князья прибыли в следующий пункт путешествия, Чивидале, чтобы выразить свою преданность. Там Фридрих встретил также архиепископа Майнцского и епископа Бамбергского, прибывших в качестве посредников короля Генриха, но весьма скоро сменивших партию. Точно так же, как до этого от короля, теперь от императора они приняли вознаграждение за свою «верность», прежде чем вернуться в Германию.

Фридрих выбрал путь между Фриулем и Штирией, хотя (или поскольку?) герцог Фридрих Австрийский, его зять, все еще считался упорным приверженцем короля Генриха. Тем не менее за 2000 марок серебром он согласился пропустить императора через свое герцогство. Тот не обратил на это предложение никакого внимания и беспрепятственно продолжил свою поездку, после чего герцог незамедлительно послал сообщение ему, что он отныне «больше не хочет служить» ему. И все же послед-

149

нее слово между Фридрихом II и последним Бабенбергом еще не было сказано.

В июне император проследовал через Регенсбург, где у него состоялась беседа с герцогом Оттоном Баварским, в имперский город Нюрнберг. Там же объявились послы его мятежного сына, чьи действия становились все более бессмысленны и бесцельны. Переговоры вел Герман фон Зальца.

Если сначала блестящий придворный штат Фридриха вместе с удивительными экзотическими животными, которые наряду с прочим давали возможность увеличить чужеземную роскошь, сопровождавшую его прибытие, охранялся по большей части сарацинскими телохранителями, то после Чивидале к императорской свите присоединялось все больше князей и других могущественных феодалов. Этому немало способствовал «магнит», предусмотрительно прихваченный Фридрихом из Сицилии, — только что снова наполненная за счет специального налога личная казна императора. По этой причине путешествие уже давно превратилось в триумф, затмивший торжественную встречу *Puer Apuliae* 23 года тому назад. Хронист швабского монастыря Эберсбах восторженно писал: «Как подобает императорскому Величеству, он приближался во всем великолепии, со множеством повозок, груженных золотом и серебром, тонким полотном и пурпуром, самоцветами и драгоценностями. Он вел с собой верблюдов, мулов, дромадеров, обезьян и леопардов, а также многочисленных сарацин и эфиопов, понимающих толк в разных искусствах и охраняющих его богатства».

Однако войска, предоставленные ему в избытке, требовались теперь еще меньше, чем к началу похода, так как с трудом нанятое Генрихом «мятежное войско» растаяло в одно мгновение под лучами императорского солнца. Укрепленные позиции между Вормсом и Майнцем пали без кровопролития. Только немногие оставшиеся верными министерялы удерживали еще несколько

силь-

150

ных крепостей в глубине страны. Генрих, которого Герман фон Зальца укрепил в его обманчивой надежде на милостивый приговор, прекратил свою борьбу, даже не начав ее.

Когда Фридрих II въехал в имперский пфальц Вимп-фен, сын уже ожидал его там, чтобы пасть к ногам отца. Этого ему все же не было позволено. Ведь речь шла не о решении семейных неурядиц, а о караемом смертью государственном преступлении. В качестве наглядного доказательства

перемены в образе мыслей Генрих должен был для начала сдать все свои замки. И все-таки он медлил. В замке Трифельс хранились имперские инсигнии, которые раздираемый страхом и надеждами мятежник охотно оставил бы себе в качестве залога. Кроме того, он боялся прослыть предателем у гарнизонов крепостей (которые уже давно были брошены на произвол судьбы). После этого Фридрих приказал сопроводить его в Вормс как пленного, где он, сидя в башне Лугинсланд, в отчаянии вынужден был слушать праздничный гул горожан, которые до самого конца противились его власти. Епископ Ландольф Вормсский напрасно пытался помочь своему бывшему господину, которому он был предан и как министерял; он заступался за него и, возможно, даже готовил побег. Когда же император увидел его при торжественной встрече у портала собора среди других епископов, он настолько отчетливо дал ему понять свое неудовольствие, что Ландольф едва смог спастись и спрятаться. 4 июля в присутствии всех князей состоялся суд над королем Генрихом. Пленник должен был на коленях просить прощения и отказаться как от королевства, так и от всех личных владений. Таким образом ему удалось спасти свою жизнь, но свобода была потеряна навсегда, тем более что замок Трифельс еще не был сдан. Только через несколько месяцев последние крепости были захвачены, отчаянно сражавшиеся защитники взяты в плен или вынуждены эмигрировать.

151

По поводу Фридриха Австрийского и Ломбардской лиги император намеревался принять особое решение, с другими бывшими союзниками Генриха он вел себя необыкновенно мягко. Даже Ландольф Вормсский получил разрешение оставить при себе свое епископство. Только к сыну не было проявлено никакой милости. Под «присмотром» некогда притесненного им герцога Баварского Генрих был препровожден сначала в Гейдельберг, затем в замок Альтгейм, а к концу года перевезен в Апулию, поскольку опасались попытки герцога Австрийского освободить пленника. В 1240 г. последовал перевод из Рокка Сан-Феличе близ Мельфи в Никастро в Калабрии. Когда через два года тюрьму снова сменили, все еще надеющийся на прощение пленник впал в столь безграничное отчаяние, что 10 февраля 1242 г. бросился, сидя на лошади, в пропасть. Его похоронили с королевскими почестями в кафедральном соборе Козенцы. Там и сегодня показывают его саркофаг.

Император, который как государственный муж не мог простить мятежника, потрясенно писал: «О судьбе Нашего первородного сына Генриха Мы должны сожалеть, природа вызывает из глубин души потоки слез, которые сдерживает там боль обиды и суровость правосудия». Это своеобразное, искусно стилизованное извещение о смерти, предназначенное для имперской знати, позволяет увидеть, как дорого обошелся Фридриху триумф летом 1235 г. и каково было у императора на душе, когда 15 июля он венчался в Вормсе с Изабеллой Английской, достигшей 21 года.

Его вторая жена, Изабелла де Бриенн, которой он был обязан короной Иерусалима, умерла уже в 1228 г. — ей было 16 лет — при рождении его второго законного сына, прибывшего теперь в Германию Конрада. Конрад был единственным наследником, поэтому император решился на третий брак. По примеру Иннокентия III и Гонория III Григорий IX сам выбирал невесту, всецело руководствуясь, однако, интересами Фридриха II, который в эти месяцы

152

был озабочен тем, как теснее связать папу со своими политическими целями. В своем заточении Генрих должен был особенно остро ощутить жестокую иронию судьбы, когда отец выбрал себе в жены предназначенную ему женщину. Император все более и более успешно проводил политику, которую не был в состоянии осуществить его беспокойный и бессильный сын.

Четыре дня подряд праздновал император свою свадьбу в Борисе. Среди гостей присутствовали четыре короля, одиннадцать герцогов и 30 графов или маркграфов. Чтобы обеспечить рождение следующего наследника, астрологи точно просчитали дату бракосочетания. Подлинному единству в браке, которым современники восхищались и которое славил, как, например, у его дяди Филиппа Швабского и королевы Ирины, Фридрих был чужд. Вторая Изабелла, охраняемая евнухами, вскоре также исчезла в сицилийском «гареме». Она умерла уже в 1241 г., после того как родила сына и дочь. Рядом с этим императором никто не мог и не должен был сидеть на троне, осознанно возвышенном над всем миром...

Праздничный хофтаг, созданный уже год назад во Франкфурте к Иванову дню 1235 г., должен был быть перенесен. Он открылся лишь 15 августа в Майнце. В народе все еще жило воспоминание о «празднике, коему не было равных», которым Фридрих I отмечал там в 1184 г. посвящение в рыцари своих сыновей. Внук Барбароссы содержал свой двор не менее расточительно, но

съезжались при нем не только ради праздников. Сразу же после начала этого блестящего имперского собрания был обнародован большой закон о земском мире, одно из самых значительных имперских уложений немецкого средневековья.

Как сильно еще волновал умы состоявшийся несколько недель назад суд над Генрихом (VII), показывают первые статьи Майнцкого земского мира, который, кстати, был первым имперским законом, опубликованным на немецком языке. В отличие от состоящей из 29 глав редакции

153

на канцелярской латыни, где сходные определения обнаруживаются в главах 15-21, в немецком тексте перечисление тяжких прегрешений сына против отца вынесено в начало: «...derselb si erloss und rechtloss ewiglichen, also das er nimer mer wider komen moge zu seinem rechten» («и быть ему вечно бесчестным и бесправным, дабы никогда больше не смог он вернуться к своему праву»). В остальном здесь были собраны старые и новые правовые нормы, что император-законодатель справедливо расценивал как личную заслугу, «так как во всей Германии, когда дело касается правовых разбирательств или частных дел, издавна живут по старинным привычкам и неписаным законам». Суд, то есть на практике судебная власть князей и епископов выносить и исполнять приговор, был поставлен во главу угла. Предоставленные князьям права даровались им милостью германского короля, так что в будущем сильный правитель на этом основании снова мог расширить компетенцию центральной власти. Еще остававшийся у короля после существенной раздачи княжеских привилегий суверенитет в области монетного, таможенного и эскортного права гарантировался строгими штрафами.

Чтобы эти предписания не остались мертвой буквой, Фридрих II по сицилийскому образцу назначил придворного имперского юстициария, который должен был ежедневно председательствовать в придворном суде. К нему для контроля был приставлен нотариус, который не мог принадлежать к клиру. По образцу Мельфийских конституций этот реформаторский труд должен был быть дополнен объемным государственным собранием законов, но до этого дело не дошло. Поэтому развитие протекало здесь по старинным родовым традициям. Около 1224-1225 гг. ангальтским рыцарем Эйке фон Репковом было составлено первое немецкое уложение законов «Саксонское зеркало». По этому образцу в 1275 г. появились (также в качестве частной инициативы) «Швабское зер-

154

дало» и всеобщее «Немецкое зеркало», которое, однако, не смогло добиться признания. Историческое значение имело также законченное в Майнце окончательное примирение штауфенских «вайб-лингенцев»-гибеллинов с Вельфами. Оттон Люнебургский, внук Генриха Льва, передал (формально) всю свою люне-бургскую вотчину императору, который присоединил ее к империи, в качестве дарения прибавил к ней только что приобретенный Брауншвейг и создал из всего этого герцогство. Это новое Брауншвейгско-Люнебургское герцогство он торжественно, перед всеми князьями, отдал Отто-ну в лен. В последовавшем за этим пируестве должны были принять участие почти 12000 человек из свит присутствующих князей. Цифры в средневековых источниках зачастую бывают сильно преувеличены. Однако нет никаких сомнений в том, что сказочная роскошь этого имперского праздника долго еще жила в воспоминаниях свидетелей и их потомков как блестящее завершение старой империи и связывала ирреальные ожидания подлинно народного императора с реальными событиями.

Намного актуальнее прекращения старого спора между могущественными княжескими родами, о котором напоминали лишь названия итальянских гибеллинов (императорская партия) и гвельфов (папская партия), было единодушное решение князей весной 1236 г. начать войну против Ломбардской лиги, если она до Рождества не выплатит соразмерного штрафа за участие в мятеже Генриха (VII). Это вызвало чреватые последствия осложнения в отношениях с папством, что в конечном счете превратило последнее десятилетие жизнь Фридриха II в сплошную ужасную борьбу не на жизнь, а на смерть.

Но пока еще император пребывал — с немногими перерывами — в эльзасском имперском пфальце Хаге-нау, своем любимейшем месте Германии, где он проводил зиму не только как император, но и как германский «владелец», приумножающий свое хозяйство посредством

155

реорганизации финансов и расширения территории. Там он принимал посольства из Испании и послов русского князя, преподнесших дары. Так он пытался ввести централизованное налоговое управление по сицилийскому образцу, которое постепенно должно было внедриться и в германском феодальном государстве. Случайно уцелевший от того времени перечень налогов 1241-1242 гг. показывает, что одни только штауфенские города в западной и юго-западной Германии приносили суммы, на которые

можно было набрать и содержать столь дорогостоящее наемное войско, как сарацинская гвардия Фридриха II.

Эффектное выставление напоказ своего мирового величия удалось императору вскоре после его прибытия в Хагенау, когда Фридрих выступил в роли верховного судьи всего христианства. Эта возможность представилась ему в связи с типичным для средневековья правовым казусом: евреи города Фульды обвинялись в убийстве по случаю своей Пасхи христианских младенцев. Как всегда, это мнимое ритуальное убийство послужило поводом для кровавых еврейских погромов в Фульде и многих других городах. В конце концов иудеи и христиане решили призвать императора разрешить их спор. Он, однако, не ограничился разбором одного этого частного случая, в результате которого евреи — виновные или нет — были приговорены к денежному штрафу как виновники резни, учиненной над их же единоверцами. Если бы выяснилось, что иудейский ритуал вообще позволяет такие убийства, то должен был состояться суровый суд над всеми евреями империи. В этом случае — так поклялся император — все они должны были умереть. Чтобы добиться истины, сначала была созвана комиссия из князей, прочей имперской знати и ученых клириков. Но их мнения настолько сильно разошлись, что Фридрих решил выказать собственную ученость перед собранием совершенно особого рода. Всем королям Запада он предложил прислать

156

к нему компетентных советчиков, которые и прибыли с большим почтением к императорскому двору для образования трибунала. «Наше величество, познакомившись со множеством книг, по мудрости Нашей считает доказанной невиновность евреев», велел позднее записать Фридрих в помпезном стиле своей канцелярии. Посланникам европейских королей было ясно продемонстрировано, как независимо этот с суеверным ужасом почитаемый «богочеловек», мог судить о письменах Талмуда, ибо еврейским языком он владеет столь же хорошо, сколь и тайными знаниями Востока. Так как в священных текстах евреев были строго запрещены даже кровавые жертвоприношения животных (что было давно известно) державному председателю трибунала от его сицилийских друзей иудейской веры), результатом тщательного расследования стало то, что подобные обвинения евреев на территории всей империи были впредь строго запрещены. Однако многовековые страдания европейских евреев не закончились вместе с этой редкой победой разума.

Приговор, который, по мнению многих, благоприятствовал евреям, был, впрочем, водой на мельницу папы, снова собиравшегося начать пропаганду против императора. После того как Григорий напрасно попытался помешать имперской войне против Ломбардской лиги, он со всевозрастающим недоверием наблюдал за приготовлениями Фридриха к большому военному походу через Альпы, для которого император обеспечивал в своих швабских вотчинах стратегически важные позиции вблизи вновь открывшихся перевалов.

Герман фон Зальца, которого Григорий IX также ценил как талантливого посредника, напрасно ожидал в Ломбардии обещанного папой разрешения на покаяние союзных городов. Только когда назначенный имперским собранием срок истек, появились посланцы, которые, впрочем, не были готовы ни к какому покаянию. Во всяком случае, они не собирались каяться перед папой, так как

157

знали, что он *должен* поддержать своих надежных союзников в борьбе против Фридриха II. Действительно, Григорий неожиданно применил тактику, которая была опробована при первом отлучении от церкви ставшего слишком могущественным Штауфена. Он начал жаловаться (как будто бы не существовало больше никакой проблемы Ломбардской лиги) на происки сицилийских чиновников, которые в последние годы, несомненно, не прекратились и привели к серьезным разногласиям между главами христианского мира. В своем втором письме он даже утверждал, что «обременение» ломбардцев якобы замедлит подготовку крестового похода, который Григорий вдруг объявил крайне необходимым.

Подобные отговорки Фридрих, чувствуя за собой поддержку германских князей, энергично отверг. Имперская война против ломбардских заговорщиков, эта мера по восстановлению мира в империи, была предпосылкой для успешного крестового похода, от которого, по его словам, он вовсе не собирался отказываться.

Чтобы открыто продемонстрировать свою приверженность вере, он организовал в Германии большой церковный праздник, для которого папа против воли создал повод, причислив к лику святых Елизавету Тюрингскую.

Елизавета была родственницей Фридриха II, дочерью короля Венгрии и Гертруды Меранской. Уже в пятилетнем возрасте она была обручена с Людвигом Тюрингским (сыном ландграфа Германа I, известного покровителя придворных поэтов своего времени). Она выросла в Вартбурге

и в 1222 г., еще юной ландграфиней, познакомилась с учением Франциска Ассизского, которое с тех пор определило всю ее жизнь. После того как ее муж, будучи предводителем одной из германских армий крестоносцев, погиб во время эпидемии в Бриндизи в 1227 г., она целиком посвятила себя заботам о бедных. Затем Елизавета была изгнана из Вартбурга опекуном четырех-летнего ландграфа Германа II, ее родственником Генри-

158

хом Распе. Получив приют у своего духовного отца Конрада Марбургского, княгиня жила в нищете в простой глинобитной хижине, вдали от детей, и там умерла в 1231 г. как мученица любви к ближним. В день после своего погребения святая должна была начать «творить чудеса», поэтому в Марбург стеклось много людей. Другой ее родственник, Конрад, в 1232 г. вступил в орден немецких рыцарей, Великий магистр которого, Герман фон Зальца, в интересах своего ордена (и не меньше в интересах Фридриха II) выхлопотал причисление ее к лику святых, которое последовало в 1235 г. В мае 1236 г. император приехал в Марбург, чтобы с торжественными церемониями перенести прах своей родственницы и вместе со святой прославить и себя самого. Вновь, как и в Майнце, царила необыкновенная роскошь. Князья, епископы и рыцари Немецкого ордена представили величественное зрелище, которое привлекло почти 120 тысяч почитающих и любопытствующих. Эксгумация мощей могла доставить много «реликвий», а некоторые действия показались бы нам сегодня в высшей степени лишенными вкуса. Достоянейшей кульминацией стало собственноручное возложение императором короны на голову трупа. Не равнодушный к роскоши Штауфен следовал за богато украшенным гробом в серой рясе цистерцианца, к ордену которых он принадлежал вплоть до своей смерти. Этим он хотел опровергнуть слухи, будто бы святую он чтит меньше, чем свою родственницу. Через несколько дней он вернулся из Марбурга в Аугсбург, где на поле возле реки Лех вновь собиралось германское войско для похода в Италию. В своей обширной переписке он все еще подчеркивал, что предстоящее «исполнение закона», направленное против Ломбардской лиги, ни в коем случае не является «войной» (как будто бы вводил всех в заблуждение папа). Фридрих в полной мере ощущал себя императором мира, и когда в Германии он указывал на то, что уже дважды перешел Альпы

159

без войска и победил сильных противников одним своим появлением, не говоря уже о мирном освобождении Гроба Господня, то он, конечно, мог быть уверен в сильном воздействии своих слов. Десять или двенадцать городов Ломбардской лиги должны были действительно казаться массам последними нарушителями мира, и император с соответствующим энтузиазмом мог писать: «Так как королевство Иерусалимское на Востоке, материнская доля Нашего драгоценнейшего сына Конрада, и далее королевство Сицилия, блистательное наследство Наше по материнской линии, и могущественная верховная власть Германии стремятся к примирению всех народов по знамению Небесной воли и в благоговении перед Нашим именем, то верим Мы, что провидение Спасителя направило Наши стопы не на что иное, как на то, чтобы центр Италии, окруженной со всех сторон Нашими силами, возвратился на службу Нашему Светлейшеству и единству империи». Забвение той ненависти, которая тлела в Штауфенах со времен Барбароссы, ненависти против Милана, этого центра «нечестивой свободы», с такой точки зрения трактовалось как воля Господа и даже как обязанность, как предпосылка для дальнейшего успеха в Святой Земле. Люди вновь смотрели в будущее преисполненные надеждой. Виноград вызревал как никогда прежде, а зимы стали особенно мягкими. Впереди виделся золотой век ненарушимого всемирного спокойствия, когда император-мессия отправится на Восток, чтобы в знак своего мирового господства возложить на Гроб Спасителя свою корону, а копьё и щит повесить на сухое дерево. Кто может с точностью судить в наше трезвое время, какие небесные видения и дьявольские наваждения двигали людьми этого века? Определенно, за эти недели Фридрих II сумел в общественном мнении превратить свою одержанную в Германии победу в триумф всей Европы. Король Венгрии Бела IV, брат святой Елизаветы, в необыкновенно угрожающем тоне писал папе, что вмешательство того в

160

мирские дела — предостережение для него и для других европейских королей. В северной Италии красноречивый Петр Винецкий подготавливал население к приезду императора проповедями, используя слова Библии, в которых предсказывался приход мессии.

Однако одними словами и метафизическими обоснованными высказываниями о мировом господстве самоуверенных ломбардцев было не победить. За стенами городов они могли спокойно ожидать рыцарского войска. Быстрые решения могли быть достигнуты только на поле боя. Принимать его или нет, предстояло решать горожанам. Осадные машины были еще крайне примитивны. Когда кайзер Оттон IV, вместо того чтобы расправиться с «поповским императором» Фридрихом в Сицилии, осадил тюрингский Вайсензе, то, несмотря на новейшую, впрочем, подробнее нам не

знакомую, стенобитную машину под названием «Тгібоск», он вынужден был брать город измором (как известно, безуспешно). Войска императора были не в лучшем положении, стоя под стенами крупных ломбардских городов. К тому же— численно они были намного слабее, чем это можно было предположить по количеству рыцарей, съехавшихся, например, на праздник в Майнц. Один из исследователей полагает, что Фридрих мог собрать в общей сложности не более 12000-15000 человек «под победоносным орлом Римской империи», причем очень неравная боеспособность отдельных контингентов составляла особый фактор ненадежности в стратегическом планировании. Вообще, очень проблематично оценить Фридриха как «полководца». Несомненно, наилучших результатов он достиг здесь в организации передвижения войск. Битва была скорее делом слепой удачи, так как чаще всего распадалась на множество отдельных схваток, в которых хитрость или превосходство в силе могли иметь решающее значение.

Против ломбардцев император повел сначала чрезвычайно слабое войско. Сильная германская армия была

161

направлена против герцога Австрийского, который, отдавая должное своему прозвищу «Фридрих Непокорный», ни разу не явился на третейский суд. Наконец, нависшая над ним имперская опала разрешилась действиями короля Богемии и герцога Баварского, которые, как и ожидалось, смогли завоевать Австрийское герцогство вплоть до последнего укрепления. Тем временем Фридрих II действовал в Ломбардии очень осторожно, все еще стремясь вовлечь папу в акцию против ломбардских «еретиков», но Григорий вновь обратился к сицилийскому вопросу.

Внезапно сумерки в отношениях между двумя верховными властями прорезала молния. Григорий IX достаточно неосторожно написал в письме к своему светскому противнику: «Головы королей и князей Ты видишь склоненными к коленям священника, и христианские императоры должны не только подчинять свои поступки римскому понтифику, но и не имеют права отказать в послушании любому другому священнику». Такая субординация, подчинявшая императора низшему священнику, до сих пор устанавливалась лишь папой Григорием VII (1081). В остальном же Григорий по старому рецепту ссылаясь на «Константинов дар», по которому апостольскому трону передавалась власть над всей Италией, и позднейшее перемещение центра империи в Германию ничего не могло в этом изменить. В ясный правовой казус — кайзер должен был по имперскому праву призвать ломбардских предателей к ответу — Григорий совершенно не вникал. Разве мог этот спор разрешиться миром? Теперь должно было заговорить оружие.

Верона, державшая под контролем перевал Бреннер, была занята и охранялась одним из германских передовых отрядов. В августе 1236 г. Фридрих с главными силами двинулся, чтобы объединить вспомогательные войска дружественных императору ломбардских городов Кремоны, Пармы, Реджо и Модены с основными, но войска Ломбардской лиги перекрыли коммуникации.

Окольным

162

путем императору все же удалось осуществить объединение и отбить дорогу из Вероны в Кремону (где он хотел провести хофтаг). После этого он еще раз попытался повести переговоры как с папой, так и с ломбардцами, но пока он в результате почти весь октябрь находился в Кремоне, Григорию IX удалось склонить к измене дружественную Штауфену Пьяченцу, где первоначально должен был состояться придворный совет. Таким образом, до хофтага в Ломбардии дело не дошло.

В конце октября Эццелино да Романо, владыка Вероны и доверенное лицо Фридриха, призвал императора в восточную Ломбардию, где войска лиги неподалеку от Вероны угрожали занять перевал Бреннер. Там Штауфену удался ход, характерный для всей его военной тактики. С небольшим, состоящим только из тяжеловооруженных рыцарей войском за день и две ночи он преодолел долгий путь, 112 км, назад в Сан-Бонифацио, чтобы оттуда, после короткого отдыха, внезапно напасть на Виченцу, все боеспособные жители которой были в союзном войске. После этого оно моментально распалось, но когда жители Виченцы вернулись домой, рыцари Фридриха уже давно захватили и разграбили город. Эццелино, который также последовал за ними со своим войском, было приказано держать город в своих руках беспощадным террором. Для этого тот был действительно подходящим человеком. Под защитой императора он смог создать во всей восточной Ломбардии тиранию, которой остерегалась даже сильная и независимая Венеция. После того как перевалы были надежно защищены, император решил провести неудавшийся хофтаг в Вене, где в ноябре войско расположилось на зимние квартиры.

В январе 1237 г. Фридрих сместил герцога Фридриха Непокорного, сделал Вену имперским

городом и поставил герцогства Австрию и Штирию «под защиту империи». Эти обширные территории, без сомнения, должны были присоединиться к владениям штауфенского дома.

163

Однако герцог Фридрих, как вскоре выяснилось, не позволил разбить себя окончательно. В феврале в Вене начался последний хофтаг Фридриха II на немецкой земле. Здесь многочисленные германские князья избрали девятилетнего Конрада германским королем и будущим императором, не требуя за это каких-либо привилегий. Коронации Фридрих все же не допустил, помня о своем горьком опыте с Генрихом (VII). В Германии мог править только заместитель. Имперским регентом был назначен архиепископ Майнцский, которого в 1242 г. сменил Генрих Распе, ландграф Тюрингский.

Из декрета об избрании отчетливо видно, насколько ясно Штауфены ощущали себя римскими императорами, а своих князей, соответственно, римским сенатом, который прежде и поныне избирал кайзера. Германия же была лишь далекой *Germania* (не только потому, что обозначалась этим латинским словом), которая должна была поставлять Цезарю войска.

Действуя совершенно в этом духе, император прибыл весной 1237 г. в Шпейер, где на Троицу прочие германские князья должны были подтвердить избрание Конрада. Лето Фридрих провел в Германии, чтобы, как следует вооружившись, подготовить решающий удар против Ломбардской лиги. В августе на поле у реки Лех собралось новое войско, с которым Фридрих II в последний раз перешел через Альпы на юг, где навсегда скрылся от глаз немецких крестьян и горожан.

ДАЛЕКИЙ ИМПЕРАТОР

В исторических трудах нашего времени написано, что междуцарствие (*Interregnum*) началось в 1256 г. со смертью германского короля Вильгельма Голландского и закончилось в 1273 г. избранием короля Рудольфа Габсбурга. По очень известной прежде балладе Фридриха Шиллера об избрании короля Рудольфа это время еще и сегодня называют иногда «ужасным временем без императора». Но как римско-германский *император* Рудольф коронован никогда не был. Противоречие? Только кажущееся. В латинском «канцелярском языке» средневекового слово «*regnum*» означало правление как короля, так и императора, даже если последнее значение с XII века принял на себя термин «*imperatura*». Со времен короля Конрада III (1138-1152) слово «*imperatura*», т. е. восприятие всех императорских прав и обязанностей в сфере политического господства, было связано с избранием короля без папского благословения. Такие «избранные» короли были и во времена междуцарствия, но эти иноземные марионетки постепенно становящихся «курфюрстами» наиболее могущественных имперских князей были не в состоянии действительно осуществлять королевскую власть в Германии, поэтому отсутствие подлинной центральной власти народ ощущал как междуцарствие.

В предисловии было замечено, что значению императора Фридриха II для *немецкой* истории должно быть

165

уделено особое внимание. Соответственно и борьбу последнего великого Штауфена против папства нужно рассматривать «глядя из Германии» — именно там вскоре после триумфа Фридриха началось «ужасное время без императора».

Далекий император — таким, собственно, Фридрих II всегда был для страны (или лучше будет сказать стран?) между Одером, Эйдером, Рейном и Дравой. После 1239 и сразу после 1245 г., когда он во второй раз был отлучен от церкви и в конце концов даже торжественно низложен на церковном соборе, княжеская папская партия смогла обжаловать даже этот нелегитимный статус. Для многих жителей рейнских архиепископств, а позднее и Тюрингии, где регент-предатель Генрих Распе в 1246 г. позволил объявить себя германским королем, уже в сороковые годы Началось «междуцарствие» с его ужасами крестьянской войны и бесчисленными мелкими распрями.

Когда провожаемый благоговейно дивящимся народом, уважаемый всеми имперскими князьями кайзер в августе 1237 г. повел свои войска через перевал Бреннер, чтобы наконец поставить на колени ломбардских смутьянов, никто еще не подозревал, что вместе с этой кампанией вступила в свою завершающую фазу последняя из «имперских войн» старого времени, нашедшая поддержку всех князей. Так же мало думали в Германии и о том, что могут расстаться в императором навсегда. Была ли судьба Генриха (VII) постоянным напоминанием отцу о том, что необходимо лучше защищать последнего законного наследника трона, Конрада IV, от интриг непостоянных князей, чем он в свое время оберегал первенца, разрывавшегося между желаниями и возможностями?

Уже через несколько недель после начала похода казалось, что мечта Фридриха об окончательной победе его мирового имперского порядка удивительно быстро становится реальностью. Мог ли этот высокоодаренный организатор государственной власти не вернуться домой, а

166

начать модернизацию своей отсталой феодальной северной державы по сицилийскому образцу? Ввиду подобного умозрительного рассуждения следует точнее учитывать фактическое состояние властных отношений. В конце концов император сам помешал казавшемуся уже ощутимо близким повороту в своей судьбе.

После небольших военных успехов в окрестностях Мантуи, сдавшей ему без боя, Фридрих повернул на север, против важной для него Брешии. Там под тактически благоприятным прикрытием городских стен стояло сильное десяти тысячное войско Ломбардской лиги, поэтому прямая атака двух-пятитысячной армии императора вряд ли увенчалась бы успехом. В этом неблагоприятном положении помог один утонченный маневр. Сначала Фридрих отменил ломбардцев (преимущественно миланских рыцарей и пехоту) от Брешии, притворившись, будто бы хочет отправиться в Кремону на зимние квартиры. Недоверчивые горожане сначала следовали за ним на безопасном расстоянии, но когда подразделения дружественных итальянских городов покинули императорское войско, двинувшись в южном направлении, миланцы поверили, что могут на несколько месяцев снова вернуться к обычной городской жизни. Ничего не подозревая, они переправились севернее через одну из охраняемых рек и встали лагерем у Кортенуова (на юго-восток от Бергамо). Там 27 ноября 1237 г. на них напали элитные войска Фридриха — немецкие рыцари и сарацинские лучники. Те, кто сначала смог укрыться за стенами города и попытался бежать ночью, на рассвете были настигнуты рыцарями Фридриха. Тысячи людей лишились жизни, более 1000 рыцарей и около 3000 пехотинцев попали в плен, среди них полководец Ломбардской лиги, Пьетро Тьеполо, подеста (бургомистр) Милана, сын дожа Венеции.

Битвой при Кортенуова, одним из самых крупномасштабных сражений средневековья, ломбардская война, казалось, закончилась. Многие города лиги присягнули на

167

верность победителю. «Наследный враг» Гогенштауфенов, Милан, уже на первых мирных переговорах объявил себя готовым признать императорского чиновника в качестве верховного судьи города и предоставить заложников порукой своему благопристойному поведению в будущем.

Без сомнения, в дальнейших переговорах Фридрих II мог бы достигнуть и большего. Его дед, Фридрих Барбаросса, при заключении компромиссного мира в Констанце в 1183 г. удовлетворился формальным назначением избранных городских советов — при дальнейшем сохранении городских свобод. Он сделал это, чтобы окончить истощающую силы войну и обратиться к достижению других целей. Но его внука мысль о бесчисленных унижениях его болезненной императорской гордости своевольными городами заставила, видимо, забыть все заветы политического разума. Как античный полководец, «непобедимый Цезарь», он праздновал в Кремоне свою победу, въезжая триумфатором в город. Слоном тащил по улицам города знаменную повозку, на которой был привязан к столбу вражеский полководец. Множество пленных и бесчисленные трофеи были также выставлены напоказ. Следуя античной традиции, Фридрих отослал знаменную колесницу в Рим, где она заняла почетное место в Капитолии, как зримый символ истинно римской имперской власти, и еще — как зловещее предзнаменование для папы. Совершенно в том же духе Штауфен вел переговоры с Миланом. Город должен был сдаться на милость победителя. Было, правда, известно, что Фридрих II охотно демонстрировал свое великодушие перед просящими о пощаде, но знали и о случаях, когда он действовал с чудовищной жестокостью, и то, что теперь им овладела жажда мести, не подлежало сомнению. Имея это в виду, миланцы в конце концов заявили Фридриху, что предпочитают умереть лучше с мечами в руках, нежели от голода, огня или от руки палача, после чего прервали переговоры. Был упущен единственный шанс посредством

168

благожелательного мира лишить папство — может быть, надолго — союзников.

Но снова должно было заговорить оружие, и немногие выстоявшие города — Милан, Брешиа, Алессандрия и Пьяченца (в Ломбардии), а также Болонья и Фазэнца (в Романье) — были вынуждены сдаться безоговорочно. Чтобы действовать совсем уж наверняка и выставить в нужном свете свой расчет с «естественными» союзниками папы, Фридрих с большим пафосом

обратился к королям Европы, полагая, что предстоящий удар против «государственных врагов и еретиков» будет последним. Людовику VIII Французскому он указал на то, «какое доверие было оказано всем этим мятежникам, которые хотели избежать ярма власти, когда римская империя потерпела такие убытки от этого бунта». «Если императорская длань, — делился он с Белой IV Венгерским, — облечена королевской властью, если она может обязать к совместной помощи разных князей, тогда угаснет в народах решимость бунтовать и прекратится заговор подданных, который столь разросся в части Италии, что мятежники — еще не с корнем вырезаны и вырваны они нашей силой — являют собой дурной пример, распространяющийся многократно в самых отдаленных местностях, но прежде всего влияющий на соседей».

Эти старания Штауфена создать коалицию феодальных властей Европы против возмущенного бюргерства экономических сильных североитальянских коммун напоминают заговор монархов Европы против якобинцев из «четвертого сословия», который после Французской революции 1798 г. привел к тяжелым преследованиям всех единомышленников якобинцев во многих странах. Обращение к общим интересам, казалось, убедило адресатов послания. Весной 1238 г. к собранному вновь в Вероне имперскому войску присоединились значительные контингенты наемников из Франции, Венгрии, Кастилии, Англии и даже Египта, так как дружественный Фридриху

169

султан аль-Камил также послал подкрепление. Тем не менее уже при первой атаке на Брешию оказалось, что самое большое и самое пестрое войско, какое Фридрих когда-либо выводил на поле боя, было беспомощно против среднего по величине города, жители которого с презрением к смерти сражались за свою свободу и жизнь. Напрасным было применение новейших осадных орудий, напрасна и та жестокость, с которой пленных брешианцев подставляли при штурмах под стрелы своих сограждан. Через три месяца, в начале октября 1238 г., непогода и разразившаяся эпидемия вынудили императора снять осаду.

С учетом затраченных усилий такой результат был равнозначен поражению. Было ли это неповоротливое, беспомощное, многоликое войско тем самым «уничтожающим всех врагов мечом непобедимого Цезаря», кем император мнил себя после Кортенуова? Куда девалась сила этой выдающейся личности, которая, согласно основному тезису идеалистического понимания истории, должна была сыграть в ней важнейшую роль? Император проиграл в битве действительным демиургам истории, объединенной силе создателей материальных ценностей, которую в то время олицетворяло бюргерство наиболее экономически развитых городов¹. Ломбардцы вновь обрели надежду, а значит, и в других местах тоже едва ли можно было ожидать скорого успеха. Но особенно неприятно было то, что папа оставил свою осторожную сдержанность и использовал первую же возможность, чтобы открыто выступить против вчера еще сверхмогущественного императора.

Возможность эту предоставил сам Фридрих, помолвив своего старшего внебрачного двадцатилетнего сына

¹ Изложение особенно осложненных существованием мощных еретических движений классовых противоречий, на которые следует обратить внимание и здесь и в случае других акций императора Фридриха II, должно оставаться задачей развернутой научной биографии. Для продолжения жизни Фридриха в немецких сказаниях существенна только борьба с папством. (Прим. автора.)

170

Энцио (Хейнца) — его мать была немкой — с наследницей большей части Сардинии. Наделенный множеством физических и умственных достоинств молодой супруг (по мнению отца, «по росту и лику Наше отражение») высокопарно назвался королем Сардинии, хотя ленное право на этом острове еще со времен Барбароссы оспаривалось папой и императором.

Еще больше, чем такое самоуправство, особенно чувствительного в этом вопросе Григория IX возмутило вмешательство императора во внутриримскую партийную борьбу. Среди знатных родов города у Фридриха было много сторонников, так что до 1238 г. он фактически правил Римом. После триумфа при Кортенуова даже сложилось мнение, будто стремление к автономии дружественной Штауфену городской знати может быть согласовано с традиционными функциями Рима как идеального центра Imperium Romanum, места, благоприятного для избрания и резиденции верховного пастыря христианства. Для притязаний папства на светскую власть это означало очень серьезную угрозу.

Поэтому уже в августе 1238 г. Григорий послал в Ломбардию заклятого врага Фридриха, прелата Григория Мон-телонгийского, чтобы укрепить враждебные императору города в их бунте. Этому искусному дипломату, который также был чрезвычайно способным военным организатором,

удалось вновь объединить ослабленные внутренней партийной борьбой города лиги во внушительный блок.

Следующим успехом папской политики был союз старых соперников, Генуи (к тому времени там правил подеста родом из Милана) и Венеции (дож которой хотел отомстить за плененного при Кортенуова сына), объединившихся против общего сицилийского конкурента, чья торговая политика государственной монополии уже давно приносила большие убытки обоим морским городам. Теперь сицилийские порты должны были спешно готовиться к обороне.

171

Когда Фридрих в октябре 1238 г. потерпел поражение под Брешией, Григорий IX смог въехать в Рим победителем после того, как его сторонникам удалось сдвинуть императорскую партию с ее властных позиций. Папская партия также завоевала первенство в коллегии кардиналов. Только тогда папа решился на окончательный разрыв с горячо ненавидимым «врагом Святой Церкви», которого он совсем еще недавно заверял через главу францисканцев, что хочет быть с ним «*unus et idem*» («одним сердцем и одной душой»).

Но последовавшие переговоры были для него лишь последней передышкой перед большим ударом: в Вербное воскресенье следующего года (20 марта 1239) папа Григорий IX во второй раз отлучил от церкви едва ли удивленного этим Штауфена. Тем самым началась решающая фаза драматической борьбы за Рим, сердце духовной и светской *Imperium Romanum*, которым папа хотел управлять из Ватикана, а император с Капитолия. Только закат всего правящего рода Гогенштауфенов освободил папу от суеверного страха, что благодаря «Антихристу» из этого дома оправдаются темные пророчества и очевидно обмирщенную католическую церковь может постигнуть ужасная кара.

Первым ответом Фридриха на отлучение от церкви было моральное осуждение своего судьи. Торжественно восседа на троне, он приказал «своим устам», Петру Ви-нейскому, объявить горожанам Падуи, где его настигло известие об отлучении, что именно этот наместник Христа благодаря своим делам имеет меньше всего права возлагать проклятие на столь «мягкого, справедливого и щедрого императора». Такая аргументация должна была быть тем эффективней, что отлучение основывалось только на жалобах по поводу действий Фридриха в рамках сицилийской церкви. Оно было обосновано обвинением, что Штауфен якобы организовал в Риме заговор против папы. Действительный повод, имперская война против ломбардцев, вообще не был упомянут.

172

Понтифик же зашел в «циркуляре» от 21 мая 1239 г., в котором объявлялось об отлучении, так далеко, что назвал императора еретиком. Так как содержание этого письма было предназначено для дальнейшей передачи в народ, необходимо представить себе, что вследствие недавно ужесточившихся законов о еретиках (дело рук самого императора) такое обвинение значило гораздо больше, чем само отлучение. Последнее представляло собой лишь высшее церковное наказание, что еще можно было поправить.

Вскоре после объявления об отлучении в ряды христиан, как зажигательные факелы, полетели манифесты с картинками из откровения Иоанна (13, 2). Папа начинал так: «И вышел из моря зверь, на головах его имена богохульные, с ногами, как у медведя, пастью, как пасть у разъяренного льва, и телом барса. И отверз он уста свои для хулы на Бога... Взгляните на голову и тело этой бестии Фридриха, так называемого императора...»

В качестве самого сильного оружия в финале Григорий использовал уже упоминавшееся утверждение, что Фридрих II является автором хулы о трех мошенниках, Христе, Моисее и Магомете, и якобы сказал сверх того, будто Христос был зачат и рожден, как любой другой человек. А также, по его мнению, никто не имеет права верить во что-либо, что не имеет разумного подтверждения.

Тем не менее Фридриху не составило большого труда выставить папу как подлинного еретика и друга еретиков, так как связь того с ломбардскими еретиками была общеизвестна. Не занимать ему было и выразительных средств, с тем чтобы повергнуть папу равноценной риторикой: «Мы утверждаем, что он сам является чудовищем, о котором сказано: и вышел другой конь, рыжий, из моря; и сидящему на нем дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга». Так папа сам стал большим драконом, Антихристом, или, по крайней мере, недостойным своего звания наместником Христа. Бесчисленные верующие на-

173

верняка думали, что конец этого грешного мира вскоре наступит.

Германские князья ответили Григорию IX совместно, а также и каждый за себя, что они — посредники, призванные церковью и императором, и что они уклоняются от подтверждения отлучения.

Еще меньших результатов достигла пропаганда Григория во Франции. Людовик IX приказал передать посланникам: «Обвинения, исходящие от его недругов, а папа является злейшим из них, нельзя принимать на веру. Для нас император все еще невиновен. До сего дня он был для нас добрым соседом, и мы не видели от него ничего, что бы противоречило верности и вере в миру или христианской религии. Напротив, мы знаем, что он отправился в поход во славу Господа нашего Иисуса Христа, а также мужественно подверг себя опасностям моря и войны. Но у папы мы до сих пор не нашли такового благочестия. Мы не хотим подвергать нас опасности борьбы против могущественного Фридриха, которому помогли бы в борьбе против нас многие короли и который найдет поддержку своему правому делу. Разве римлян заботит то, что мы прольем нашу кровь, удовлетворим мы только их ненависть. Если с нашей помощью и с помощью других папа одолеет Фридриха, тогда станет папа всех князей мира попирает ногами, хвастливо поднимать свой кубок и будет расти его гордость, что погубил он великого императора Фридриха».

Если за границей происки папы вызывали только отчуждение, внутри империи использование отлучения в качестве оружия идеологической борьбы было еще проблематичнее, особенно в Германии, где после отъезда Фридриха положение снова быстро ухудшилось.

Молодой Конрад рос в Швабии под присмотром штау-фенских министериалов, которые приехали с ним из Италии. Император оставался связан с ним более тесно (пусть даже только перепиской), чем это имело место при Генрихе (VII). Наместником в империи был Зигфрид

174

фон Эппенштейн, с 1230 г. преемник Майнцского архиепископа с тем же именем, крайне честолюбивый и беззастенчивый феодал, который представлял интересы своего господина ровно настолько, насколько это ему предоставлялось выгодным в его личных целях.

Кем был этот раб Божий и высокопоставленный церковник, а также что тогда происходило в Германии, может проиллюстрировать история отлучения от церкви Конрада Тюрингского.

Архиепископ Зигфрид, который, впрочем, как и его предшественник имел резиденцию не в Майнце, а в Эрфурте, вскоре после принятия сана ввел новый специальный налог, чтобы иметь возможность уплатить гнетущие его долги. Двадцатая часть от всех доходов с церковных имуществ должна была идти к нему в карман. Аббат монастыря бенедиктинцев Рейнхардсбрунн, находящегося неподалеку от Фридрихроды, сначала, по совету Конрада Тюрингского, отказался платить, но потом все же уступил. В качестве наказания за это уклонение, а также для устрашения других, его должны были бичевать плетью в течение трех дней перед духовенством всей епархии, собравшимся в Эрфурте.

На второй день, когда архиепископ собственноручно хотел взяться за бич, прибыл Конрад. В ярости сын ландграфа бросился на прелата, напал на него и наверняка заколол бы, если бы не свита, остановившая своего господина. Будучи полководцем при своем брате Генрихе Распе, он располагал значительными вооруженными силами, с которыми и напал на владения архиепископа Зигфрида, чтобы по старому феодальному обычаю заставить крестьян и горожан поплатиться за дела их господина. На основании жалобы Зигфрида папе Конрад Тюрингский был в 1233 г. отлучен от церкви.

Отлученный должен был держать ответ в Риме самым унижительным образом. К условиям покаяния относились, помимо прочего, денежные выплаты бюргерству преданного им огню города Фрикцлар, а также строительство

Рис. 16. Зигфрид фон Эппенштейн, архиепископ Майнцский, с королями Генрихом Распе и Вильгельмом Голландским

176

монастыря и доминиканской церкви в Эйзенахе (1235). Кроме того, он должен был принести покаяние Немецкому ордену, к которому принадлежал с 1232 г., так как совершил нападение на князя церкви. Однако его «судимость» никак не помешала избранию его в 1239 г. Великим магистром этого рыцарского ордена...

Архиепископ Зигфрид Майнцский, конечно же, так никогда и не был привлечен к ответственности за варварские методы добывания денег. Замещающее Конрада IV «имперское правительство» (очевидно, коллегия, сходная с той, которая существовала при короле Генрихе) не могло предъявить ему никаких обвинений, даже когда после назначения его на должность имперского прокуратора он при случае стал использовать такую практику даже в еще больших размерах. В королевстве Сицилия и в имперской Италии (хотя, может быть, и не в таком масштабе) с самого начала не ожидалось, что влияние папского проклятия будет особо действенным. Апулийская северная граница была хорошо защищена со стороны Папской области, папский анклав Беневент был сначала блокирован, а потом захвачен. Сицилийская церковная организация так строго контролировалась Фридрихом, что курия не могла применить против этой «государственной церкви» своего самого ужасного метода, интердикта, т. е. запрета всех таинств и любых касающихся спасения души обрядов. Все нищенствующие монахи должны были немедленно покинуть страну. Строгий надзор за увеличением бремени налогов помогал обеспечить большие сборы, так как огромное наемное войско поглощало гигантские суммы. Перед императором, возглавлявшим верховный суд и имперскую канцелярию, за функционирование всего

государственного управления на всем острове и во всей Апулии отвечал только один «генерал-капитан».

«Рекуперациями» (т. е. обратными получениями) со времени смерти императора Генриха VI, то есть более со-

177

рока лет, распоряжалась курия, тем не менее папство претендовало на них уже в течение веков: герцогство Сполето, Анконская марка и часть Романьи были «вновь присоединены к империи» без какого-либо сопротивления, также как и южная Тусция с городом Витербо. В Анконской марке, где «Наша божественная мать произвела Нас на свет», Фридриха чествовали как «Спасителя», и как всемирный арбитр, который должен был обеспечить длительное спокойствие в империи, восседал он в Фолиньо, на троне над придворным судом.

Сухопутная дорога в имперскую Италию снова была свободна, и теперь кайзер начал задумываться обо всей Италии в целом как о чем-то само собой разумеющемся.

На этом обширном поле боя последнего десятилетия жизни Фридриха II в удивительно короткие сроки была осуществлена реформа управления по сицилийскому образцу. На место бесчисленных феодалов и более или менее самостоятельных городских властей пришли около десяти очень быстро назначенных генеральных викариев (называемых также «генерал-капитанами»), которые управляли тем же числом генеральных викариатов. Армия нижестоящих чиновников (викариев, комендантов крепостей, городских подеста) дополняла картину четко организованного аппарата управления, в котором больше не осталось места для обычных форм феодализма с их многочисленными особыми правами.

Так как повсюду в королевстве Сицилия были назначены образованные чиновники, говорилось — особенно в городах, полностью подчиненных государственному надзору, — об «апулийском иге» (так же, как позднее в Германии во времена правления испанских Габсбургов говорили об «испанском сервитуте»). Тем не менее ничто так сильно не доказывает действенность этих реформ, как тот факт, что даже после окончательного падения Штауфенов, несмотря на противодействие, еще молодые, навязанные наперекор резкому сопротивлению учрежде-

178
ния, остались существовать и были лишь приспособлены к изменившейся политической обстановке.

Заместителем императора для всей Италии был король Энцио, которым восхищались и которого боялись почти так же, как и его отца, сошедшего в царство демонов. Генеральными викариями также были члены императорской династии или наиболее надежной высшей знати. Таким образом, о подлинной дефеодализации государственного аппарата говорить не приходится. Нет никакого сомнения в том, что немногие еще сопротивляющиеся города недолго смогли бы противодействовать этой совершенной системе обобщенной «сицилийской тирании», если бы папа не заставлял постоянно императора дробить свои силы и наряду с этим вести не менее изнурительную идеологическую борьбу.

Абсолютно последовательно уже в феврале 1240 г. Фридрих совершил крайне опасный шаг против главной папской ставки. Все началось с того, что престарелый Григорий привлек на свою сторону уже насмехавшихся над ним римлян, использовав неслыханный, очень действенный драматический прием. Во время большой процессии в честь святых апостолов Петра и Павла, он возложил свою тиару на раку с мощами святых и жалобно воскликнул: «Святые, защитите Вы теперь Рим, если римляне не хотят его больше защищать!» В одно мгновение ситуация переменилась: насмешники превратились в фанатичных «крестоносцев», которые в конце концов побудили императора-«Антихриста» к возвращению на Сицилию.

В такой ситуации, как эта, где королевская игра за власть пришла к «ничьей», такие посредники, как Герман фон Зальца и Томас Капуанский, прежде могли бы найти компромиссное решение. Однако Великий магистр, тяжелобольным перешедший с немецким рыцарским войском Альпы в августе 1238 г., напрасно искал излечения у известных врачей высшей школы Салерно. В тот же день,

179

когда Фридрих был отлучен от церкви, Герман умер в Салерно. В августе того же года за ним последовал его друг — кардинал.

Новый Великий магистр Немецкого ордена, Конрад Тюрингский (близкий Фридриху родственник святой Елизаветы), поспешил в Рим с компромиссными предложениями германских князей. Так как Конрад уже был однажды отлучен от церкви из-за упоминавшегося нападения на

архиепископа Зигфрида Майнцского, он, видимо, больше всего подходил для посредничества в таком деле. Все же папа с самого начала объявил, что ломбардцы должны будут принять участие в мирных переговорах. Когда Конрад умер через несколько недель в Риме, Штау-фен не видел больше никакой возможности достигнуть своей цели посредством переговоров. Он прибыл в Романью, которой угрожали Венеция и Болонья. Здесь Фридрих за несколько дней смог овладеть Равенной, зато потом простоял восемь месяцев перед средним по величине, но хорошо укрепленным городом Фаэнца, который капитулировал лишь в апреле 1241 г.

Григорий IX лихорадочно трудился над тем, чтобы на Пасху 1241 г. созвать в Риме вселенский (т. е. всеевропейский) церковный собор, который должен был низложить императора, в раздражении заканчивающего дорогостоящую осаду Фаэнцы, задевавшую его престиж. В это время всей Германии угрожала ужасная опасность: хан Батый, один из наследников Чингисхана, умершего в 1227 г. повелителя Монгольской империи, послал победоносное конное войско против Восточной и Юго-Восточной Европы. Кто должен был встретить его в Германии?

Насколько далеко простиралась историческая память, настолько же в этом всегда состояла задача королей и императоров. Король Генрих I в 933 г. на реке Унструт, а император Оттон I в 955 г. на реке Лех под Аугсбургом положили конец разбойничьим набегам венгерских конных орд. Но в 1241 г. в Германии был лишь некоронно-

180

ванный 13-летний король. Регент, архиепископ Зигфрид Майнцкий, как раз собирался в услужение папе раздуть новую гражданскую войну. Не обращая внимания на монгольскую угрозу, он объединился со своим кельнским собратом, Конрадом фон Хохштаденом, чтобы бороться против императора.

Буйного и невыдержанного главу кельнского архиепископата Фридрих II в 1238 г. после канонических выборов сделал в военном лагере под Брешией имперским князем со светскими правами. Он надеялся, что тот будет представлять штауфенские интересы, как и его предки, носившие графский титул. Однако архиепископ Конрад только ждал удобного случая, чтобы использовать политические и военные затруднения императора для беспощадной захватнической территориальной политики, которая поначалу была направлена против его княжеских соседей. Зигфрид Майнцкий сражался с герцогом Оттоном Баварским за аббатство Лорх (недалеко от Швебиш-Гмюнда). Пока герцог Баварии склонялся к проведению антиштауфенской политики, особенно около 1239 г., архиепископ считал необходимым оставаться «верным» императору. Возвращение же Оттона в партию Штауфена изменило это соотношение сил, и когда в 1241 г. Конрад фон Хохштаден, служа папе, старался создать антиштау-фенский союз князей, имперский регент был его самым послушным помощником. Архиепископ Трирский также вступил в заговор. Все втроем (первые имперские князья) приказали огласить проклятие Фридриху с церковных кафедр. Кроме того, они разбойничьи, грабя и предавая все огню, вторглись на равнину Веттерау, принадлежавшую Штауфенам. Тем самым был разбит общий фронт лояльных духовных и светских князей, который император после раздач крупных привилегий в 1220 и 1231-1232 гг. считал надежным. А ведь еще в 1239 г., после объявления об отлучении императора от церкви,

181

было так выразительно продемонстрировано их единство общим выступлением против папского произвола.

Далекий император не мог противопоставить ничего конкретному действиям так называемого регента и его церковной клики. И все же в начале 1241 г. он еще олицетворял единственную силу, которая казалась способной защитить империю от конных войск Батыя. Так как многие современники видели в наступающих монголах воплощение библейского пророчества (Откровение 20) о войске Антихриста, языческих народах Гог и Магог, то победа Фридриха «над Антихристом» была бы очень выгодна даже с психологической точки зрения. Папская пропаганда о том, что кайзер является предтечей Антихриста или им самим, утратила бы в результате всякую правдоподобность.

Войско Батыя вторглось в Венгрию. Король Бела IV предложил императору взять в лен его государство, если он придет на помощь, но тот не мог покинуть Италию. «Встают прискорбные картины прошлых событий, как когда-то во время Нашего похода на защиту Святой Земли и нашествия сарацин, которые преследовали Наших верующих не меньше, чем татары, Наш возлюбленный Отец призвал миланцев и иных подмастерьев, подданных империи, насильно вторгся в Наше королевство Сицилию — когда Мы были по другую сторону моря! — и запретил через своих легатов всем слугам Христовым просить Нас о христианской помощи». Ему ничего

больше не оставалось, как только призвать князей Европы к совместным действиям и повелеть организовать в Германии оборону от имени Конрада IV.

Сначала папа недооценивал грозящую с Востока опасность, он считал ее чем-то вроде отвлекающего маневра Фридриха II, потом, правда, приказал читать проповеди о крестовом походе против монголов, но в основном продолжал неустанно трудиться над решением своей основной задачи: низложения императора на римском соборе.

182

В Германии король Конрад в мае 1241 г. в Эслингене объявил всеобщий земский мир. И действительно, под впечатлением грозящей опасности бесчисленные междоусобицы и разбойные нападения больших и малых сеньоров временно прекратились. «Крестовый поход» было решено организовать только при условии, что папа не сможет направить его против императора.

Тем временем 9 апреля 1241 г. в битве при Лигнице монголами было полностью уничтожено сильное силезско-польское рыцарское войско. Прибывшая на следующий день богемская армия уже не застала «татар», они ушли на юг и в конце концов нагрянули в Венгрию (которую уже опустошило другое монгольское войско). Борьба за власть в центральной Азии привела к тому, что дальнейшие грабительские набеги не состоялись — Германия была избавлена от этой опасности.

Незадолго до битвы с монголами при Лигнице (княжество Силезия тогда еще принадлежало империи) Фридрих нанес действенный удар по вынашиваемым его противником планам созыва собора. После блестящей победы на море юго-восточнее острова Эльбы он взял в плен примерно 100 испанских, французских и ломбардских прелатов (среди них трех кардиналов), которые доверились генуэзскому флоту, и приказал бросить их в апулийские тюрьмы. Впрочем, в общественном мнении — прежде всего в Западной Европе — такой «богопротивный» акт насилия сильно повредил ему. И хотя собор вряд ли был бы теперь правомочным, император все же форсировал свои военные мероприятия против Рима, чтобы в случае необходимости низложить папу. Некоторое небольшое число кардиналов все-таки, как и прежде, было на его стороне. Уже казалось, что Священный Город наконец-то падет к его ногам, но тут Григорий IX умер в августе 1241 г., и тонко рассчитанный удар, направленный не против системы, а против самой персоны Григория, ушел в пустоту.

183

Между двумя партиями кардиналов, стоявшими, соответственно, за мир и за войну, сразу же разгорелись долгие прения по поводу двух третей голосов для одобряемых ими кандидатов в папы. Вплоть до выборов престарелого Целестина IV в октябре немногие оставшиеся в Риме кардиналы вероломно содержались под стражей. Нет ничего удивительного в том, что после этого первого «конклава» в истории папства они поспешно разъехались, так как Целестин был смертельно болен и умер уже через 17 дней.

Только в июне 1243 г. в Ананьи после долгих переговоров состоялись новые выборы, после того как Фридрих, который в это время пребывал в своей любимой Апулии, на всякий случай устроил две демонстрации военной силы в Папской области. Необходимое большинство голосов получил Синибальдо Фиески из Генуи, холодный, образованный, светский юрист. Он считался приверженцем партии мира, и Штауфен был твердо уверен, что сможет влиять на него в этом духе. Никогда еще его решение не было столь роковым.

Синибальдо Фиески принял имя Иннокентия IV. Вскоре выяснилось, что это имя символизировало для Фридриха в высшей степени опасную программу: принятие и даже расширение всех властных притязаний Иннокентия III и Григория IX. В начале мирных переговоров стоящий под Римом император должен был чувствовать себя еще в полной безопасности. Фридрих тогда даже надеялся, что сможет удержать Папскую область как лен понтифика! Даже кровавая расправа над штауфенским гарнизоном в крепости Витербо — город был внезапным налетом отнят у императора кардиналом Райнером Витербским, его смертельным врагом, во время мирных переговоров — прервала переговоры лишь на время, хотя многолетняя ненависть Фридриха к этому городу стала впоследствии известнейшим примером его мстительности.

Германские князья, а прежде всего король Людовик IX Французский, который настаивал на крестовом походе в

184

Святую Землю, хотели содействовать компромиссному миру. Император должен был быть освобожден от проклятия и принести после этого церковное покаяние. Спорным оставался только

ломбардский вопрос, так как новый папа непреклонно требовал себе статус третейского судьи. Когда Штауфен наконец-то пожелал личной встречи, папа Иннокентий IV усмотрел в этом — очевидно, не без оснований — попытку оказать на него давление. Маска «благожелательного духовного отца» пала: в конце 1244 г. понтифик переодетым бежал в Чивитавеккья, а оттуда морским путем — в свой родной город Геную, где из-за тяжелой болезни оставался несколько месяцев, а затем на корабле в Лион. Там на Иванов день (24 июля) 1245 г. он и созвал вселенский собор.

На рассмотрение собора снова было вынесено низложение императора, но в этот раз место его проведения *de jure* было расположено за пределами Священной Римской империи, а *de facto* принадлежало к территориям, подвластным французскому королю. Что могло из этого получиться, позже продемонстрировала борьба императора Людвига Баварского с папой Иоанном XXII. В 1324 г. из Авиньона на тогдашнего германского короля Людвига и его союзников было наложено проклятие и интердикт, и вплоть до его смерти (1347) папство, над которым господствовал французский король, нельзя было заставить пойти на уступки.

Возможно Штауфен, все-таки уже 50-летний, хотя и обладавший по-прежнему воистину неисчерпаемой душевной силой, был в депрессии перед лицом этой грозящей опасности ниспровержения (которое должно было поставить под сомнение и наследные права его сына Конрада). Парламентеры Фридриха вскоре сделали папе настолько невероятно звучащее предложение, что исследователи до сих пор гадают, устал ли император от бесконечной борьбы и желал мира любой ценой, или он просто хотел открыто уличить неожиданно выступившего смертельного

185

врага в лицемерии, если бы тот не принял такой знак доброй воли.

Повод дало ставшее с августа 1244 г. очень опасным положение в Святой Земле. Хорезмийцы, магометанский тюркский народ, чья великая империя между Кавказом, Гиндукушем и Персидским заливом в 1220г. была завоевана Чингисханом, использовали частые разногласия между сирийскими государствами крестоносцев и захватили Иерусалим. Поэтому бежавший в Лион патриарх Альберт Антиохийский был ревностным сторонником мира между папой и императором, чтобы сделать возможным успешный крестовый поход для отвоевания святых мест христианства.

Даже малая часть того, что Фридрих предложил папе, еще несколько месяцев назад привела бы к снятию отлучения: признание понтифика арбитром в решении ломбардского вопроса. Кроме того, император был готов пообещать отправиться с войском крестоносцев на освобождение Гроба Господня в Иерусалим и не возвращаться в течение трех лет без разрешения папы. Церковное государство предполагалось немедленно очистить от имперских войск. При нарушении этого обещания император принимал потерю всей своей империи как справедливое наказание.

Поскольку этот обет должен был бы торжественно даваться на хофтаге, Фридрих к июню созывал германских князей в Верону, на этот же месяц был назначен собор в Лионе. Удалось ли бы ему рассечь опасную петлю?

В апреле Фридрих со всем своим двором и сильным войском покинул Апулию по дороге, проходящей мимо Витербо. Если бы столь убедительно демонстрируемая уступчивость «непобедимого Цезаря» была подлинной, то пышный мирный поход в Верону оставил бы на мели партию войны, все еще стремящуюся к окончательному разрыву. Но вид ненавистного Витербо должен был по-

186

действовать на Штауфена столь же раздражающе, как красный платок на быка. Поскольку он не мог надеяться мимоходом захватить город, который был готов к обороне, то приказал опустошить городские предместья, причем пострадала и курия прилежащих земель.

Казалось, что кардинал Райнер Витербский, которого Иннокентий IV, что характерно, назначил своим представителем в Италии, ожидал этого. Будучи лидером куриальной партии «войны», он потоком пропагандистских листов начал подстрекать собравшихся в Лионе прелатов против безбожного и вероломного императора, который, несомненно, проявлял все черты Антихриста. 6 мая Фридрих, наконец, оставил Витербо в покое, и в тот же день его друзьям удалось добиться согласия папы на снятие проклятия. Однако ввиду неожиданного успеха памфлетов кардинала Райнера Иннокентий IV быстро изменил свою точку зрения. Он больше не сомневался в необходимости низложить нарушителя мира, и 26 июля 1245 г. собор был открыт.

В 1215 г. Иннокентий III смог собрать в Латеране, папской резиденции, около 1300 прелатов со

всей Западной Европы и из восточной церкви, чтобы незадолго до смерти еще раз продемонстрировать чрезвычайно сильно укрепленную им власть папства и вместе с тем милостиво утвердить избрание Фридриха II римским императором. Чтобы ниспровергнуть того же самого Фридриха, в Лион явились лишь около 150 участников собора. Германия и Италия почти не были представлены.

Сначала казалось, что «адвокат» императора, его придворный юрист Таддеус Суэсский, своей умелой защитой сможет предотвратить скорый приговор и добиться отсрочки вплоть до личного появления его господина или во всяком случае до прибытия от него нового посольства. Действительно ли Фридрих собирался предстать перед этими судьями, которых не признавал, остается в высшей степени спорным. Во всяком случае он продвинулся до Турина.

187

Между тем уже 17 июля 1245 г. Иннокентий IV поразил собравшихся на последнее заседание в кафедральном соборе Лиона объявлением тайно подготовленного решения о низложении. Напрасно Таддеус оспаривал юридические полномочия собора и уже заранее апеллировал к новому папе о созыве действительно *всеобщего* собора. На большинство он смог подействовать столь же несущественно, как и представители французского и английского королей, которые были солидарны с императором как монархи.

Приговор основывался на четырех основных пунктах обвинения: 1. лжесвидетельство, 2. нарушение мира, 3. богохульство и 4. ересь. Подданные освобождались от клятвы верности, если же кто-то хотел остаться на стороне Фридриха, то должен был быть отлучен от церкви. Обладающие избирательным правом князья должны были избрать нового германского короля, хотя Конрад IV был уже избран вполне законно, но вопрос о королевстве Сицилии папа хотел решить сам.

Матвей Парижский, хронист-современник, повествует о том, что прочтение этого судьбоносного вердикта было подобно вспышке молнии. «Магистр Таддеус Суэсский и прочие представители императора с их свитами громко выкрикивали жалобы, в знак боли и отчаяния били себя по бедрам и в грудь и еле сдерживали слезы. Таддеус крикнул: „Это день гнева, несчастья и горя!“ Папа же вместе с присутствующими прелатами, с зажженными свечами в руках, страшно и ужасно проклинали императора, который больше не мог называться императором, в то время как растерянный защитник кайзера покинул собрание». Оставшиеся же погасили их факелы в знак того, что блеск приговоренного погас точно так же, бросили их наземь и спели *Tedeum*.

Кажется, Фридрих до последнего надеялся, что папа все-таки не пойдет на крайние меры. В июне 1245 г. он — как и планировалось — еще провел в Вероне намеченный все-

188

общий хофтаг. Это был последний совет империи Штауфенов. Здесь его ожидал король Конрад с германскими князьями, чьи ряды, впрочем, выказывали тревожащие бреши. В последний раз Конрад IV прожил несколько недель рядом с отцом.

Предметом совещания было прежде всего герцогство Австрийское, где герцогу Фридриху Непокорному после тяжелого поражения в 1236 г. вновь удалось прочно встать на ноги. В 1243 г., после помолвки короля Конрада с Елизаветой, наследницей Оттона Баварского, вновь овдовевший император захотел жениться на Гертруде, единственной дочери последнего Бабенберга, чтобы посредством этого уже в обозримое время располагать внушительным комплексом собственно штауфенских владений от верхнего Рейна до венгерской границы. Но распространяемые повсюду папскими уполномоченными памфлеты кардинала Райнера, представлявшие Фридриха II как троекратного женоубийцу и исадие ада, так напугали Гертруду, что она отказалась сопровождать Фридриха Непокорного в Верону. План женитьбы развалился. Но в следующем году последний Бабенберг умер, и император смог присоединить Австрию и Штирию к империи как вакантные имперские лены и управлять ими через своих генерал-капитанов.

Это территориальное приращение было остро необходимо и королю Конраду, так как ему противостояли могущественные силы, пока отец, готовивший мудро задуманный военный поход через Лион и верхний Рейн в Германию, был крепко схвачен в Италии многоруким полипом.

Когда известие о торжественном низложении императора пришло в Турин, Фридрих, должно быть, еще раз ощутил страх — как и после объявления войны Григорием IX — перед неизбежно надвигающейся борьбой до полного уничтожения одной из сторон. Язык памфлетов с обеих сторон уже давно интерпретировал ужасы Апокалипсиса как нечто страшное, но самоочевидное.

Не

189

вызовет ли последующее усиление этой борьбы не на жизнь, а на смерть их кошмарное воплощение?

Император, однако, быстро осознал свершившееся и написал ко всем, кто еще оставался ему верен: «После того как Мы в терпении и благочестии играли до сих пор роль посла, то теперь должны стать молотом». Из Германии, из кругов верных князей и феодалов донесся успокаивающий резонанс: «Папа не может дать нам императора и не может забрать у нас его, он может лишь короновать избранного князьями». На Рейне приверженцы папы вооружались для решающих действий, так как были призваны выбрать нового короля.

До 1245 г. уполномоченный курии в Германии, Альберт Бехам, архидьякон из Пассау, не имел большого успеха со своей антиштауфенской пропагандой, так как князья не хотели легкомысленно ставить на карту все, что дал им Фридрих между 1220 и 1232 гг. Вне империи тоже не нашлось ни одного серьезного претендента на опасную роль антикороля. Случай с рейнскими архиепископами сначала привел к тому, что папа сам нашел более широкую платформу для пропаганды обвинения императора как предвестника Антихриста или его самого. Впрочем, Зигфрид Майнцский, прежний наместник империи, был в 1242 г. заменен ландграфом Тюрингским Генрихом Распе.

Тогда как в Италии даже интердикт, который означал нечто вроде духовной смерти в виде коллективного наказания за пребывание здесь Штауфена, в области, на которую распространялась его власть, был оставлен совершенно без внимания, в Германии папа смог после 1245 г. провести решающие мероприятия, глубоко затронувшие религиозную жизнь. Бесчисленные нищенствующие монахи (прежде всего доминиканцы) бродили по стране и призывали к крестовому походу против Фридриха II. Тот, кто позже раскаялся в принесении обета участия в нем, мог снять его с себя за деньги, которые срочно требовались папе для его партии.

Проституированно настроенные

190

епископы были на скорую руку отстранены от должности. Если они не могли быть заменены сторонниками папы, на их диоцезы накладывался интердикт. Многие годы в таких епископствах не было ни крещения, ни венчания, ни церковного погребения! Какие душевные муки были приурочены тем самым огромному количеству людей, мы сегодня, пожалуй, даже не в состоянии себе представить. Перераспределение высоких церковных бенефициев папа производил по собственному усмотрению (или по наибольшему количеству предложенной золотой «мази для рук»). Соответствующими были и «комиссионные сборы», предваряющие получение таких постов. Не были редкостью и двойные назначения.

Эта бесцеремонная политика диктата, проводимая высшим духовным пастырем, заставила народные массы стать более восприимчивыми к учениям христианских сект, прежде всего вальденсов. В этом, основанном лионским купцом Петром Вальдом примерно в 1176 г. движении мирян, пропагандировавшем совместную жизнь в раннехристианской бедности, в сороковые годы проповедовалось, что «Божья Церковь» прекратила свое существование уже со времен папы Сильвестра (начало IV века) из-за приобретения мирских богатств и что с тех пор римскую папскую церковь можно сравнить с «великой блудницей» Апокалипсиса.

Требование реформации церкви в духе учения Христа были предъявлены также последователям Франциска Ассизского, которых вначале тоже обвиняли в ереси. Эта пропаганда апостольской нищеты была, правда, начата курией (как позднее доминиканцами), но «спор о бедности» с радикальными францисканцами затянулся на десятилетия. У друга и последователя Франциска, Элиаса Кортон-ского, Григорий IX в 1239 г. отобрал пост магистра ордена. Тогда Элиас прибыл ко двору Фридриха. Под впечатлением этих реформаторских устремлений борьба против отдельных недостойных последователей апостола Петра

191

медленно становилась борьбой против всей обмирщенной церкви.

Даже доминиканец по имени Арнольд выступил между 1243 и 1250 гг. с двумя сочинениями на тему реформы, которые были не менее радикальны, чем предложения францисканцев. В них узнаются идеи Иохима Флорского об отделении обмирщенного клира с помощью ордена проповедников. Арнольд называет Иннокентия IV подлинным Антихристом, а Фридриха II — его праведным гонителем, «защитником истинной церкви».

Под 1248 г. один хронист сообщает, что в Швебиш-Халле, центре штауфенского господства, настоящие еретики агитировали за Фридриха II и Конрада IV. Об это еще будет рассказано подробнее в связи с легендой об императоре.

Низложенный кайзер писал королям и князьям Европы, что и им грозит опасность тирании духовных властей. «Мы призываем Бога в свидетели, что в Наши намерения всегда входило

вернуть священников любого ранга, но прежде всего высших чинов, в состояние древней церкви. Тогда священники видели ангелов, блистали чудесами, исцеляли больных, воскрешали мертвых и побеждали королей и князей не оружием, а святой жизнью. Теперь они погрязли в наслаждениях и забыли Господа, в то время как благочестие гибнет от избытка богатств. Забрать у клириков эти вредные сокровища — вот дело любви».

Но вернемся обратно в Германию, где ландграф Генрих Распе как раз собрался вписать небольшую главу в немецкую национальную историю. Ландграфство Тюрингия включало тогда также часть гессенских территорий (вокруг Марбурга и Фрицлара), а также пфальцграфство Саксонию, Фогтланд и Остерланд. Действительным ландграфом Генрих Распе стал только с 1242 г., а до того правил лишь как регент при старшем сыне святой Елизаветы, ландграфе Германе II. В 1239 г., когда его брат

192

Конрад стал Великим магистром Немецкого ордена, он передал уже ставшему совершеннолетним Герману гессенские владения, до тех пор управлявшиеся Конрадом. С этим был связан несомненный замысел удержать за собой оставшуюся часть наследства.

Невольно хочется спросить: «Был ли он вправе это делать?» Современник, возможно, ответил бы на это строкой знаменитого поэта Фрейданка, уже цитировавшегося по поводу крестного похода 1229 г.: «Я знаю, что дети князей — враги старших наследников». Однако и небольшой частью отцовского наследства ландграф Герман не мог долго пользоваться. Хотя он был помолвлен с дочерью императора Фридриха II, Маргаритой, но уже в 1239 г. женился на дочери получившего новый титул герцога Оттона Брауншвейг-Люнебургского, не встретив при этом никаких возражений императора. Маргарите было тогда всего десять лет, и никто еще не подозревал, что ее сын Фридрих (Смелый) однажды после падения дома Штауфенов сыграет важную роль в пророчествах об императоре. Герман, ее неверный жених, сразу начал энергично править в Гессене. Со всем пылом своих 16 лет он начал принимать меры против междоусобиц знати, что тут же доставило ему ожесточенных врагов. Уже в 1242 г. он был отравлен. Убийство осталось безнаказанным.

Генрих Распе, который только теперь смог назвать себя ландграфом, кажется, не избежал причастности к смерти своего племянника. Из опасений, что чудотворная святая Елизавета может разоблачить убийцу или убийц, Германа не следовало хоронить рядом с ней в Марбурге. По распоряжению нового ландграфа погребение перенесли в монастырь Рейнхардсбрунн, где находился фамильный склеп рода.

После того как Генрих Распе с помощью отравления стал ландграфом, он, возможно, надеялся посредством другого убийства стать королем и императором. Ведь когда уполномоченные папы «переманили» его за 25 000 марок

193

серебром и в мае 1246 г. он позволил нескольким церковным князьям в Фейтсхехейме под Вюрцбургом избрать себя королем, ему определенно предлагали совершить покушение на императора.

В рамках широкого заговора должны были быть устранены император, король Энцо и Эццелино да Романа, властитель Вероны и Тревизанской марки. В марте 1246г. посол от графа Казертского, зятя Фридриха II, сообщил известие, которое сначала было воспринято как совершенно невероятное: император и Энцо должны быть убиты уже на следующий день. Императорский двор переехал тогда на зимние квартиры на тосканское побережье, в Гроссето. Зловещие природные катаклизмы (солнечное затмение и кровавый дождь), а затем бегство ближайшего доверенного лица Фридриха якобы усугубили подозрения. Срочно проведенное расследование вскоре показало, что многие чиновники высокого и высшего ранга — генеральные викарии, подеста Пармы и даже сицилийские генерал-капитаны — были замешаны в замышлявшемся папой покушении. Но угрозы и обещания курии в дальнейшем не остались без результата. Главой заговора был Тибальд Франциск, подеста Пармы и многолетний генеральный викарий, которого подбил на измену родственник папы, Орландо ди Росси, считавшийся верным императору. Тибальд сразу поспешил на Сицилию, чтобы с помощью могущественных друзей организовать там восстание. Однако население, смущенное сначала слухами о смерти Фридриха, при приближении императора выступило против крайне опасных для его окружения мятежников, которые скоро оказались заперты войсками Фридриха в Капаччио, замке в южной Кампании. Летняя жара вынудила изнывающих от жажды мятежников к капитуляции. Среди почти 150 пленных был и Тибальд.

И часто задавался вопрос, почему предводители заговора, люди, особенно хорошо знавшие Штауфена и его

194

необузданную жестокость, живыми вручили себя его мести. Вельможи, о которых Фридрих, без сомнения, с неподдельным глубоким сожалением писал, что вырастил их как сыновей, поднял из грязи, осыпал почестями и посвятил в свои самые тайные мысли, после такого предательства могли рассчитывать только на самые ужасные муки. Зашитые вместе с ядовитыми змеями в кожаные мешки, некоторые были брошены в море, других до смерти волочили по каменистой земле. Быть сожженным или повешенным считалось легкой формой казни. Тибальд Франциск был ослеплен и изувечен, а затем, прикрепив ему на лоб найденную у мятежников папскую грамоту, его таскали из города в город, пока смерть не избавила его от мук.

К аргументам, с помощью которых Фридрих открыто заклеил папу как зачинщика плана убийства, принадлежал, в частности, следующий: епископ Бамберга после своего пребывания в Лионе якобы возвестил, что низвергнутый с трона Штауфен вскоре умрет позорной смертью от рук своих друзей. На это пророчество Генрих Распе, прозванный с мая 1246 г. «поповским королем», очевидно, надеялся слишком сильно. Через несколько месяцев после его выборов — до коронации дело, вероятно, не дошло вовсе — он даже смог победить Конрада IV, но только потому, что непосредственно перед «битвой королей» при Франкфурте (24 июня 1246 г.) две трети войска Конрада, примерно 2000 рыцарей и пехотинцев, были уведены швабскими графами на сторону антикороля. В то время как 46 графов и примерно 600 рыцарей попали в плен, Конрад IV нашел убежище и защиту за стенами Франкфурта, пока из Лотарингии и Бургундии не подошли деблокирующие войска.

Очевидно, из-за принципиальной позиции Фридриха, поручившего управление Италией самим итальянцам, многие швабские феодалы чувствовали себя обманутыми в своих надеждах на доходные почетные должности. Король Конрад, от которого не так легко было получить

195

дарственную грамоту, как от его злополучного сводного брата Генриха (VII), будучи наместником, находился в тяжелом положении. Если бы покушение на императора и его ближайших палатинов удалось, все герцогство Швабия должно было быть разделено между сподвижниками папы. В качестве задатка перебежчикам было выплачено в общей сложности 6000 марок серебром.

Однако большинство немецких князей все еще не хотели идти на риск и вели себя выжидающе. Конрад был для них, пожалуй, все еще «daz kint»¹, чьи приказы значили бы немного, если бы непосредственно за ними не стоял авторитет отца. Фрейданк уже раньше сказал по этому поводу: «Князья как ослы: без хлыста от них ничего не добьешься».

1246 г., уготовивший Штауфенам столь жестокие испытания, принес им и некоторые отрадные результаты: Конрад IV женился на Елизавете Баварской. Так как Австрия почти сразу после смерти Фридриха Непокорного, последнего Бабенберга, перешла под управление штауфенских генерал-капитанов, короля-противника отделил от ломбардцев заслон верных императору герцогств.

Когда Генрих Распе следующей весной захотел завоевать швабские города, то потерпел неудачу под Ройтлин-геном и Ульмом. До начала зимы он вернулся в Тюрингию, и уже 17 февраля 1247 г. умер в Вартбурге. За его наследство началась многолетняя война между тремя боковыми ветвями династии. Третья и последняя жена Генриха Распе еще в 1250 г., уже будучи супругой графа Вильгельма Фландрского, в одной грамоте назвала себя «...по Божьей милости прежде римской королевой, во все время покровительницей империи»!

Преемником Генриха Распе после долгих тщетных поисков претендента в октябре 1247 г. был избран 19-летний граф Вильгельм Голландский, который даже не был

Дитя. (Прим. ред.)

196

имперским князем и вплоть до смерти Фридриха II не смог расширить свои владения далее нескольких земель по нижнему Рейну. Ничего не изменилось даже тогда, когда папа выделил ему 30 000 марок серебром.

После злосчастного опыта Гроссето император держал Италию железной хваткой. Папское войско, приведенное в герцогство Сполето кардиналом Райнером, было столь сокрушительно разгромлено тамошним генеральным викарием, что папская партия римлян не отважилась напасть на материковую часть Сицилийского королевства, как это было задумано ранее. Особенно важная

в стратегическом отношении Парма также не была потеряна после бегства подеста Тибальда Франциска, а Эццелино да Романо, который должен был быть убит на одном званом обеде, установил в восточной Ломбардии подлинный режим террора — в том виде, в каком позднее он стал характерен для североитальянских тиранов эпохи Ренессанса. Быстрые успехи Фридриха и в некоторых городах западной Ломбардии сломили волю к дальнейшему сопротивлению, и в мае 1247 г. удалось мирным путем вернуть даже Витербо.

Планировавшийся сначала прорыв через перевал Бреннер в Германию после смерти Генриха Распе утратил свою неотложность. Тогда Штауфен решил походом на Лион дать папе повод еще раз основательно задуматься по поводу проклятия и низложения столь удачливого противника. В завершение он хотел вторгнуться с сильным войском через Бургундию и штауфенский Эльзас в область рейнских архиепископов и как следует рассчитаться со своими врагами в Германии. В эту кампанию Фридрих первым из германских императоров пригласил итальянских рыцарей. Подступ к стенам Лиона казался обеспеченным родственными связями с местными знатными родами и договоренностями с французскими феодалами, поэтому папа должен был смотреть в будущее с тревогой. Его самой сильной поддержкой был теперь французский король, который не хотел допустить

197

прямого нападения на Святого Отца, но, с другой стороны, не был готов и предоставить понтифику «политическое убежище» во Франции. Императорское войско уже собиралось, выступив из Турина, перейти западные Альпы, когда печальная весть заставила прекратить это смелое, но обещающее успех предприятие.

Без надежной связи с важнейшей базой снабжения, Сицилией, поход был невыносим, а основная дорога, по которой оно осуществлялось, проходила через апеннинский перевал Ла-Чиза, контролировавшийся Пармой. Второй перевал блокировала враждебная Болонья. Полный глубоко укоренившегося недоверия к жителям Пармы, Фридрих уже несколько лет назад приказал снести все оборонительные сооружения города. Это обстоятельство, а также большое пиршество, устроенное гибеллинами, использовал бежавший из Пармы Орландо ди Росси — «искуситель» замученного до смерти Тибальда Франциска. С помощью 70 живших в изгнании пармских рыцарей он внезапным нападением захватил город. Жители уже привыкли приспосабливаться к сменам власти. Главнокомандующий папско-ломбардского войска, бессменный Григорий Монтелонгийский, сразу же привел подкрепление и приказал возвести временные укрепления. Король Энцо, который вскоре после этого прибыл под Парму, мог бы еще, по мнению хрониста, легко отвоевать город обратно, но он не отважился на штурм. Через 16 дней после потери города главные императорские силы были на месте, но защитники города сумели хорошо использовать это время. Император был вынужден прибегнуть к длительной осаде, которая и друзьями, и врагами расценивалась как показательная проба сил.

После того как стало известно о падении Пармы, во всех генеральных викариатах вспыхнули восстания, которые, правда, были быстро подавлены, но привели на время к рискованному раздроблению штауфенских военных сил. Кроме того, были отражены попытки ломбардцев снять

198
осаду. В качестве примера все возрастающего ожесточения воюющих можно упомянуть тот факт, что ежедневно несколько пленных жителей Пармы обезглавливались перед стенами их города. Чтобы и зимой держать Парму мертвой хваткой, император приказал возвести поблизости настоящий укрепленный город, который в ожидании верной победы был назван «Виттория». Следующей весной капитуляция казалась действительно уже близкой, когда порожденная привычкой беспечность осаждавших послужила причиной рокового ответного удара.

Утром 18 февраля 1248 г. Фридрих отправился верхом — как он это делал почти ежедневно — на соколиную охоту в близлежащую болотистую местность. В это время защитники Пармы совершили вылазку, подготовленную шпионами, но казавшуюся все-таки безнадежной. После того как небольшой отряд выманил из ворот Вит-тории главнокомандующего изрядно ослабевшей от параллельных операций армии осаждающих, последовало внезапное главное нападение на город-лагерь, который был взят штурмом и подожжен. Подоспевший император тщетно пытался организовать сопротивление. С трудом ему удалось наконец бежать в Кремону с немногими сопровождающими. Верховный придворный судья Таддеус Суэсский и другие члены императорского совета погибли, а вместе с ними и около 1500 жителей Виттории, в то время как победители увели в плен около 3000. Была потеряна вся государственная казна с бесценными инсиг-ниями, роскошными одеждами и украшениями. Были утрачены также трудновосполнимый

охотничий парк, вызывавший постоянные моральные упрёки «гарем» Фридриха из охраняемых евнухами сарацинок, как и загадочные рисунки придворных астрологов. Но потеряно было еще и нечто гораздо более ценное: слава непобедимого.

Во всей центральной и северной Италии эта катастрофа воспринималась как Божья кара, заслуженная Фридрихом.

199

Тот факт, что император уже через три дня снова повел войско против Пармы, не мог изгладить это психологическое воздействие. Жители Пармы воспрянули духом, поэтому имперцам показалось целесообразнее атаковать сначала другие города и вспыхнувшим пламенем распространить по всей центральной Италии очаги войны. После нового отделения Равенны (май 1248) была, впрочем, потеряна большая часть Романьи.

Но в целом положение Фридриха в Италии было все еще настолько стабильным, что ни в коем случае нельзя утверждать — как это делали исследователи старшего поколения, — будто бы вместе с Витторией погибла «фортуна» Штауфена. Так как все генеральные викариаты были заняты почти без исключения близкими родственниками императора, попыткам папы переманить людей на свою сторону был поставлен мощный заслон. К «руководящему центру» принадлежали: король Энцо; Эццелино да Романе, зять императора; Манфред, сын одной итальянской возлюбленной; Фридрих Антиохийский, чья мать предположительно находилась где-то на Востоке; Генрих, сын третьей императрицы, Изабеллы Английской; граф Риккард Тетский, еще один внебрачный сын императора; графы Томас Аквинский и Риккард Казертский, а также генуэзский маркграф Каретский, молодые зятья Фридриха II; позднее и его внук Фридрих, сын короля Генриха (VII); графы Савойские, после того как Манфред (будущий король) женился на дочери графа Амадея; наконец, к ним присоединился и одноглазый угрюмый маркграф Уберто Паллавичини, как преемник короля Энцо, единственный «король второго порядка», не принадлежащий императорскому дому.

Системой беспощаднейшей жестокости — причем взятие заложников и массовые изгнания сыграли свою зловещую роль — Фридрих смог наконец-то закрепить за собой подавляющее большинство городов или городов-государств, где прежде кровавыми переворотами сменя-

200

лись у власти гвельфы и гибеллины. Его войска одержали победы прежде всего в Анконской марке, в Венето (где не доверяли понтифику-генуэзцу) и в Пьемонте. Когда в июле 1248 г. Людовик IX Французский, который нуждался в Сицилии как в опорном пункте для своего крестового похода, хотел побудить папу пойти на уступки, это был лишь заметный, но обманчивый просвет: ничто не могло заставить Иннокентия IV заключить мир с «Антихристом». Борьба в Ломбардии продолжала истощать экономические силы враждующих. Потерю государственной казны под Пармой император попытался возместить введением специального налога, так что в королевстве Сицилия налоговое бремя было удвоено (вместо 60 000 золотых унций в 1242 г. было собрано 130 000; в 1927 г. один исследователь указал им эквивалент в 7,8 млн. рейхсмарок). Вскоре на Север отправились большие денежные транспорты, чтобы удовлетворить требования становящихся нетерпеливыми наемных рыцарей.

Ядро императорского войска, решавшее исход битв, все еще составляли всадники в тяжелых доспехах. В основном они пришли из Германии, и только этим Фридрих в эти свои последние годы был связан со своей северной державой.

Тем временем положение в Италии вновь консолидировалось (прежде всего в Пьемонте из-за перехода Вер-челли в лагерь гибеллинов снова была создана хорошая исходная база для похода на Лион), поэтому папа вновь почувствовал себя в большой опасности, к тому же его защитник Людовик IX с крестоносным войском покинул Францию. До конца года проклятый Штауфен оставался в западной Ломбардии. Страшась его, Иннокентий IV предпринял даже сомнительный шаг, попытавшись послать крестоносцев вместо Палестины на Сицилию, где они, впрочем, ничего не смогли добиться.

Когда затем в начале 1249 г. настало время возобновить военные действия, императора постиг первый из трех

201

чрезвычайно тяжелых ударов, которые решительным образом повлияли на то, что и на этот раз папа оказался избавлен от крайне неприятного визита.

Анналы Пьяченцы содержат скупое описание февраля 1249 г., квинтэссенцию всего того, что могло равно возбудить любопытство современников и заинтересовать позже исследователей

истории в качестве правдоподобных фактов: «Император отправился верхом в Кремону, где приказал взять под стражу Петра Винеяского». Лишь незадолго до этого могущественный советник и главный пропагандист стал также и начальником императорской канцелярии. Уже 25 лет состоявший на службе хотя и высокочтимый, но за свой огромный объем работы определенно вознаграждаемый как простой чиновник, придворный юрист, вероятно, не смог устоять перед постоянными попытками предложить ему взятку. Зависть некоторых придворных способствовала, возможно, тому, что император во время постоянной нехватки средств расценил тайное накопление огромного состояния как государственную измену и покарал преступника с жестокостью воплощенной «Юстиции». Предположительно, подверженный обычным пыткам Петр вскоре после этого покончил с собой. Почти одновременно Фридриху II чудом удалось избежать отравления ядом, который ему хотел дать его доверенный личный врач. Лишь незадолго до этого Штауфен выкупил его, подкупленного папской партией, из парм-ского плена.

Рис. 17. Бюст
Петра Винеяского
с триумфальной арки
перед Капуей

202

Таких высокопоставленных слуг императора, происходивших из народа, охотно называют его «друзьями», которые по-человечески так сильно разочаровали своего господина, что ему пришлось цитировать жалобные слова библейского Иова. Как часто «богоподобный» властитель сам мог «по-человечески разочаровывать» своих «поднятых из грязи» слуг, об этом хронист ничего не говорит... Третье тяжелое потрясение доставило императору, пребывавшему с мая 1249 г. в Апулии, утрата его сына и наместника в имперской Италии, Энцио. При одной легкомысленной стычке он еще в мае был взят в плен болонскими рыцарями. Все попытки освободить короля Энцио были напрасны. Правда, его преемник, Уберто Пал-лавичини, сумел быстро выровнять положение после начавшихся было военных неудач (так, были отвоеваны альпийские перевалы и разбита Парма), но рыцарственный как в хорошем, так и в дурном смысле слова императорский сын остался в плену и в 1272 г. умер в Болонье — последним из сыновей Фридриха II.

В начале 1250 г. в Апулию начали отовсюду прибывать известия об успехах: была отвоевана Равенна; папское войско было разбито на границе королевства; в герцогстве Сполето, Анконской марке и во всей северной Италии императорские войска одерживали победы, и даже альпийские проходы к королевству Арелат (Лион!), как и перевал Бреннер, были в руках гибеллинов. Генуэзский флот был побежден штауфенскими галерами вблизи соседней Савоны.

Из Германии тоже пришли хорошие новости. Летом 1250 г. король Конрад успешно продвинулся на территорию Папской области. Вильгельм Голландский, как и всегда, пытался расширить свои вотчинные владения по нижнему Рейну, что заметно мешало его бывшему покровителю, архиепископу Конраду Кельнскому, в его собственных планах экспансии. Уже вскоре король Конрад IV смог принудить рейнских архиепископов к перемирию.

203

Благоприятная военная обстановка в середине 1250 г. могла создать впечатление, что только абсолютно неожиданно наступившая смерть венценосного «сверхчеловека» несколькими месяцами спустя помешала ему одержать уверенную «окончательную победу». Такое предположение не выдерживает трезвой оценки общей ситуации. Во многих местах шла скрытая подготовка восстаний, и даже поверхностный наблюдатель вспомнил бы о том, что военные победы никогда не могли надолго стабилизировать положение Фридриха. Даже провал одного отдельного папы — Григория IX — не мог

принести решения, как доказали уже первые действия вскоре унаследовавшего ему Иннокентия IV. Таким образом, нельзя переоценивать то, что Иннокентий точно так же находился в очень стесненных обстоятельствах. Впрочем, этому очень существенно поспособствовало неожиданное выступление французского короля против наместника Христа.

Людовик IX, который со всем своим войском крестоносцев попал в египетский плен, главную вину за такой исход возложил на папу, ибо тот помешал императору принять в кампании действенное участие. Он энергично потребовал от Иннокентия заключить, наконец, мир. Когда Людовик смог наконец выкупиться из плена в Египте, то с удивлением узнал, каким уважением пользуется Фридрих II у сарацин. Теперь и друзья, и враги ожидали от этого «императора мира» ответа за столь неудачно закончившийся поход. Папа уже просил — и напрасно — убежища в принадлежавшем англичанам Бордо. В третий раз поход Фридриха в Лион и Германию казался делом решенным. Император даже очень серьезно обдумывал четвертый брак (с дочерью герцога Альбрехта Саксонского). Как в мирные времена, он созвал свой двор в Фодже, надеясь быстро исправить ошибки, допущенные Петром Вийейским в государственном управлении. Внезапно, в начале декабря 1250 г., скорее всего во время выезда на охоту, он заболел казавшимся сначала неопасным воспа-

204

лением кишок, которое сопровождалось лихорадкой. Говорили, что Фридрих якобы никогда не бывал во Флоренции, так как ему была предсказана смерть «sub flore»¹. Волею случая больного перевезли в никогда еще им не посещавшийся замок Фьорентино (Florentino, возле Луче-ры), название которого напоминало слово «flore». Император, кажется, предвидел свой скорый конец, так как уже через несколько дней могущественные вельможи двора и близкие родственники собрались вокруг него, и в их присутствии он продиктовал свою последнюю волю.

Всю империю должен был унаследовать Конрад IV, в то время как Манфред, который в последнее время стал особенно близок к отцу, как «князь Тарента» был определен в наместники Италии и Сицилии. Завещание включало в себя легаты и благотворительные пожертвования, всеобщую амнистию (исключая государственных изменников), а также правовое урегулирование церковных притязаний при условии, что папа также признает права империи.

После того как он, несмотря на отлучение, принял отпущение грехов от дряхлого архиепископа Берарда Па-лермского, который когда-то сопровождал Puer Apuliae в Германию, император Фридрих II, почти достигший 56 лет, умер 13 декабря 1250 г. Он был облачен в рясу цистерцианца, которая, по поверьям того времени, должна была защитить ее носившего от огня Чистилища. Было ли это только хорошо просчитанным жестом, призванным укрепить позиции императорской власти как полурелигиозного института, или этот универсально образованный вольнодумец действительно умер как истинный христианин, нам неизвестно.

Его смерть должна была оставаться тайной как можно дольше, чтобы обеспечить дальнейшую бесперебойную работу штауфенского аппарата власти. Тело было забаль-

У цветка (лат.). (Прим. ред.)

205

Рис. 18. Саркофаг Фридриха II в кафедральном соборе Палермо

замировано и помещено в Палермский кафедральный собор в том виде, в каком его обнаружили при вскрытии саркофага в XVIII веке. Он больше не был завернут в цистерцианскую рясу, но лежал в роскошной арабской шелковой мантии, украшенной вышитыми символами мирового господства и таинственными литерами.

В чужеземном облачении, украшенном религиозными символами и тайными буквами, Фридриху II Гогенштау-фену, далекому императору, вскоре суждено было появиться в своей северной империи, чтобы начать вторую жизнь в немецкой легенде об императоре.

ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬ МИРА?

Английский писатель Матвей Парижский, которому мы обязаны образным рассказом о низложении Фридриха II на Лионском соборе, написал часто цитируемый впоследствии «некролог» на смерть Штауфена: «И в это время умер Фридрих, величайший из князей мира, одновременно вызывавший удивление мира (*stupor mundi*) и чудесный преобразователь (*immutator mirabilis*)».

Вплоть до недавнего времени «*stupor mundi*» и «*immutator mirabilis*» в латинском и немецком вариантах оставались наиболее частотными эпитетами, используемыми для описания Фридриха II. Понятое с точки зрения современного словоупотребления, они дали повод к многократной научной (и ненаучной) рефлексии. «Удивление света» еще возможно в наше время отнести к этой зачаровывающей, во многом загадочной личности, однако при этом не следует забывать об определенно негативном результате его попыток стать «преобразователем мира» в политической игре своего времени. Впрочем, как человек, способствовавший рождению нового ощущения действительности в науке и искусстве, а также как организатор образцового (сицилийского) государства, он добился многого, хотя внезапная смерть помешала его имени остаться прочно связанным с этой сферой.

Еще раз воссоздав оттоновскую традицию Священной Римской империи, понятой как наследная империя

207

Штауфенов, на пропитанном кровью песке, Фридрих напрасно пытался противиться исторической закономерности, по которой в Европе происходило становление и обособление национальных государств. Когда после 1245 г. он распознал в ставших богатыми и могущественными немецких городах своих важнейших союзников в борьбе с партикуляризмом германских князей, было уже слишком поздно. Даже если бы это осознание и принесло свои плоды, они были бы необдуманно пожертвованы для утопических целей его средиземноморской политики.

Подлинные преобразователи мира европейской феодальной системы жили тогда неузнанными в бюргерских домах наиболее развитых экономически городов. Символично то, что Флоренция уже через два года после смерти Фридриха смогла чеканить золотые монеты, которые очень сильно напоминали императорские августалы. После этих монет гульдены еще многие века обозначали сокращением «F l.» (флорин).

В предисловии уже указывалось на то, что отреченный от церкви Штауфен еще в 1245 г. был назван одним кардиналом — речь шла о его не раз упоминавшемся заклятом враге Райнере Витербском — «преобразователем мира» (*immutator saeculi*). Здесь, несомненно, подразумевается ассоциация с Сатаной, который тоже носил это двусмысленное прозвище, и у Матвея Парижского к восхищению императором также примешивается страх перед демоническим началом его натуры. Противоречивым, как натура Фридриха, которого Канторович (в согласии с современниками Штауфена) идеализирует одновременно как Спасителя, мирового арбитра и Антихриста, был и его образ, сложившийся в Европе и на Востоке на основе тенденциозных рассказов.

Наследникам, естественно, было необходимо, чтобы такие плохо подходящие к традиционному облику римско-германского императора представления были пересмотрены в пользу обычных. Утешительное письмо от Манфреда к

208

Конраду IV, выдержанное еще совершенно в стиле канцелярии Фридриха, рисовало столь эффектную картину «благочестивой кончины» объявленного еретиком императора, что заставляло заподозрить в нем пропагандистский текст, рассчитанный на широкую публику: «Зашло солнце мира, освещавшее свои светлым сиянием народы, зашло солнце справедливости, оплот мира. Но если взгляните вы все же во все обстоятельства, то найдете утешение. Ибо жил наш отец всегда счастливо и победоносно. Великий Господь оказывал ему на протяжении его жизни свое покровительство и одобрение посредством содействия Своего его успехам. Не лишил Он его этого и в час смерти. Когда уже обозначились все признаки конца, определил император в своем завещании прекрасные и бесценные дары для послушнейше верных ему, но не забыл смиренно своим сокрушенным сердцем и о матери своей, святейшей римской церкви, как подлинный ревнитель истинной веры, и распорядился, чтобы ущерб, невольно и вынужденно причиненный им церкви, был полностью возмещен».

Систематическое обожествление собственной персоны с 1236 г., но еще более демонизация Фридриха II его врагами и пропагандскими интерпретаторами мистических пророчеств Иоахима Флорского привели к тому, что многие не хотели верить известию о его смерти. Этому способствовало и то, что папская партия уже не раз распространяла соответствующие ложные сообщения, и наконец, и друзья, и враги все еще так ожидали исполнения важных предсказаний, что заподозрили военную хитрость. Однако в области реальной политики смерть императора возымела, конечно, свое действие и как факт, и как фактор, причем, как будет показано далее, в высшей степени неблагоприятный для Штауфенского дома.

Когда после Второй мировой войны именитый английский медиевист Джеффри Барраклоу в своем историческом очерке «Факты немецкой истории» (вышедшем в

209

немецком переводе в 1947 г.) обозревал наследие последнего великого Штауфена, он обобщающе констатировал: «Правление Фридриха II закончилось банкротством. Начиная с момента его смерти было ясно, что он не оставил после себя никакой прочной и жизнеспособной системы, независимой от его личности».

Вскоре немецкая корона стала лишь объектом спекуляций семи обладателей традиционных высших титулов, ставших «курфюрстами», а также внешних сил. Романтический ореол, которым националистическая историография пыталась озарить драматический закат всего правящего дома Штауфенов, был лишь слабым отблеском сиятельной силы императора-еретика и мессии, вместе с которым во гроб сошла старая римско-германская империя.

Какие отрицательные последствия обнаружила несостоятельность Штауфенов как германских королей, обрисовал Фридрих Энгельс в своих «Заметках о Германии»: «Германия, несмотря на отсутствие экономических связей, была бы все же централизована, ...если бы ...не римский императорский титул и связанные с ним притязания на мировое господство, которые сделали невозможным кон-ституирование национального государства и привели к растрате сил в итальянских захватнических походах»². Вопрос о том, чего мог бы достичь Фридрих II, итальянец, как человек, потенциально стоявший у колыбели единого итальянского национального государства, должен быть отнесен к области исторических спекуляций ввиду пораже-

¹ На коронационных торжествах ими исполнялись символические должности. Герцог Саксонский был эрц-маршалом, маркграф Бранденбургский эрц-камерарием, король Богемии эрц-кравчим, а пфальцграф Рейнский эрц-стольником. Три духовных курфюрста, архиепископы Майнцский, Трирский и Кельнский, получили титулы «эрц-канцлеров», а именно: Майнцский — Германии, Трирский — Бургундии, а Кельнский — Италии. (Прим. автора.)

² Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. М., 1961. С. 572. (Прим. ред.)

210

ния, нанесенного Штауфену свободолюбием североитальянских городов.

Последовавший за кончиной Фридриха тотальный политический и военный паралич центральной власти заставляет предположить, что исключительно жизнелюбивый Штауфен, целиком ориентированный на жизнь земную, ввиду суеверного страха уклонялся от того, чтобы заранее позаботиться обо всем необходимом на случай своей преждевременной смерти. Вероятная средняя продолжительность жизни составляла тогда лишь около 30 лет, однако не надо забывать и о том, что Фридрих Барбаросса еще на 65 году жизни подвергался тяжелейшим нагрузкам, пока не утонул во время крестового похода. Рудольфу Габсбургу было 56 лет, когда он принял корону, а умер он в возрасте 74 лет. Незадолго до своего 56-летия Фридрих II, наверное, думал о своей вероятной скорой триумфальной победе над Иннокентием IV и об окончательном закреплении своей династии посредством четвертого брака с дочерью герцога Альбрехта Саксонского, но уж едва ли о скорой смерти. Как можно было бы иначе объяснить тот факт, что он никоим образом не подготовил своих преемников к тому, чтобы в центре власти — а это был постоянно следовавший за императором «большой двор» — гарантировать непосредственное продолжение политических и военных акций?

Приверженцы папы сразу же с успехом начали готовить возвращение их господина из Лиона с помощью действенной пропаганды скорейшей нормализации душеспасительных обрядов (отмена наложенного на всех сторонников Фридриха интердикта). А все еще отлученный от церкви король Конрад IV почти год оставался в Германии на своем «посту наместника». Там у него все-таки никогда не было настоящего авторитета, поскольку он, очевидно, не в состоянии был воспользоваться доставшимися ему браздами правления всей империей.

Но бездействие в этой ситуации означало потерю выгодных позиций, которые удалось завоевать штауфен-

ской партии в течение 1250 г. На Пасху 1251 г. Иннокентий IV отбыл из Лиона и триумфально вернулся в Италию. Впрочем, Рима он сторонился еще долгое время. Громче, чем когда-либо прежде, прозвучал призыв ненависти, впервые произнесенный при низложении Фридриха: «Искоренить имя и тело, семя и отродье этого вавилонянина!» (Вавилон считался местом рождения Антихриста).

Насколько серьезно папская партия собиралась уничтожить весь штауфенский «род гадюк», Конрад узнал уже к Рождеству 1250 г.: только благодаря ошибке ему удалось избежать в Регенсбурге покушения тамошнего епископа и *аббата* монастыря Св. Эммерана, где должны были вестись переговоры по поводу владельческих споров. Покой монастыря не уберег его от кинжалов вероломных убийц, которые в спальне поразили одного из его сопровождающих. Вскоре после Пасхи 1251 г. Конрад (померившись без определенного результата силами с антикоролем Вильгельмом Голландским), казалось, был убежден, что его борьба против немецких нахлебников папы должна будет остаться бесперспективной без поддержки остающихся «нейтральными» немецких князей. Уже теперь сказала политика его отца, утвердившая за князьями статус «территориальных владетелей», не гарантировав отчетливого территориального перевеса владений королевского дома. Эта слабая сторона немецкой центральной «власти», постоянно и тщательно консервируемая внутренними и внешними силами, должна была отныне определять сущность партикуляристской Германской империи и поддерживать в народе страстное ожидание возвращения последнего «настоящего» императора.

Так как Конрад IV, согласно завещанию Фридриха, мог распоряжаться всем наследством, он решил для начала покинуть Германию и сделать свою наследную Сицилийскую державу исходной базой возобновившейся позднее борьбы за всю империю. Он продал, заложил или раздал

212 (в лен) свои германские владения и позднее осенью 1251 г. как «король Сицилии и Иерусалима» отправился в Италию со значительным и, соответственно, дорогим войском. Как пример «галопирующей чахотки», истощающей имперское достояние, надо упомянуть хотя бы потерю герцогства Австрийского (им должен был править пропавший без вести после 1251 г. старший внук императора Фридрих). Оно досталось в 1251 г. Оттокару II Пржемыслу, наследнику короля Венцеля I Богемского. Чтобы легализовать это новоприобретение, Оттокар вскоре женился на Маргарите Бабенберг, вдове короля Генриха (VII). На ставшее бесхозным вместе с Австрией герцогство Штирия претендовал сначала также король Бела IV Венгерский, у которого Оттокар смог вырвать его лишь через десять лет. А какие большие надежды возлагал император Фридрих II на бабенбергское наследство, когда в 1237 г. в Вене позволил избрать королем юного Конрада IV!

Западный связующий путь между Италией и северной империей, проходящий через Мон-Сени и долину Роны, был потерян из-за постоянной борьбы дворянских родов тех мест. Прованс уже с 1246 г. принадлежал младшему сыну Людовика VIII Французского Карлу Анжуйскому, который позднее стал победителем последнего Штауфена.

Сложно сказать, чего ожидал Конрад, тщательно следуя фатальной традиции своего дома перекладывать властный центр тяжести на южную часть империи, в своей особой ситуации отлученного от церкви и, в сущности, противника правящего *de facto* на Сицилии сводного брата Манфреда. Ему, правда, удалось весной 1252 г. на корабле переправиться с побережья Триеста в потрясаемую мятежами Апулию, однако перед проблемами Сицилии мрачный, озлобленный наследник трона, возможно, был еще беспомощнее, чем перед германскими. Настоящая же проба сил еще только предстояла, так как ничто не могло заставить папу снять отлучение, а наместник

213 Манфред хотя и не готовил прямой измены, но и не выказывал особого рвения уступать свою с трудом добытую часть власти законному наследнику. Тем временем Конрад (называвший себя королем Сицилии Конрадом I) 21 мая 1254 г., едва достигнув 26 лет, умер в лагере при Лавелло, не выдержав коварного климата южной Италии. Его хотели похоронить в Мессине, но еще перед церковным освящением в церковь попала молния, и труп сгорел, как будто бы проклятого настигла кара Божья.

Изустная папская пропаганда распространила слух, будто бы Манфред отравил легитимного сводного брата, как раньше приписывала Конраду вину за смерть его младшего сводного брата, 15-летнего Генриха (умершего в январе 1254 г.). Среди сыновей и внуков Фридриха II смерть за несколько лет собрала богатый урожай. Когда изгнанный в 1256 г. из Тосканы Фридрих

Антиохийский умер, сражаясь за свою прежнюю резиденцию в Фодже, занятую папской партией, из сыновей Фридриха в живых, кроме плененного в Болонье Энцио, остался только Манфред, который преследовал на Сицилии свои собственные цели, используя коварство и насилие. В 1258 г., нарушив право наследования своего племянника Конрадина, он узурпировал сицилийский трон, и после этого утвердил во всей стране свое господство с подчеркнуто антигерманской практикой правления, а затем еще раз позволил просиять былой роскоши большого императорского двора Сицилии. Поэты, певцы и ученые получали дружеский прием при дворе мецената, который сам был весьма одарен музами. Дальнейшие успехи его, очень похожего обликом и наклонностями на Фридриха II, в глазах нового папы Урбана IV порождали непосредственную опасность полного обновления штауфенской империи. Поэтому в 1263 г. он, как верховный сеньор, пожаловал Сицилию в лен Карлу Анжуйскому, и в борьбе с хорошо вооруженными французами в 1266 г. Манфред потерял корону и жизнь.

214

Через два года произошел заключительный акт драмы штауфенского дома. Родившийся в 1252 г. в Баварии и выросший там же под опекой своего дяди, герцога Людвига II, сын короля Конрада (также Конрад, позже названный по своему итальянскому уменьшительному имени Конрадином) имел титул герцога Швабии и претендовал на королевский трон Сицилии и Иерусалима. Наследованию в Германском королевстве прежде всего воспрепятствовал своими угрозами папа. Когда же «наследная держава» Конрадина досталась Анжу, пятнадцатилетний юноша позволил вовлечь себя в недостаточно организованный поход через Бреннер. Сопровождаемый лишь немногими сподвижниками из Германии, воодушевленный кратковременным энтузиазмом приверженцев Штауфе-на и поддержанный деньгами некоторых итальянских городов, он авантюрно отправился из Вероны в Рим, где был восторженно встречен «народом и сенатом», а оттуда двинулся к сицилийской границе.

Правление набожных и жестоких французов, повсеместно расценивавшееся как чужеземное господство, было в тягость населению Сицилии, прежде всего мусульманам. Поэтому, узнав о приближении Конрадина, переселенные Фридрихом в Лучеру сарацины, а также представители местной знати, полностью отстраненные от власти новой французской чиновной знатью и ожидавшие от штауфенского государя восстановления на своих старых позициях, тотчас взялись за оружие. Однако в битве при Тальякоццо (23 августа 1268 г.) численно превосходящее войско Конрадина после обманчивого успешного начала было полностью разбито. В вакханалии мести победителей погибли целые гибеллинские знатные роды, как и сарацинская Лучера. Самому Конрадину сначала удалось скрыться, но при бегстве он был узнан, взят в плен и продан Карлу Анжуйскому. Тот же приказал осудить его как государственного изменника и обезглавить. 29 октября 1268 г. в Неаполе.

215

Впрочем, за кулисами большой политики в тюрьме томился еще один потенциальный наследник штауфенского трона, однако свобода так никогда и не была возвращена ему. Король Энцио жил, как уже говорилось, до 1272 г. в относительно гуманном плену в Болонье. Трое сыновей Манфреда с 1266 г. были закованы в цепи в Кастель-дель-Монте, замке для развлечений, который анжуец показательно использовал в качестве тюрьмы. Говорят, что они были выпущены только через 30 лет, то есть намного позже смерти Карла (1285). Последний сын умер лишь через 40 лет в безумии и жалкой нищете.

Самым главным поводом для этой ужасающей жестокости должно было быть отрицательное отношение к режиму французов большинства жителей Сицилии, которое изначально давало хорошие шансы штауфенскому антикоролю. Когда в 1282 г. накопившаяся в результате чиновничьего произвола и невыносимого бремени налогов ярость нашла выход в «кровавой Сицилийской вечерне», которая впредь ограничила господство французов сицилийской частью материка (со столицей в Неаполе), восставшие предложили корону острова зятю короля Манфреда, королю Арагонскому.

Карл Анжуйский, ввиду предположительно каролингского происхождения его бабки и, следовательно, как «потомок Карла Великого», попробовал связать со своим именем миф о Карле, воскрешенный во Франции уже со времен короля Филиппа II Августа. Согласно этому мифу, ему, или, по крайней мере, другому Капетингу, предназначено было возродить Римскую империю, погибшую вместе с императором Фридрихом II (однако с подчеркнуто каролингской традицией). Если даже выборы Рудольфа Габсбурга (1273) разрушили этот план, необходимо при-
нять в расчет пышно расцветшую затем легенду о Карле. В 1282 г. сицилийцы-островитяне

стремились, очевидно, противодействовать этому мифу, поддерживая зародившийся тем временем миф о Фридрихе. Фридрих, сын

216

зятя короля Манфреда (короля Каталонии и Арагона Пед-ро III), мог и должен был позднее, также как «отпрыск императора Фридриха II», занять сицилийский трон.

По схожим соображениям в 1257 г. после смерти короля Вильгельма Голландского германская штауфенская партия стала прочить на трон Альфонса Кастильского, так как он бы внуком короля Филиппа Швабского. Еще большие надежды возлагались на Веттина¹ Фридриха Смелого, ландграфа Тюрингского и маркграфа Мейсенского.

¹ Саксонский княжеский род Веттинов (названный по родовому замку Веттин, расположенному на северо-запад от Галле-ан-дер-Зале) с 1089 г. представлял маркграфов Мейсенских, с 1247г. ландграфов Тюрингских, а после 1423 г. саксонских курфюрстов. В 1485 г. их область правления была разделена между «эрнестинцами» и «альбертинцами». Тюрингские эрнестинцы в 1547 г. уступили сан курфюрста альбертинцу Морицу Саксонскому, чьи потомки были саксонскими королями с 1806 по 1918 г. (Прим. автора.)

ЮН ЖИВ И ВСЕ ЖЕ НЕ ЖИВЕТ»

Как нельзя описать империю Фридриха II без изложения некоторых предпосылок, так и история фольклорного образа нуждается в нескольких предварительных замечаниях.

Корни старой немецкой легенды об императоре (которая ни в коей мере не идентична «современной» легенде о Киффхаузене) уходят в глубь веков вплоть до первых столетий нашей эры, а отдельные ее элементы обнаруживают родство с еще более давними мифами из мира сказаний Древнего Востока. С IV-V веков известны «пророчества Сивиллы» (ими в христианской манере была продолжена традиция античных оракулов) о «последнем императоре». На протяжении последующих двенадцати столетий добавлялись новые «издания» старинных пророчеств, а также новые произведения в этом, очевидно, особенно популярном на протяжении всего средневековья жанре, причем как в рамках церковного учения, так и вышедшие из рядов еретиков, истолковывавших «правоверные» пророчества на свой лад. Сколько всевозможных хитросплетений смогло скопиться с течением времени, проиллюстрирует ниже комментарий к загадочному изречению, программному для этой главы.

Здесь, впрочем, можно будет детально остановиться лишь на пророчествах, относящихся к Фридриху-Антихристу или к Фридриху-* последнему императору» и залю-

218

живших тем самым основу немецкой легенды о Фридрихе. При этом всегда следует учитывать, что такие пророчества составляли только небольшую область мира средневековых представлений, мира для нас чуждого и темного, который сегодня лишь местами скупо освещается лампой исследователя.

Пророчества, как они здесь охарактеризованы, были отнюдь не типичны для средневековой духовной жизни, так же как не согласовываются они и с христианством наших дней. Церковь в соответствии с программным для V века учением св. Августина возвещала, что на земле никогда не наступит действительно идеальное состояние всеобщего счастья. Ее картина мира была в высшей степени пессимистической. Сопровождаемое ужасами и муками явление Антихриста снова и снова предвещалось во времена бедствий как непосредственно предстоящее, но немедленно после этого Страшный суд должен был окончательно завершить земную историю. По ту сторону всех земных бедствий блистала только лишь небесная родина как цель и утешение верующих.

Среди первых христиан было, впрочем, распространено ожидание, что Спаситель вскоре вернется, одержит победу над своими врагами и установит свое мировое господство, которое продлится 1000 лет. Эти видения преследуемых ясно отражены в «Апокалипсисе», написанном апостолом Иоанном «Откровении», которое появилось, вероятно, примерно в конце I века и было включено в Новый Завет при канонизации библейских текстов. Когда при императоре Константине Великом христианство стало официальной религией, надежда на радикальный слом государственного и церковного порядка должна была показаться подозрительной. Поэтому было вполне логично, когда св. Августин объявил, что церковь, уже — несмотря на значительные недостатки — олицетворяет господство Христа. Соответственно была христианизирована общая историческая картина. Наконец, и знаменитым героям из

219

времен до человеческого воплощения Христа или одаренным особой милостью язычникам новейшей истории должно было быть отведено место во вселенском плане Господа.

«История» в средние века была чем-то подлинно таинственным. Она начиналась не с древнейшего письменного предания, а от сотворения мира. Знаменитый хронист епископ Оттон Фрейзингенский, написавший не только уже упомянутые в первой главе «Деяния Фридриха»,

посвященные Барбароссе, которому он приходился родственником, но и всемирную «Хронику», свои историко-философские спекуляции, например, последовательно связывает с шестым днем творения. Вся историческая картина была, соответственно, ирреальной, легендарной. Великими императорами прежних времен были Александр Македонский, франк Карл и гунн Этцель (Аттила), «бич Божий». В их тени в сознании народных масс жили вызывавшие восхищение герои: Дитрих Бернский (хотя папа Григорий Великий и проклял его как арианского короля-еретика) и Роланд, паладин Карла Великого.

Современная история, история в сфере личного опыта, была делом не менее темным. Все пути передачи информации о событиях предоставляли столь многообразные возможности для вольных или же невольных искажений, что хронист, передавший нам, порой много лет спустя, «новости» своего времени — часто весьма проблематичный авторитет.

Он, впрочем, не всегда довольствовался изображением прошлого и настоящего: если его убеждало какое-либо пророчество, он мог описать последнюю фазу истории человечества с тем же преклонением перед авторитетами, с какой он принимал на веру рассказы о прошлом из более давних хроник. Пророчество под его пером становилось историей будущего. И люди тогда твердо верили, что история мира обозрима начиная от сотворения и до Страшного суда. Адам, Ной, Александр и Карл Великий

220

были знакомы им точно так же, как Антихрист, чье неистовство должно было возвестить конец света. Поэтому они были подготовлены и к тому, чтобы однажды увидеть бесов — мучителей и очистителей обмирщенной церкви.

Когда один ученый историограф хотел охарактеризовать императора Генриха VI, отца Фридриха II, он сравнил его — как уже говорилось — с Александром Великим. Крестьянам на берегах Мозеля, которые лишь поверхностно дали обратить себя в христианство, арианский язычник Дитрих Бернский казался после смерти Генриха VI зловещим привидением, но кем же иным, наконец, был этот богатырский персонаж, как не древним германским богом Воданом, пилигримом в широкополой шляпе?

Мифология так же принадлежит к арсеналу исследователя немецкой легенды об императоре, как и знание иудейско-римско-византийских пророчеств, перенятых идеологами Священной Римской империи и актуализировавшихся от столетия к столетию. В этой связи необходимо обратить внимание на некоторые уже упомянутые предпосылки, или элементы, легенды о Фридрихе II: учение калабрийского *аббата* Иоахима Флорского о трех возрастах мира; отождествление Фридриха с императором последних времен «иоахимитами» (по латинскому «joachitae» называемые некоторыми исследователями «иоахитами») в связи с крестовым походом 1228-1229 гг.; более позднее его отождествление с Антихристом другими иоахимитами; соответствующее этому приравнивание их папой и наделение Фридриха II ролью мстящего императора-реформатора; далее постоянная готовность людей поверить в непосредственно предстоящий конец света, как они продемонстрировали это в 1233 г. «Великой Аллилуйей» и паникой, вызванной нашествием монголов, в 1241 г. Однако известны и еще более глубокие корни германской саги об императоре.

Связи между иудейско-римско-византийским пророчествами, их раннесредневековым оформлением и все более

221

разрастающимися в высокое средневековье хилиастическими надеждами на будущее изложил в своей книге «Грядущее царство мира» (1964) берлинский медиевист Бернхард Тёпфер. В то время как понятие «хилиазм», в общем, тесно связано с достижением непосредственного тысячелетнего господства Христа на земле, как оно предвещается в Апокалипсисе Иоанна, Тёпфер понимает под ним «все средневековые видения будущего», «в которых высказаны надежды на приближение идеального состояния еще на земле». Божественный план спасения душ предполагало, правда, уже само его возвещение, но человеческая деятельность и содействие не расценивались как излишние, ибо земные силы, как представлялось, были нужны в качестве «исполнительных органов». Надежда на predetermined исполнение Божьего промысла характеризует все варианты дефинированного таким образом хилиазма: ожидание реформ, которые были согласуемы с принципами феодального порядка; еретические представления, выводы из которых могли бы подорвать существующий общественный строй; и, наконец, действительно социально-революционные идеи, носители которых — например, радикально настроенные гуситы в 1420 г. — постепенно перешли от пассивного ожидания чуда к революционным действиям.

Ожидания последнего императора, связанные с личностью Фридриха II, следует воспринимать как часть этого очень сложного процесса идеологического созревания. Но сначала необходимо коротко упомянуть о важнейших пророчествах о последнем императоре, которые циркулировали до выступления Иоахима Флорского.

Когда в середине VII века в Сирии распространился ислам, возник так называемый Псевдомефодий, пророческий текст, где предвещается явление могущественного императора, который возродит господство Византийской империи над Сирией, в результате чего наступит своего рода золотой век. Речь здесь должна была идти о «короле

222

греков или римлян», который впоследствии, после исключительно счастливой эпохи мира, победит внезапно появившиеся с Востока языческие народы Апокалипсиса, Гог и Магог, придет в Иерусалим и там через десять с половиной лет возложит свою корону на Голгофу. Только тогда должен явиться Антихрист, непосредственный предвестник конца света и Страшного суда. С VIII века латинские переводы этого текста появились во Франции, и в многочисленных вариантах пророчества Псевдомефодия стали передаваться из поколения в поколение. Определенные трудности выявляются с самого начала, так как времени мира, когда Сатана должен быть связан, отведено в Апокалипсисе 1000 лет. Этот малопредставимый срок стал все более сокращаться. Впрочем, в качестве «князя мира последних времен» постоянно оказывался правитель из династии, наиболее близкой тому или иному пророку.

Около середины X столетия некий Адсон из Западно-Франкского государства говорил об одном франкском короле, который будет править римской империей, а в XI веке в Западной Европе получили широкое распространение актуализированные видения тибуртинской сивиллы (при упоминании оракула в Тибуре речь идет о сегодняшнем Тиволи, предместье Рима), возникшие в IV или V веке в Византии. В этих пророчествах сивиллы Констанций был предсказан как последний восточно-римский император, который должен принести с собой золотой век для Византии и Рима (он будет длиться 112 лет). Однако уже в восьмидесятых годах XI века император Генрих IV («кайзер Каноссы») занял место этого Констанция, а около 1160 г. в латинском «Тегернзейском действе об Антихристе» в этом качестве фигурировал сам Барбаросса. Во Франции король Людовик VII за несколько лет до этого удостоился той же чести в связи с его планами крестовых походов. После 1180 г. появилось «Толедское письмо», предположительно арабское астрологическое предсказание, обещавшее

223

французам хотя и не последнюю на свете империю, но роль господствующей в мире силы. (В XIII-XIV веках новые варианты этого пророчества дали мощный импульс возникновению профранцузского сказания о Карле).

До конца XII столетия, то есть до сенсационной интерпретации Библии аббатом Фьоре, для распространенных в Европе ожиданий последнего императора было характерно то, что в них никогда не предвещались какие бы то ни было глубокие *общественные* изменения. Структура общества в этих областях, определявшаяся еще преимущественно натуральным хозяйством, не обнаруживала никаких чрезмерных социальных напряженностей. Это положение до известной степени изменилось в XII веке. Недовольство существующими условиями выражалось в средние века в первую очередь критикой представителей феодальной идеологии, католического клира, а соответствующие надежды на будущее связывались прежде всего с коренным преобразованием церковных отношений. Этому закону развития феодального общественного порядка, открытому Фридрихом Энгельсом, соответствовало то, что средневековые социально-революционные движения возникали по большей части как еретические или, по крайней мере, с религиозными мотивами. Начавшийся около середины XIV века кризис европейского феодализма особенно отчетливо это продемонстрировал.

Однако уже в течение десятилетия перед пророчествами затворника Иоахима и внутри, и вне католического духовенства распространились реформаторские стремления, так как проведенной папой Григорием VII «чистки» (приведшей к спору за инвеституру с императором Генрихом IV) оказалось недостаточно, чтобы смягчить критику по поводу нехристианского образа жизни церковников, которая бродила в народных массах, притесняемых светскими и церковными кругами. Вздывавшийся по всей Центральной, Южной и Западной Европе вал громко высказываемых требований возвращения к жизни в ранне-

224

христианской «апостольской» бедности и строгости нравов (*vita apostolica*) лишь с большим трудом

был на время остановлен с помощью создания новых орденов. Однако именно в этих новообразованиях, прежде всего у цистерцианцев и премонстрантов, вновь и вновь звучали голоса критики в адрес церковной иерархии, которые рисовал всю жизнь вне пропагандировавшегося в качестве образца ордена черным цветом. Только незадолго до Страшного суда — как гласит один из дошедших до нас источников — церковь еще раз приобретет истинно раннехристианскую чистоту и совершенство, и только потом Антихрист возвестит своими ужасами конец света.

Иоахим, некогда *аббат* южно-итальянского монастыря цистерцианцев Кораццо, покинувший монастырь и орден после 15-летнего служения, чтобы основать в пустынном месте вблизи Фьоре живущее строго аскетически братство (см. выше, глава 1), тоже должен был восприниматься обмирщенной церковью как суровый критик. Понтифики его времени считали даже целесообразным не делать из добившегося большого уважения «пророка» своего рода мученика снова приобретающего популярность движения нищенствующих, хотя предлагаемый им на собственном примере образец отшельнической жизни и не был приведен в соответствие с традиционной ролью клира как посредника между человеком и Богом. Но, с другой стороны, мировоззрение монахов-затворников вряд ли было способно вызывать социально-революционные восстания. Позднее более широкую базу иоахимизм получил прежде всего в ордене францисканцев, и именно с помощью толкователей, придавших ему политически актуальные акценты. Таким образом внутри, но еще в большей степени вне церковного ордена он смог легко принять характер еретической идеологии.

Но при этом всегда оставалось сохранено то принципиально новое, что содержалось в видениях Иоахима: прогреваемый прежде в туманной дали конец света ви-

225

делся теперь в волнующей близости. Нынешнему или уже наверняка последующему поколению явится Антихрист. Или он уж начал свое дьявольское дело? Достигнет ли уже вскоре жестокое наказание выродившейся церкви своего апогея? Ведь после этого непосредственно предстоит счастливое мирное время третьей эпохи истории человечества! Правда, если бы Сатана — как предвещалось Откровением Иоанна — не оставался бы прикованным в течение 1000 лет, конец света наступил бы значительно раньше, но: какая неизмеримая милость для живущих в такое время!

Такие пророчества невероятно близкого будущего уже рано вовлекли в себя персону императора Фридриха II. Драматическое развитие его борьбы с воинствующим папством отразилось затем в пророчествах о Мессии и Антихристе, но в конце концов лишь «еретики» могли ожидать спасения от «императора-еретика». Гибеллинские предсказания, которые можно скорее смутно угадать, чем выявить в сочинениях доминиканского патера Арнольда «Об антихристе Иннокентии IV» и «Об очищении церкви», а также подробнее освещенный в следующей главе рассказ о вальденских сектантах в Швебиш-Халле, были абсолютно вытеснены торжествующим иоахимизмом из «официальной» историографии.

Но сначала внезапная смерть их «Антихриста» привела дружественных папству иоахимитов в сильное смущение. Их ожидания, в противоположность гибеллинским, были направлены на определенный год: 1260 г. должен был стать «годом Антихриста», принести с собой кульминацию его неистовства и, наконец, его падение. В кругах, где мнение иоахимитов имело влияние, продолжал упорно ходить слух, что Фридрих II совсем не умер. А в случае необходимости рассчитывали также найти и эрзац-Антихриста в «грешном» роду.

Достаточно ясное представление об этой дилемме дает самый знаменитый хронист того времени, францискан-

226

ский патер Салимбене из Пармы, чье суждение о личности Фридриха было приведено в конце четвертой главы. Вскоре после 1250 г. он цитировал очень популярную в его кругу «эритрейскую сивиллу» (древний оракул в Эритрее находился в колонизованной греками области Малой Азии), которая пророчествовала о Фридрихе II: «*Oculus eius morte claudet abscondita supervivetque; sonabit et in populis: «Vivit et non vivit, uno ex pullis pullisque pullorum superstate»*¹. В сокращенном варианте этого пророчества, появившемся после 1260 г., говорится: «Он умер в тайне и будет жить дальше. Будут говорить среди народов: „Он жив и все же не живет“. Первый вариант, где говорится о том, что один из его потомков (*uno ex pullis...*) продолжит его дело, исчез из пророчества сивиллы, очевидно, из-за распространенного сомнения в смерти Фридриха II.

Когда в 1260 г. несостоявшийся приход Антихриста повлек за собой идеологическое банкротство иоахимизма, выход своевременно нашелся в одном — ошибочно приписываемом Иоахиму Флорскому — комментарии к библейским пророчествам Исайи и в «Пророчестве волшебника Мерлина», легендарного валлийско-бретонского персонажа из сказаний о короле Артуре. Так называемое предсказание Мерлина должно было доказать, что Фридрих II должен достигнуть столетнего возраста. После бесконечного разочарования 1260 г. в Италии все еще надеялись на возвращение императора, но уже не так сильно, как прежде. Большинство иоахимитов еще и в 1290 или 1293 г. ожидало Антихриста

(несмотря на противоречащее этому высказывание в краткой редакции процитированного выше пророчества эритрейской сивиллы), но только уже из числа потомков внушавшего страх

¹ Формальная переводимость иллюстрирует здесь качество средневековой латыни: «Закроет глаза тайной смертью и переживет; зазвучит в народах: „Живет и не живет“, единственный переживет потомков и потомков потомков». (Прим. автора.)

227

«вавилонянина». После того как все сыновья императора и его единственный внук, обладавший правом наследования, умерли, гибеллинские круги начиная с 1269 г. долгое время надеялись на Фридриха Тюрингского, сына дочери императора Маргариты, о котором мы еще расскажем в связи с легендой о Киффаузене.

Но, если следовать выводам самых именитых исследователей, уже цитировавшееся пророчество сивиллы оказалось существенным и для предыстории этого позднего немецкого национального сказания. Уже после смерти Фридриха II в штауфенской южной Италии, прежде всего в районе Этны, возникла легенда о том, что император до определенного времени скрывается в горе. Вскоре он возвратится, переплывает море и там довершит деяния, которые начиная с предсказаний тибуртинской сивиллы приписывались императору Констанцию.

Этна многие века считалась вратами в ад. Оттон Фрейзингенский под 1150 г. кратко сообщает, что Дитрих Бернский якобы въехал туда верхом на коне. В тридцатые годы XIII столетия адово жерло превратилось в место радостей Парадиза: валлийско-бретонский легендарный герой Артур жил там как «король Артур» с избранными героями из числа рыцарей Круглого Стола. В Германии этот идол европейского рыцарства также прославлялся в эпосе. Гартман фон Ауэ в предисловии к своему эпосу «Ивейн», заглавный герой которого принадлежит к Круглому Столу, вспоминает о крестьянах, которые «по сей день верят», что король Артур еще жив. В эпосе «Лоэнг-рин» считалось, что волшебная гора Артура может находиться в Индии — отсылка к рассказам о крестовых походах. Из времени молодости Фридриха II дошло свидетельство одного англичанина, жившего в королевстве Бургундия, Гервасия Тильберийского, который после длительного пребывания в королевстве Сицилия собрал для «императорского досуга» Оттона IV сказки и легенды. Это народная сага об Этне, в которой угадывается боль-

228

шое сходство с легендой о Киффаузене: у одного слуги около Этны убежала лошадь, и в поисках ее он встретил в горах короля Артура...

Между 1257 и 1274 гг. датируется книга францисканца Томаса Экклстонского о начале деятельности его ордена в Англии. Там автор с благочестивым страхом повествует, будто бы один монах наблюдал на берегу моря около Этны, как император Фридрих II с 5000 вооруженными всадниками скакал прямо в вулкан через «шипящее» море. Для этого иоахимита Этна все еще была местом, где горит адово пламя, весьма подходящим для убежища Антихриста.

То, что дело могло рассматриваться и с другой точки зрения, доказывает появление в районе Этны фальшивых Фридрихов, которые все же явно не хотели отождествлять себя с князем тьмы. В 1262 г. один из них смог заполучить значительное число сторонников, демонстративно разбив около Этны лагерь. Это подтверждает предположение, что живущие вблизи вулкана сицилийцы верили в скорое возвращение императора-спасителя, пусть даже и относительно короткое время.

С христианской легендой, возможно, смешалось также одно арабское пророчество, подтверждаемое источниками с VII века, которое повествует о возвращении удалившегося «Махди», спасителя, который в конце времен должен как халиф установить царство мира. Все религиозные споры, вся вражда, даже между людьми и зверями, уляжется. Весь мир станет «одной овчарней и одной церковью». Для живущих на Сицилии арабов Фридрих II после смерти еще более, чем при жизни, был защитником, почитаемым с суеверным страхом. Он легко мог стать «Махди», ждущим на Этне предназначенного дня своего появления.

Однако эта многослойная, трудно уловимая в деталях легенда об Этне осталась лишь эпизодом.

Слишком основательно работал аппарат подавления Карла Анжуйского,

229

слишком громко звучали апокалипсические пророчества иоахимитов.

Сдерживаемое вначале напряжение, вызванное неуверенностью в ближайшем будущем человечества, усиленное местной партийной борьбой между гвельфами и гибеллинами, искало и нашло в 1260 г. выход в массовом психозе. Сначала он разразился в Перудже. Вскоре экстатические толпы кающихся появились и в других городах. Мужчины и женщины избивали себя до крови бичами и призывали прочих последовать их примеру. Снова зазвучала весть о «приближающемся конце света», которая так будоражила умы. В один миг вся центральная и северная Италия огласилась покаянными песнопениями и воплями. В конце 1260 и начале 1261 г. Фриуль, Каринтия, Штирия и Австрия были захвачены манией самобичевания. Отголоски постепенно спадающего в отрешении и разочаровании

потока достигли южной Германии, Богемии, Силезии и даже Польши.

Агитация итальянских иоахимитов могла вызвать напряженные, переходящие в одержимость ожидания конца света, или по крайней мере способствовать этому, но воздействия на создание мифов она нигде в Италии не оказала. Длительная привязанность народной фантазии к определенной личности, как тот же император Фридрих II, пожалуй, и вовсе не принималась во внимание этими себялюбивыми теоретиками.

Они любой ценой искали «своего» Антихриста — а их последователи по всему миру ищут его и сегодня. Однако «Свидетели Иеговы», так называемые Истинные толкователи Библии, ничем не позволяют напрямую соотнести себя с личностью Фридриха II. Они представляют хилиазм «современного» образца, используемый для политических целей.

В то время как в Италии папско-гвельфская пропаганда сконцентрировалась на антиштауфенской, профранцузской легенде о Карле и наряду с этим на ожиданиях

230

исцеляющего все грехи церкви «ангельского папы», в гибеллинских кругах еще была жива надежда на менее мистическое продолжение жизни последнего великого Штауфена. До самого предела биологических возможностей приверженцы ожидали возвращения «без вести пропавшего» из изгнания, которое он сам избрал себе, а возможно, из «искупающего грехи» паломничества. Затем он должен был бы освободить Гроб Господень, а вслед за тем реформировать жесткой рукой псевдохристианскую папскую церковь.

Письменные свидетельства о надежде на возвращение павшего в борьбе (хотя и не побежденного на поле брани) дошли до нас по очевидным причинам крайне скудно. Самые ранние содержатся в нотариальных свидетельствах, в которых один ювелир из Сан-Джиминьяно, возле Флоренции, на протяжении 1257 г. бился об заклад в общей сложности с шестью персонами в том, что Фридрих II еще жив.

Около 1260 г. Саксонская всемирная хроника, описывает события 1251 г.: «В это время говорили, что император Фридрих умер; часть народа все же утверждала, что он еще жив; сомнение длилось долгое время». Продолжение этой хроники, доводящееся лишь до 1265 г., резюмируя, повторяет, видимо, вскоре после 1270 г.: «После императора Фридриха государство оставалось без какого-либо короля (!)... целых двадцать лет, так как никто не знал, был ли император Фридрих мертв или же нет». Около 1280 г. венец Яне Эникель рассказывал в своей стихотворной всемирной хронике, что император скрывается, никто не знает, куда он отправился, и по сей день «в романских землях» люди спорят о том, умер он или еще живет «где-то на белом свете». Баварское продолжение стихотворной хроники повествует около 1315 г.: «Они похоронили императора в городе Фоджа столь тайно в день Святой Люции, что изрядно простолюдинов и господ в разных странах почти 40 лет верило, что он жив, и

231

ждало, что он вернется и должен будет править империей с тем же могуществом и военной мощью, как делал он это 33 года подряд».

Между тем в Германии чудо возвращения Фридриха II все-таки произошло, и даже в нескольких местах сразу.

ЛЖЕ-ФРИДРИХИ

История знает бесчисленные примеры появления людей, сознательно вводящих в заблуждение или душевнобольных, которые выдавали себя более или менее длительное время за какого-либо исторически значимого властителя (или его наследника), если его смерть была окутана тайной, и имели при этом порой поразительный успех. Роман-пародия Фейхтвангера «Лже-Нерон» оживляет воспоминание об исторически реальном авантюристе, а незаконченная драма Шиллера «Димитрий» («Demetrius») должна была воплотить судьбу Лжедмитрия, предположительно младшего сына царя Ивана IV Грозного. Некоторые слишком самонадеянные «воскресшие», как, например, появившийся в Сицилийском королевстве фальшивый Манфред или проследовавший по северной Италии Лже-Конрадин, были, правда, быстро разоблачены. Однако если какой-нибудь особенно изощренный авантюрист умело использовал политическую обстановку и тоску народных масс по мнимому избавителю, он, вероятно, мог на некоторое время завоевать власть и уважение. В бранденбургской истории известен один подложный Вальдемар (герой одноименного романа Виллибальда Алексиса), который в 1348 г. получил эфемерное историческое значение как орудие будущего императора Карла IV против территориальной политики династии Виттельсбахов.

233

Подобную же благоприятную ситуацию в 1225 г. использовал «граф Балдуин Фландрский», чей подлинный прототип принимал участие в «крестовом походе» 1203-1204 гг., а в 1205 г. как император

Константинополя (по милости Венеции) пропал без вести в борьбе с болгарами. К графству Фландрия, сохранявшему определенную самостоятельность между Францией и Германией, относились как французские, так и немецкие ленные владения. Территориальные разногласия дочери Балдуина графини Иоанны и ее супруга с французским королем привели к длительным военным осложнениям, а счет должны были, как всегда, оплачивать горожане и крестьянство. Тогда-то и появилась легенда, что Балдуин в скором времени вернется во Фландрию и принесет своему многострадальному народу мир и благосостояние.

В 1225 г. действительно объявился тот, кого так ждали, и даже сама графиня Иоанна, несмотря на большое сходство с ее отцом, колебалась намного дольше, чем следовало. Ему удалось завоевать уважение даже у знати, но прежде всего среди городских цеховых ремесленников, стремившихся участвовать в городском управлении, его авторитет возрос настолько, что ненавистная графиня вынуждена была просить о разорительной помощи своего прежнего противника, французского короля Людовика VIII. Между тем якобы сам английский король предложил этому «Балдуину» заключить союз. Благородный обманщик, став неосторожным из-за первых успехов, допустил свое участие в учиненном Людовиком VIII допросе, который оказался ему не по силам. После этого его покинула знатная «свита». Наконец, он, несмотря на переодевание, был узан по дороге к папе во Францию, взят в плен и осенью того же года повешен в Лилле. Простой же народ верил, что в образе этого авантюриста жертвой интриг своей властолюбивой дочери стал настоящий Балдуин, и еще долго оплакивал его кончину, не переставая одновременно надеяться на его возвращение.

234

Свое веское слово в решении вопроса о подозрительном пришельце наряду с французским сюзереном мог сказать и немецкий (для так называемой имперской Фландрии). Поэтому тогдашнему имперскому наместнику Эн-гельберту Кельнскому было бы правильнее рекомендовать, в соответствии с основной его мыслью о политике в союзе с Англией, создать сложности французским противникам «Балдуина», признав его. Но это было бы не в духе профранцузской генеральной линии Фридриха II, а значит, Лже-Балдуин уже через несколько месяцев должен был потерпеть крах.

Вспыхнувшая в процессе конфликта вокруг этого «спасителя» социальная борьба в некоторых наиболее значительных городах Фландрии была первым актом затянувшейся на столетия вражды между утвердившимися патрицианскими родами и негодующими массами социально угнетенных. Из экономически продвинутой Фландрии борьба в среде бюргерства вскоре перекинулась и на Германию. Там бюргеры важнейших и наиболее крупных городов до последнего надеялись на победу Штауфена, так как один только могущественный император или король мог гарантировать безопасность торговых улиц, этих жизненных артерий городского хозяйственного организма. После 1250 г. они вынуждены были отражать разбойничьи нападения князей. Из возникших таким образом «объединений» многих городов после 1254 г. приобрел общенациональное значение Рейнский союз городов. Между Цюрихом, Бременом и Любеком, Ахеном, Кольма-ром и Мюльхаузенем в Тюрингии для восстановления земского мира объединились более 70 городов, но и церковные и светские князья примкнули к союзу с двойственными намерениями. Уже вскоре после 1257 г. он был расформирован в связи с внутренним соперничеством. И все же экономическая мощь некоторых городов выросла, что повлекло за собой дальнейшую социальную

235

дифференциацию. На этой почве в последнее десятилетие XIII века сильно возросла социальная напряженность, так как значительно увеличилось число утративших экономическую базу и недовольных людей.

После пагубного деспотического владычества крупных и мелких феодалов в период междоусобицы правление Рудольфа Габсбурга, поначалу также с надеждой приветствовавшееся, не смогло гарантировать земский мир и защиту прав, несмотря на энергичные действия против отдельных разбойников знатного происхождения. И когда возросшие налоговые притязания, как, например, закон о «тридцатом пфенниге» (всеобщее обложение имущества в размере $3 \frac{1}{3}$ процента) натолкнулось на жесткое сопротивление, прежде всего в эльзасских городах, воспоминание о последнем императоре превратилось в воспоминание о «добром старом времени». То, что Фридрих II был отлученным от церкви «еретиком», едва ли продолжало играть роль в сравнении с недостатками «поповского короля» Рудольфа.

Почти всеобщая атмосфера национального недовольства дала плодородную почву для легенды о возвращении демонического Штауфена. Как только какой-нибудь таинственный незнакомец выдавал себя за пропавшего императора, он легко находил доверие и поддержку. Каких размеров достигла эта готовность поверить в чудесное обновление штауфенской империи в 80-е г. XIII века, вряд ли можно узнать из исторических источников, все еще контролировавшихся антиштауфенскими правителями. Кольмарские анналы под 1248 г. лаконично повествуют о том, что отшельник Генрих выдавал себя за Фридриха II. Хронист Детмар из более независимого города Любека рассказывает подробнее, что в

1284 г. «император Фридрих» был дружески принят там и «простой люд» проводил его с почестями через город. Бургомистр, который много раз бывал при императорском дворе с посольствами, говорил с ним уважительно, однако вскоре после этого чужак бес-

236

следно исчез. Действительно историческое значение приобрела только загадочная фигура, появившаяся в хронике под нижненемецким именем Тиля Колупа (верхненемецкое имя — Дитрих Хольцшу).

Возможно, «Фридрих», появившийся в Кельне вскоре после коротких «гастролей» в Любеке, и Тиль были одним и тем же лицом. Встреча в Кельне, однако, была намного менее дружелюбна, так как там против него, очевидно, сразу же выступили люди архиепископа. Во всяком случае, он был высмеян и выдворен из города как сумасшедший. Тем сердечнее приняли его горожане близлежащего города Нойса. В этом средней величины городе, находящимся во вражде с архиепископом Кельнским, своим сеньором, «возвратившийся император» смог многие месяцы по всей форме держать свой двор. Скупые известия об этом «правлении» весьма противоречивы. Во всяком случае кажется нелогичным думать о человеке крестьянского происхождения или из ремесленной среды, который лишь внешне напоминал бы Фридриха II. Чтобы суметь сыграть роль самого значительного правителя своего времени, недостаточно было только производить впечатление сколько-нибудь «почтенного». Предполагались по меньшей мере достаточно интимные знания об императорском дворе и исключительное владение иностранными языками. Письма к графам Брабанта и Голландии дошли до нас, правда, только в сомнительных копиях, но исследователи, которые считают их подлинными, учитывая пышность несомненно штауфенского канцелярского стиля, склоняются к предположению, что в лице возвратившегося императора предстал один из без вести пропавших потомков злосчастной династии. Также сомнительный по подлинности ответ графа Голландского (сына антикороля Вильгельма!) жестко отменил все претензии «нежданного призрака».

Кроме того, из Нойса могли также исходить дарственные грамоты и «изъявления милости» в расчете на от-

237

ветные финансовые услуги. Все же архиепископ Кельнский позднее даже судился с аббатисой Бертой Эссен-ской из-за одной такой грамоты. Старых рыцарей, знавших императора еще со времени крестовых походов, «возвратившийся» должен был называть по именам и чествовать по их заслугам. Слухи о таких доказательствах подлинности бродили по стране. Итальянские города и маркграф Эсте послали гонцов, чтобы узнать подробности, а Салимбене в своей доходящей до 1287 г. хронике писал, что в 1284 г. снова ожили надежды, питавшиеся иоахимитами в первое десятилетие после смерти Фридриха в связи с пророчествами тибуртинской сивиллы. Английский хронист заметил в этот год: после того как императорский трон более 32 лет пустовал, Фридрих II появился, чтобы принять императорское достоинство. Многие, считавшие его Антихристом, были этим очень удивлены, так как полагали его мертвым.

Таким образом, не так уж невероятен рассказ страс-бургского хрониста Элленгарда о том, что некоторые князья из ненависти к королю Рудольфу поддержали Фридриха из Нойса. Магдебургская хроника шеффенов называет даже имена: Фридрих Смелый Тюрингский, его брат Дицманн и его зять Генрих Брауншвейгский.

Такое развитие событий король Рудольф, который весной 1285 г. как раз собирался насильно принудить мятежные эльзасские города к уплате специального налога, не мог больше терпеть сложа руки. Он прервал осаду Кольмара и отправился на север. Меж тем Тиль Колуп оставил свою «резиденцию», возможно, потому, что архиепископ Кельнский угрожал осадить город, а может быть, чтобы найти еще большую поддержку у эльзасских городов. В Вецларе, примкнувшем к союзу городов против Рудольфа Габсбурга 9 мая 1285 г., он был принят с почестями, однако когда король Рудольф появился перед городом, патриции — согласно официальному донесению — выдали его, не сопротивляясь.

238

Рис. 19. Эккегард и Ута.
Кафедральный собор в Наумбурге (около 1250 г.)

Лишь мимоходом в составленной неподалеку от Вец-лара грамоте короля Рудольфа упоминается о человеке, который выдавал себя за императора, был изобличен во лжи и ереси и тем самым заслужил смерть на костре. 7 июля 1285 г. он был сожжен. Только во время пыток, как заявляют в общем-то менее авторитетные хронисты, он назвал свое имя: Тиль Колуп (в варианте написания верхненемецких источников — Дитрих Хольцшу¹). Так как крестьяне в XIII веке еще не носили фамилий, имя «Тиль Колуп» могло быть присвоено пытаемому как дискриминирующее символическое имя. В исторической литературе оно, во всяком случае, утвердилось.

Так как облик и поведение сожженного за ересь плохо подходят крестьянину, то, быть может, позволительно дать больше воли фантазии, чем законам строгой науки. Можно было бы предположить за этой маской пропавшего без вести сына короля Генриха (VII). Его мать, последняя из династии Бабенбергов, после 1251 г. вышла замуж за короля Оттокара II Богемского, который присвоил себе Австрию и Штирию. Однако сыновья коронованного мятежника, исключенные из череды законных наследников, только в более надежном убежище могли надеяться избежать не слишком разборчивой истребительной политики папской партии. В таком случае возможно, что рожденному в 1234 г. Генриху или (вероятно, умершему в 1252 г. в Италии) старшему Фридриху тяжелое положение Рудольфа Габсбурга придало мужества сыграть роль возвращенного императора. Сильную поддержку любой из выступивших таким образом с самого начала мог получить как минимум у многочисленных тогда вальденсов.

¹ Дословно — Дитрих Деревянный Башмак. (Прим. ред.)

ЛЕГЕНДА О ФРИДРИХЕ С КОНЦА XIII СТОЛЕТИЯ

Тиль Колуп погиб как мнимый еретик, и если можно полагаться на уверения страсбургского хрониста Эллен-гарда, одного из ревностных пропагандистов гвельфской партии, еретики всегда были самыми энергичными приверженцами афериста из Вецлара. Впрочем, легенда о Фридрихе никогда не

становилась программной составной частью идеологии определенного германского еретического движения, во всяком случае, этому нет доказательств. В сороковые годы лишь секта вальденсов обра- щала несомненные надежды к живому, обвиненному в ереси и отлученному от церкви императору. Для таких надежд имелся знаменитый, хотя тоже не слишком ободряющий пример: римский реформатор церкви и государства Арнольд Брешианский обратился к Фридриху Барбароссе с предложением позволить «римскому народу» короновать себя как императора. Однако император внял обычному государственному резону и передал Арнольда как еретика папе. В 1155 г. этот народный трибун был повешен, а затем предан «очищающему пламени». Но его учение об апостольски-бедной церкви сохранило своих последователей в Германии и что нашло новых, например, доказывает появившаяся во время первой битвы императора Фридриха II с папством песня Вальтера фон дер Фогельвейде о «старом отшельнике».

241

Вальтер советует императору (1227 г.) лишить всех церковных князей, подтвердивших его отречение лицемерным понтификом, приходов и пожертвований. Его упреки в отношении нехристианских действий церкви уже цитировались в третьей главе.

Приведенное в седьмой главе послание королям и князьям Европы, в котором Фридрих II после своего низложения в 1245 г. клялся, что «Нашим намерением всегда было привести клириков всех рангов, особенно высокопоставленных, в состояние древней церкви», представило его самого пропагандистом основной вальден-ской идеи.

Подобные высказывания императора могли вдохновить немецких сектантов в Швебиш-Халле, которые, без сомнения, принадлежали к большой семье разрозненных вальденских групп, на открытое выступление. О нем рассказывает хронист Альберт Штадский в 1248 г.: якобы они объявили, что папа — еретик, а епископы и прелаты — еретики и симонисты (ибо они рассматривают церковные должности и должностные обязанности как покупаемые), да и вообще все католические священники сплошь обманщики. Тот же, кто сам живет во грехе, не может отпускать грехи. Лишь сами они, священники из мирян, преподносят еще чистое учение Христа, и только они сами могут освободить от грехов. В конце концов один из них сказал: «Молитесь за господина императора Фридриха и его сына Конрада, ибо они *совершенны* и справедливы». «Совершенными» (*perfecti*) вальденские мирские священники называли самих себя.

Также уже упомянутый монах-доминиканец Арнольд, написавший между 1243 и 1250 гг. два крайне резких письма против папы Иннокентия IV, в которых прямо назвал его Антихристом в смысле пророчеств Иоахима Флорского, казалось, должен был иметь тесную связь с народом, в то время как авторы поддерживающих папу псевдоиоахимитских трактатов писали скорее для

242

узкого круга единомышленников. Арнольд называет себя «защитником бедных» и объясняет, что из сострадания к ним, а также по велению Господа представил императору свои реформаторские предложения.

Вальденсам из Швебиш-Халле, которые особенно резко критиковали нищенствующие ордена, доминиканец Арнольд вряд ли симпатизировал. Тем не менее подобные, разрозненно дошедшие до нас подтверждения различной, но сходно воздействующей в своей антипапской заостренности религиозной агитации в пользу императора дают твердое основание считать, что широкие слои населения могли быть достаточно неуязвимы для клеветнической кампании папской церкви против Фридриха II. Это и было, пожалуй, важнейшей предпосылкой для внедрения привнесенных из Италии фольклорных сюжетов и пророчеств о возвращении «далекого императора», которые вскоре после казни еретика Фридриха из Нойса начали сливаться с немецкими народными чаяниями в единую легенду. В Вецларе *немецкая* легенда прошла в некотором роде «испытание огнем».

Тиль Колуп якобы утверждал, что он уже на следующий день воскреснет из пепла костра, и действительно, после него еще являлись мнимые Фридрихи. Первый вскоре после смерти Тиля привлек к себе большое внимание в Голландии. Он утверждал, что возвратится к жизни через три дня после сожжения. После того как его посадили в тюрьму в Генте, а потом снова выпустили, он был вскоре повешен возле Утрехта. Следующий появился в Любеке около 1287 г.

Насколько далеко проникали рассказы и слухи о таких «чудесах», наглядно демонстрирует рифмованная хроника штирийца Оттокара, которая была написана вскоре после 1300 г. Там утверждается, что после сожжения Тиля Колупа (названного здесь «Тирманн Хольцшу») ждущая чуда толпа народа перерыла весь пепел костра, но не нашла там ни единой косточки. Это было расценено

243

всеми как доказательство того, что «император Фридрих» по воле Господа «должен был остаться в

живых и покарать священников».

Принадлежащий к основному составу легенды мотив «изгнания попов» изначально относился к ожиданиям, основывавшимся на пророчествах о «третьем Фридрихе». Так как после Фридриха Барбароссы его сын Фридрих также погиб во время крестового похода в 1190 г., то надеявшиеся на Фридриха II крестоносцы, стоявшие перед Дамьеттой в 1221 г., подсчитали, что император ведь, собственно говоря, — третий Штауфен, носящий это имя. И в ожиданиях последнего императора, касавшихся «нелегального» крестового похода Фридриха в 1228-1229 гг., эта интерпретация определенно сыграла свою роль.

Около 1300 г. в Австрии вальденсы, как представляется, были особенно многочисленны. Один сожженный в 1315 г. вблизи от Вены «епископ еретиков» определил на допросе их число примерно в 80000. Широко распространявшиеся на Западе надежды на «третьего Фридриха» могли бы там обратиться и на старшего сына короля Генриха (VII), о чьей судьбе неизвестно ничего определенного. В упоминавшейся только что стихотворной хронике штирийца Оттокара, впрочем, не находится оснований для подобных спекуляций, хотя фантазии ему было не занимать. Исползованные им клерикальные изложения процессов над Фридрихом из Нойса и Вецлара (Трирская хроника и хроника Элленгарда) в один голос утверждали, что этот обманщик является еретиком и колдуном. Это точно отражено в стихах Оттокара, но вместе с тем можно различить косвенно выявляемые черты народной легенды, прославлявшей в человеке из Кельна, Нойса и Вецлара настоящего императора Фридриха. Когда король Рудольф принуждает горожан Нойса выдать ему ЛжеФридриха, у Оттокара «der povel» (бедняки) и «община» реагируют следующим образом: «Они сказали, что это

244

было бы преступление и вопреки всякому праву, если передать господина в плен его слуге (!)...» В отличие от Трирской хроники и от хроники Элленгарда здесь ярко выражена направленность против Рудольфа Габсбурга. Покрытые тайной события в Вецларе Оттокар представляет так, что король якобы приказал сжечь Тиля Колупа, несмотря на гарантированное его посланниками эскортное право и вопреки решению княжеского суда.

Рано появившийся вариант, повествующий о том, что Фридрих II еще жив, так как всего лишь бежал в чужую страну от преследования могущественного противника, был широко распространен стихотворными текстами конца XIII и начала XIV столетия. Дальнейшие указания на сказочные добавления к легенде можно найти в хронике францисканца Иоганна Винтертурского, описавшего в своем швейцарском монастыре время от начала правления Фридриха II до 1348 г. Он также повествует (под 1348 г.) о рассказах, которые свидетельствовали, что император якобы покинул Европу с доверенными лицами своего двора, чтобы избежать предсказанные арабскими астрологами несчастья. Предположительно около 1400 г. немецкий поэт по имени Освальд Писатель, живший, вероятно, в северной Венгрии, рассказывал об «исчезновении» Штауфена во время охоты: с помощью кольца, делающего невидимым, он будто бы удалился от сопровождавших его. Кольцо, одеяние из асбеста и омолаживающий напиток были якобы подарками легендарного короля-пресвитера Иоанна, (жившего, по предположениям, в Эфиопии).

Так был потерян там Высокородный император Фридрих; Куда он затем отправился И обрел ли он там свой конец, Этого не может сказать мне никто; Был ли он дикими зверями Съеден или растерзан,

245

Никто не может знать правды,
Или жив ли он еще,
Нет в нас уверенности
И истинной правды.
Все же рассказывали нам
Крестьяне такое предание,
Что он часто показывался
В виде паломника,
И открыто говорил им,
Что он еще обретет власть
Над всеми римскими землями;
Что он прогонит всех попов,
И он не прекратит и не отступится,
Пока не освободит Гроб Господень
И вместе с ним Святую Землю
Не возвратит снова в длань Христа
И не повесит свой щит
На сухую ветвь.
То, что я говорю как правду,
Рассказанную крестьянами,

Я не принимаю на веру,
Потому что не видел его.
Я также никогда
Не видел это написанным где-либо,
Я это только слышал
Воистину от старых крестьян.
Но то, что высокородженный
Император Фридрих пропал
Таким образом и в том месте,
Об этом говорит римская хроника.

Ссылка на «римскую хронику» — вероятно, намеренно неопределенное сообщение об источнике. Официальных имперских анналов давно уже больше не существовало. В то время как явление Фридриха в образе пилигрима упоминается и другими хронистами, «частые явления перед крестьянами» — нечто совершенно новое. Теперь «паломник» является такой же подлинно фольклорной фигурой, как Дитрих Бернский, и в этом образе Фридрих мог также принять черты «паломника Водана».

246

Однако среди состоятельных горожан были, очевидно, невысокого мнения о призрачных появлениях такого рода, предназначавшихся как будто специально для глупых крестьян, и тем выше оно было об искусном мейстерзанге, в который можно было вплести литературные достоинства. Давние сказания сивиллы снова оказались в большом почете, и то, что сивилла говорила о Фридрихе II, постепенно стало относиться к другим Фридрихам боковых штауфенских линий и, наконец, после 1314 г. было отнесено к королю Фридриху Красивому (Австрийскому). Когда же его противник, Людвиг Баварский, в 1322 г. одержал победу, сивилла не замедлила учесть эту политическую реальность.

Людвиг Баварский в 1323-1324 гг. начал последнюю тяжелую борьбу средневековой империи против папства, содержащегося французским королем в Авиньонском плену, но тем не менее, очень опасного. Тогда появилась песня мейстерзанга, имеющая значение для нашей темы. Один певец-бюргер — вероятно, в Регенсбурге — сложил «в сером тоне» радуги мейстерзанга три строфы, которые, к сожалению, при воспроизведении в оригинальном тексте будут понятны не всем. Песня начинается с жалобы на тяжелые времена. «Но если военная нужда станет невыносимой, тогда по воле Господа придет великий щедрый император Фридрих и повесит свой щит на сухое дерево... Так будет освобожден Гроб Господень, и наступит мир на земле. Для всех император создаст равное право. Он отменит все плохие новшества. Все языческие народы станут почитать его, евреи (тогда олицетворение «монополистического капитала») не смогут ему повредить. Только каждый седьмой священник останется у дел. Он закроет монастыри, выдаст замуж монашек, чтобы они делали вино и водку. Если все это сбудется, настанут лучшие времена».

То, что в поэтическом обрамлении сказано здесь о возвращении Фридриха II, сообщается в хронике Иоганна

247

Винтертурского под 1348 г. в значительно более резкой форме. Император Фридрих вернется в былой силе и величии, чтобы реформировать разлагающуюся папскую церковь, даже если он был порезан на тысячу кусков и сожжен дотла (тем самым, без сомнения, намекается на Тиля Колупа). Затем он выдаст бедных девушек и женщин замуж за богатых мужчин и женит бедных мужчин на богатых женщинах; монахов и монахинь он также принудит к браку. Вдовы, сироты и незаконнорожденные должны будут получить отнятое у них, и вообще для каждого будет восстановлена справедливость. Император будет так беспощадно преследовать клириков, что они, если не найдется никакого другого головного убора, будут вынуждены покрыть тонзуры коровьим навозом, чтобы не быть опознанными как священники. Всех монахов, которые возглашали низложение Фридриха на Лионском соборе, в особенности францисканцев, он изгонит из страны. После того как он окончательно примет во владение свою империю и будет править некоторое время еще справедливее и славнее, чем прежде, он отправится через море и на Масличной горе возле Иерусалима или около «сухого дерева» (на Голгофе) откажется от императорской короны.

Существенные черты этой народной легенды, переданные нам с критической антипатией францисканцем Иоганном Винтертурским, совпадают с содержанием ранее описанной песни мейстерзингера, однако в версии Иоганна обращает на себя внимание наивная уравнилельная тенденция: социальные различия должны быть устранены посредством заключения брака!

В течение века пророчество о последнем императоре имело своей целью только религиозные реформы, и первая стадия развития народной легенды о возвращающемся императоре Фридрихе II точно это отобразила. И если в середине XIV века религиозные ожидания расширились до религиозно-социальных надежд, то это должно

248

пониматься только на фоне социально-экономических изменений, которые прямо-таки апокалипсически воздействовали также в духовной и психологической сфере, коснувшись людей во всей Европе.

На протяжении всего средневековья существовали процессы бичующихся, эпидемии чумы, вера в дьявола, религиозный фанатизм, проявлявшийся прежде всего в ужасных гонениях на евреев, а также чудовищная жесткость во время военных конфликтов. Однако около 1350 г. все это приняло столь неслыханный размах, что можно было говорить о кризисных явлениях. И действительно, историки хозяйства констатируют «кризис феодализма». По поводу этой многосторонней, до конца еще не решенной проблемы, здесь будет сказано только то, что постоянно растущий слой неимущих в это время начал становиться действенным фактором общего исторического развития. Запутанная политическая ситуация после 1347 г., когда император Людвиг Баварский внезапно погиб на медвежьей охоте, а папский антикороль (с 1346 г.) Карл IV еще не мог добиться признания во всей империи, могла также способствовать появлению в версии легенды о Фридрихе, с которой познакомился Иоганн Винтертурский, социально-реформаторских черт. Исследователь легенды Г. Шульт-хайс реконструировал народную версию того времени следующим образом: «Император Фридрих II был могущественным и мудрым правителем Римской империи в Германии и Италии, и был также королем в Сицилии по наследству от отца и в Палестине в результате похода за море. Он ведал многими тайными вещами, так что ему с радостью служили даже сарацины, и у него было кольцо, которое могло сделать его невидимым, когда он это хотел, а также чары против огня и волшебный напиток для омоложения. Он смог бы помочь истинному апостольскому христианству получить власть; но епископ Римский был столь могущественным, что даже император должен был бояться его проклятия, и он заставил импера-
249

тора принять законы против бедняков из Лиона (валь-денсов) и других добрых христиан. И тогда пришел другой папа, который был еще больше враждебен императору и объявил, что тот лишается всей своей империи, потому что он по-другому верует и должен выполнять предписания римской церкви. Император же велел выпустить письмо, что хочет снова привести христианство в то же состояние, как во времена апостолов... Но священники были слишком могущественны... Императору сказали его астрологи, что ему угрожает большая опасность, которой он может избежать, если укроется где-нибудь, пока времена не переменятся. Он последовал этому совету, волшебное кольцо помогло ему в этом... А позднее он вернулся, чтобы испытать народ, и собрал совет в Нойсе и Вецларе. Но новый король Рудольф и епископы римской церкви были враждебны ему, и из-за предательства он попал в их руки. Рудольф осудил его как врага католической церкви. Но император был спокоен, так как его время еще не пришло, и огонь не мог причинить ему зла. Между тем он часто являлся как пилигрим простым людям, имевшим истинную веру, и говорил им, что вернется, чтобы вступить в свое правление, когда по воле Господа будет тому время. Но с тех пор, как Людвиг Баварский, избранный королем, взял в плен антикороля Фридриха и сам себя объявил в Риме императором, власть папы ослабла и пришло время императору Фридриху опять вернуться в государство. Император снова водрузит свой щит (как символ господства) в Германии, Италии, а также в Палестине. Затем он окончательно повергнет власть папы, смирит фальшивых священников, а учителя, следующие примеру апостолов, получат полную свободу. Он упразднит монастыри, вернет беднякам то, что у них забрала церковь, и будет править в мире столько, сколько продлится еще его жизнь». Об отказе от трона и конце света в этом, подчеркнуто народном представлении речь не идет.

250

В реконструкции допускается тесная связь сказаний, враждебных церкви и верховным властям, с вальденской ересью как логически очевидное предположение, но еще никто не смог привести ясного доказательства в этом смысле, во всяком случае для Германии. В Италии и даже в Провансе ожидания, связанные с возвращением Фридриха, были обнаружены в еретических сектах, а именно у последователей революционного предводителя крестьян Фра Дольчино (в 1304-1307 гг. он возглавлял восстание в северной Италии), у провансальских катаров и в первой половине XIV века у южнофранцузских бегинов. Так как там все надежды были сконцентрированы на появление «третьего Фридриха», то более подробно это затрагивать не стоит.

Нельзя доказать также влияние на немецкую народную легенду ожиданий возвращения Фридриха, которые, возможно, играли определенную, но отнюдь не доминирующую роль у тюрингских флагеллантов со второй половины XIV века.

Если постоянно обнаруживаются одни лишь предположения по поводу дальнейшего развития

легенды из-за нехватки современных ему подтверждений, то за это, очевидно, ответственны также драконовские меры Карла IV. Они были направлены не только против всех еретиков — прежде всего против ускользающих из-под контроля церкви религиозных общин бегардов и бегинок — но и против «кошунственных» текстов всех видов. В эдикте 1369 г. всем духовным и светским властям было строго приказано поддерживать инквизиторов в поисках антицерковных немецких трактатов, проповедей и листовок. Видимо, не нуждается в доказательствах тот факт, что органам надзора «поповского короля» Карла казались более чем опасными подтверждения надежд на врага попов и императора мира Фридриха. Таким образом, мы вынуждены обходиться сообщениями преследователей об их жертвах.

251

Ужасная волна чумы 1348 г., которая как «черная смерть» нанесла огромный ущерб населению Европы и вызвала новое движение бичующихся с путаными ожиданиями конца света, была, правда, самой опустошительной, но далеко не последней в средние века. С 1368 по 1369 г. была особенно поражена Тюрингия, которая вместе с прочими веттинскими территориями слыла более сильно, нежели другие германские земли, охваченной и другой скверной эпидемией, ересью. Для истории легенды о Фридрихе представляет определенный интерес то, что предводителю германских флагеллантов в 1368-1369 гг., Конраду Шмидту, одним католическим комментатором оставленных им «пророчеств» было сказано, что тот якобы хотел считаться «королем Тюрингии» и «императором Фридрихом». Дату Страшного суда он предсказывал на определенный день 1369 г. До этого дня он, однако, немного не дожил, так как был сожжен незадолго до этого вместе со многими его соратниками по вере.

За его «откровения» в Тюрингии упорно держались «тайно бичующиеся» (криптофлагелланты) на протяжении XIV и XV веков, но даже еще и в XVI веке. В различные моменты они ожидали начала Страшного суда, к которому должен был вновь объявиться также Конрад Шмидт. В 1414 г. в Зангерхаузене бичующиеся порицали как Антихриста всю католическую церковь. Вместо императора-спасителя должен был явиться пророк Илия в образе нового пророка Конрада Шмидта и победить Антихриста. Если этот «новый пророк» действительно выдавал себя за Фридриха II, то, конечно, только потому, что в Тюрингии ожидания конца света были намного теснее связаны с возвращением императора Фридриха, чем в других областях Германии.

«Пилигрим», который, согласно Иоганну Винтертурско-му и Освальду Писателю, являлся «крестьянам», посещал — по примеру живого императора раннего средневековья — важные имперские крепости — теперь руины, —

252

чтобы укрепить или возобновить в тех областях свою власть. Так повествуют более поздние хронисты, не вдаваясь в подробности. Подлинные местные легенды существовали только в районе вокруг горы Доннерсберг около Кайзерслаутерна, горы Унтерсберг около Зальцбурга и прежде всего поблизости от руин имперского замка Киф-фхаузен.

Самая давняя ссылка на легенду о Фридрихе, относящаяся к Кайзерслаутерну, датируется временем незадолго до 1500 г. и гласит: император умер втайне, так что никто не знает, действительно ли он мертв. «И по сей день в некоторых местах ходит легенда о том, что он еще живет на западе империи, недалеко от Кайзерслаутерна». Сказание подразумевает, впрочем, не созданный Фридрихом Барбароссой пфальц в лесу «Лутара», а скалистую гору севернее города Доннерсберг. Здесь Фридрих II занял место Водана, который много веков назад как бог ветра выезжал оттуда со своим «яростным» войском душ и всегда снова возвращался в гору. Каким образом чаяния и ожидания связывались с этим «императором Фридрихом», определить более подробно нельзя.

Легенда Унтерсберга дошла до нас в таком же неопределенном виде, и здесь корни также надо искать в древних мифологических представлениях о царстве душ, находящемся в горе. Старейшее свидетельство основывается на мнимом рассказе простого человека из Рейхен-халля о своем пребывании в горе. Только через 35 лет этот Лазарь Айцнер смог поведать о том, что в дни с 9 по 14 сентября 1529 г. показывал ему один монах-францисканец, строго велевший молчать об этом 35 лет. Устно передававшиеся фантазии были обработаны для печати одним католическим «народным писателем» лишь в XVIII веке. Если верить ему, то Айцнер видел в Унтер-сберге «императора Фридриха», «который однажды исчез на Вальзерберге», а с ним и других старых императоров, королей, князей и рыцарей, господ и слуг, «которые помо-

253

гут спасти и защитить христианскую веру в последние времена». Нет ли здесь созвучия с

легендой, записанной Освальдом Писателем? Но о реформах церкви и государства здесь речь больше не идет. Позднее Фридрих II, впрочем, был вытеснен из мифа Карлом Великим. Гора «Вальзерберг», названная наряду со сходным по значению «Вальзерфельдом», была в германской мифологии полем битвы в последней борьбе. На ней зеленеет даже «сухое грушевое дерево», на которое должен повесить свой щит император-спаситель из ранней легенды о Барбароссе. Здесь вряд ли можно узнать старую народную легенду о Фридрихе II. Впрочем, уже Иоганн Вин-тертурский говорил об «императоре Фридрихе», совершенно в общих чертах, хотя и с однозначным отношением к внушающему страх «врагу попов». Однако через 100 лет в так называемой «Реформации императора Си-гизмунда» — анонимном проекте реформ 1440 г., позднее нашедшем отклик в требованиях восставших крестьян 1525 г. — появился «граф Фридрих» или «король священников Фридрих», «который должен принести всей стране мир». Но наряду с легендой, скупо сохраненной традицией, все еще продолжали расцветать пророчества, которые с удивительным упорством делали то одного, то другого Фридриха предметом более или менее выраженных мессианских надежд.

Особенно суровую проверку терпения и веры народных масс принесло с собой долгое правление императора Фридриха III (1440-1493), чье имя довело до высшего предела ожидания, накопившиеся со времен крестового похода Фридриха II, не осуществив их между тем ни на йоту. Этот осторожный, по возможности избегавший военных конфронтации Габсбург, был так усердно занят политикой утверждения своего дома, закладкой фундамента будущего мультинационального габсбургского государства, что германские князья могли без помех нару-

254

шать земский мир и опустошать свои земли в кровавых междоусобицах. Мир и право снова были «смертельно ранены», следуя знаменитому «имперскому шпруху» Вальтера фон дер Фогельвейде, а насилие в империи достигло абсолютного апогея. Все это тем более воздействовало на сознание народных масс, когда турки, завоевавшие Константинополь в 1453 г., стали угрожать Западу апокалипсическим набегом как новые «языческие народы Гог и Магог».

Особенно ясное представление о нуждах и страхах того времени дает «Книга ста глав и сорока статутів так называемого верхнерейнского революционера», ставшая общедоступной только с 1967 г. Этот возникший на рубеже XV и XVI веков весьма объемный свод реформ анонимного автора, которого Герхард Чебиц посчитал выходцем из рыцарской среды, первоначально должен был быть посвящен императору Максимилиану (1493-1519), но в ходе работы автор решил, что от государства и церкви господ нельзя было ожидать ни понимания в существующих неблагоприятных обстоятельствах, ни доброй воли к их устранению. Все чаще мрачными апокалипсическими картинами он указывает на то, что «бедный человек» неизбежно должен помогать себе сам, что уже намечалось в тайных союзах Башмака. В качестве избавителя народных масс по старым и новым пророческим образцам возвещался мессия Фридрих, который должен был физическим уничтожением покарать господ, если те не захотят вернуться на путь истинный.

До недавнего времени этот свод реформ, доступный оценке лишь по описанию их открывателя (Г. Гаупт, 1893), считался выражением разрастающейся радикализации широких слоев населения перед Великой крестьянской войной, но анализ Чебицем всех имеющихся в наличии исторических источников доказывает, что возвещенный «спаситель народа» был бы в первую очередь представителем нового господства знати. «Таким образом раскрывается

255

хилиазм верхнерейнского революционера, который в значительной степени дезактивирует народные массы как субъективный продукт общественно-политической беспомощности» (Чебиц). Если рассматривать с этой точки зрения, то укоренившееся в науке имя «верхнерейнского революционера» является дезориентирующим.

Если в XV веке многие предсказания руководствовались надеждой на грядущее вскоре царство божественного мира, в котором власти, виновные во всех социальных и политических неурядицах, должны были понести справедливое наказание, то социально-революционное вдохновение легенды об императоре, переданной Иоганном Вин-тертурским, никогда более не было достигнуто снова. После 1350 г. легенда о Фридрихе лишилась социальной остроты и была идеализирована. Это можно обнаружить на примере отпечатанной в 1519 г. в Ландсхуте народной книги об «императоре Фридрихе, первом этого имени, с длинной рыжей бородой». Здесь Фридрих Барбаросса впервые однозначно воспринимает функцию императора-спасителя Фридриха. О нем говорится, что он якобы все еще живет в полой горе и однажды вернется, чтобы наказать

священников и повесить свой щит на сухое дерево. Это дерево он должен затем заботливо охранять. Уже одно это добавление ново. Незнакомый автор завершает затем еще более удивительным меланхолическим рассуждением: «Это правда, что дерево будет охраняться,, однако какой из императоров повесит на него свой щит, это знает лишь Бог!» Не упраздняет ли такая, высказанная в заключение неопределенность, новую легенду о Барбароссе?

Отчетливее, чем эта народная книга, о старых надеждах на возвращение врага священников Фридриха напоминает созданная в этот же период народная песня, пусть даже и в «веттинском варианте», который видел его воплощенным в его собственном потомке с тем же именем. Особенно в Саксонии и Тюрингии появление Лютера под за-

256

щитой Фридриха Мудрого, без сомнения, воскрешало в памяти старинные пророчества, «Новая прекрасная песнь о пророчестве сивиллы», напечатанная в 1531 г. в Саксонии, но возникшая на десятилетие раньше, чувствует «герцога Фридриха Саксонского» как покровителя Лютера и в целом обобщенно — как щит от папской анафемы. В 18 строфах поэт агитирует за актуальные тогда политические цели. Легенду о Фридрихе он использует как желанную историческую легитимацию: те письма удивляют нас безмерно, о Фридрихе говорящие, который должен завоевать Гроб Господень, при том стоит дерево, оно без листьев; свой щит он должен на него повесить. Папа вырвал дерево с корнем, Обманул нас его отсутствием, он — Антихрист.

Названная в заглавии «сивилла» упоминается только в одиннадцатой строфе, а именно, как ни странно, в качестве провозвестницы пророчества о Карле («о его деяниях она много сказала...»), которое не описывается подробнее, но явно олицетворяет императора Карла V. Еще более путанным является указание на то, что Антихрист, то есть папа, должен быть отмечен крестом. Однако золотой крест считался отличительным знаком «Фридриха III», с которым некоторые представители династии Веттинов с тем же именем (как, например, тот же Фридрих Смелый) якобы тоже должны были появиться на свет. Связанные с этим псевдоиоахимитские пророчества могли, конечно, подойти как для императора мира, так и для Антихриста.

Такие темные, внутренне противоречивые предсказания еще долго бродили в умах верящих в чудеса людей, пока более просвещенная эпоха не покончила с такими

257

*Рис. 20. Руины замка Киффхаузен около 1800 г.
Гравюра на меди Фаралы по рисунку Отто Вагнера*

представлениями. Между тем настоящая народная легенда о возвращении Фридриха II в Киффхаузен сохраняла среди них наибольшую силу воздействия и обрела, наконец, единственную точку кристаллизации.

ЛЕГЕНДА КИФФХАУЗЕНА

Предыстория легенды Киффхаузена снова уводит в сферу ранних иоахимитских ожиданий конца света, в которых Фридрих II «или один из его потомков» исполнял роль Антихриста, претворенную дружественными Штауфену интерпретаторами, однако, в роль несущего мир императора-мессии. Когда в 1268 г. умер Конрад-дин — последний законный наследник трона Штауфенов, надежды непреклонных иоахимитов сконцентрировались на втором сыне единственной оставшейся в живых законной дочери императора, Маргариты, а позднее, как уже говорилось, на сыне дочери короля Манфреда, Констанции Арагонской.

После того как Маргарита десятилетним ребенком была «брошена» ее первым женихом, Германом II Тюрингским, через три года она была обручена с двухлетним (!) Альбрехтом Тюрингским, за которого вышла замуж в 1256 г., когда ему исполнилось шестнадцать лет. В 1262 г. Альбрехт стал ландграфом. Брак с представительницей рода Штауфенов, старше его на одиннадцать лет, был весьма выгодным для него из-за солидного приданого в 10000 марок серебром. Так как Гогенштауфены ко времени заключения брака вряд ли уже могли располагать такой суммой наличными, были отданы в залог земли по реке Плейсе и свободный имперский город Альтенбург. После десятилетнего брака Альбрехт, однако, влюбился в

259

юную фрейлину и из-за своего в высшей степени нерыцарского отношения к жене и их четырем детям получил прозвище «Испорченный», то есть «Невежественный». В 1270 г. Маргарита вынуждена была бежать из Вартбурга, так как на нее планировалось покушение. В горе от разлуки с мужем она укусила своего второго сына, Фридриха (род. 1257), в щеку — во всяком случае, некоторое время он звался «Фридрихом с укусом», однако в историю вошел как «Фридрих Смелый». Маргарита бежала во Франкфурт-на-Майне, который в этих обстоятельствах выказал себя особенно дружелюбно по отношению к штауфенскому дому. Через несколько недель ландграфиня все же умерла, в возрасте всего лишь 41 года.

Уже за год до этих событий, вскоре после казни Конрадина, итальянские гибеллины выдвинули кандидатуру Фридриха Смелого на сицилийский трон. Соответствующий литературно стилизованный «манифест», был обращен к его деду, Генриху Сиятельному Тюрингскому. Там содержались указания на «предсказания» и «оракула пророков», в соответствии с которыми «Фридрих III» был призван уничтожить Карла Анжуйского и его род, чтобы возродить империю Фридриха I. В это время ко двору Веттинов по достоверным источникам действительно прибыли итальянцы. Возможно, «пророчество» под 1269 г. в Эрфуртской хронике можно свести к такого рода пропаганде. Это предсказание гласило, что Фридрих III должен раздвинуть свое правление до границ мира и лишит власти папу. В 1269 г. имя Фридриха Смелого появилось в грамотах, составленных в честь двенадцатилетнего Веттина, как «Фридрих III, король Иерусалима и Сицилии, герцог Швабии, ландграф Тюрингии, пфальцграф Саксонии».

Хотя в 1271 г. в торге за германскую королевскую корону интересы Фридриха были ущемлены вмешательством курии в пользу Рудольфа Габсбурга, даже после его избрания (1273) в широких слоях народа долго еще жили ожидания, связанные с именем Веттина. Эрфурт-

260

екая хроника приписывает ему в 1308 г. — подхватывая распространенное в народе мнение — амбиции по поводу вновь ставшего тогда актуальным вопроса о кандидатуре на трон, а родившийся в 1278 г. хронист Петр Цитта-уский рассказывает в Кёнигзальской хронике, что в его детстве всем было известно пророчество: Фридрих Смелый, будучи могущественным императором, когда-нибудь совершит «чудеса» в отношении клира. Какого рода они должны быть, объясняет политический писатель Александр Ресский. Под 1280 г. он рассказывает: «давным-давно» в Германии существовало пророчество, что «корень греха» из рода Фридриха II по имени Фридрих унизит церковь, будет унижать и мучить священников. Эта недостаточно конкретная ссылка позволяет, во всяком случае, задуматься и о другом Штауфене с тем же именем.

Только когда Фридрих Смелый умер в 1323 г., не осуществив ни одного связанного с ним предсказания, пророки, ни в коей мере не удрученные своими ошибками, обратились к другому «несущему избавление». Насколько живучи были эти не связанные больше напрямую с Фридрихом II предсказания и происходящие от них политические интерпретации, уже демонстрировалось на примере бюргерской народной песни XVI века в конце предыдущей главы.

Постоянно вновь актуализируемые пророчества о Фридрихе и конкурирующие с ними, агитирующие за преемников Карла Великого, заглушили, очевидно, бытующие в народе легенды. Их дальнейшее развитие удастся проследить лишь в 20-е годы XV века, так как с уверенностью принимаемый одними исследователями и вновь оспариваемый другими отклик пророчеств, агитирующих за Фридриха Смелого в народной легенде, нельзя пока основательно ни доказать, ни опровергнуть. Не подвергается, однако, никакому сомнению то, что уже само выдвижение кандидатом на трон потомка Штауфена и не прерывавшаяся 200 лет линия Фридрихов поддерживали в Веттин-

261

ской династии память о давних ожиданиях последнего императора, а тем самым и существенно содействовали дальнейшей жизни народной легенды.

Наряду с этим можно счесть общепризнанным, что надежды на возвращение Фридриха II могли возникать и подпитываться всюду, где обновление штауфенского господства обещало реальные или даже ирреальные выгоды. От низложения центральной власти страдали прежде всего имперские министерялы, управлявшие частями далеко раскинувшихся владений короны, которые не могли защи-

тить себя от притязаний новых территориальных правителей. Страдали также горожане и крестьяне, чье ненадежное обычное «старое право» также ущемлялось новыми господами. На Золотом лугу, у подножия Киффхаузена, было сконцентрировано особенно много старого имущества короны. Когда в 1520 г. Лютер в своем послании «Христианскому дворянству немецкой нации об улучшении христианского состояния» вспоминал о том, сколь постыдным было отношение понтификов к Фридриху I и Фридриху II, как и к другим германским императорам, он, вероятно, выразил чувства, которые еще были близки многим жителям саксонской Тюрингии. В хрониках из лагеря папской партии этому, конечно, нельзя найти подтверждения.

Городской писарь Эйзенаха, а позднее каноник и капеллан ландграфини Анны, Иоганнес Роте (1360-1434), автор оконченной в 1421 г. «Хроники дурингов», подхватывает упрек клерикальных хронистов старшего поколения с бойцовской страстью: так как сам император Фридрих был еретиком, значит, все, кто верит в его возвращение, тоже еретики. Во времена Роте такое обозначение еще грозило смертной казнью. Только в 1414 г. в Тюрингии на костер за несколько месяцев было отправлено 168 упорствующих сектантов.

Роте является первым поручителем за существование легенды Киффхаузена о Фридрихе II. Он рассказывает:

262

«От этого императора... пошла новая ересь, которая еще живет тайно среди христиан, и они твердо верят, что император Фридрих еще жив и останется живым до Судного дня, что после него никто не станет истинным императором, и что он бродит вокруг Киффхаузена в Тюрингии, обретаясь в разрушенном замке и в других разрушенных крепостях, принадлежащих империи, говорит с людьми и иногда дает себя увидеть. Это мошенничество — дело рук дьявола. Этим он искушает еретиков и простодушных христиан». Чего именно ожидали искушаемые таким образом от императора, придворный капеллан, к сожалению, нам не открывает.

Так как замок Киффхаузен в 1407 г. еще считался пригодным для проживания, Роте описывает, очевидно, незадолго до 1421 г. действительно раннюю локализацию легенды о Фридрихе. Под «пустынным замком», впрочем, могла пониматься уже заброшенная часть обширного замкового комплекса. Во всяком случае, Фридрих появляется здесь только в образе пилигрима.

В это же время городской священник Эйнбека, Теодерих Эгельгус, упоминает о «слухе», распространившемся будто бы после сожжения Тиля Колупа — о том, что император Фридрих II еще живет «in castro confusionis» (в разрушенном замке). Знаменитый философ Готфрид Вильгельм Лейбниц вскоре после 1700 г., будучи брауншвейгско-люнебургским придворным историографом, странным образом прокомментировал это замечание Эгельгуса, так, что «confusio» нужно читать как «Cufhusen» или «Kyihusen». Однако в другом месте Эгельгус точно называет место — «castrum Kyffhusen». Гессенская хроника конца XV века со ссылкой на Эгельгуса сообщает об императоре Фридрихе: «И еще в Тюрингии, как и должен, живет он в своем замке Киффхаузен».

Нововведение, что он ждет дня своего возвращения в полую гору, привносит «летучий листок» 1537 г., через двенадцать лет после битвы при Франкенхаузене у под-

263

ножия Киффхаузена, где истекли кровью более 6000 приверженцев Томаса Мюнцера. В этом варианте легенды речь идет о пастухе овец, которого император Фридрих якобы сам проводил в гору, чтобы отблагодарить за песню. Там он показал ему воинов и оружие, с помощью которого отвоюет Гроб Господень. Прочие традиционные задачи императора, реформы церкви и государства, стали отчасти беспредметны после первых шагов Лютеранской Реформации, после же исчерпания немецкой раннебуржуазной революции революционным хилизмом анабаптистов из Мюнстера (1534-1535) на открытую критику больше никто не отваживался. Идеализация легенды была следствием глубокой разочарованности и покорности.

Правда, такая покорность судьбе уже с середины XIV века заговорила в легенде о Фридрихе, и все же напрашивается вопрос, почему революционно настроенные крестьяне центральной Германии собирались в 1525 г. именно возле Киффхаузена. Возможно, освящение капеллы для паломников у Киффхаузена в 1433 г. связано с верой в возвращение старинного, озаренного фальшивым сиянием императорского величия и связанной с ним, но в феодальных условиях абсолютно нереальной надеждой на восстановление «мира и права»? То, что после увядания этой туманной надежды вслед за убийством крестьян в 1525 г., вера в чудо Киффхаузена выжила, доказывает не только листовка 1537 г., но и большое внимание, привлеченное в 1546 г. к душевнобольному портному из Лангензальцы, жившему в руинах крепости и выдававшему себя за «императора Фридриха». Известие об этом проникло даже на смертный одр Лютера в Эйслебене. Чтобы предотвратить беспорядки, граф Шварцбургский приказал прогнать портного. Но даже еще через полвека в одном «дворянском зеркале» говорится о том, что это событие «у многих еще свежо в памяти».

Наряду с замком Киффхаузен в ученой литературе о спящем императоре предпочтительное место

сказочный «замок у Кайзерслаутерна». В «Разговоре одного римского сенатора с одним немцем, произошедшем в году 1537» итальянец спрашивает, что рассказывают в Германии об императоре Фридрихе. В Италии якобы все еще говорят о его таинственном исчезновении и о предсказании, что к определенному сроку он снова объявится в Германии. Его немецкий собеседник с поэтическим именем Парцифаль отвечает на это: император, дескать, живет в скальном гроте около Кайзерслаутерна — то есть не в «замке», а в горе Доннерсберг — но некоторые люди считают, будто он сидит в одной горе около Франкенхаузена и при случае является там пастухам овец.

Таким образом, здесь совершился переход от скитающегося императора к императору «оседлому». Одновременно исторический образ воспринимает мистические функции бога Водана, чей культ бытовал на Доннерсберге и вблизи Киффхаузена. Невозможно с уверенностью отделить дохристианское наследие от новых декоративно-поэтических элементов. Народная фантазия и отсвет «ученой» фантастики снова и снова заново формировали образ спящего императора Киффхаузена, как это можно увидеть уже в 1681 г. у собирателя легенд Преториуса: с длинной бородой, сидящим глубоко в горе за круглым столом и ожидающим дня, когда вороны перестанут кружить вокруг горы... Итак, здесь появляются знаменитые вороны, происхождение и значение которых все еще остается загадкой. К сожалению, в заметках наших авторитетов обнаруживаются в основном собственные субъективные дополнения и красочные добавления, перенятые от более ранних авторов, в то время как все «несовременное», с другой стороны, опускалось, так что первоначальная субстанция старой народной легенды постепенно сошла на нет.

Типичным является публикация городского врача Норд-хаузена Г. Г. Беренса, чей позднее литературно обработанный рассказ послужил Фридриху Рюккерт «фабулой» к

его знаменитому стихотворению о Барбароссе. В его «*Hercynia curiosa*» («Курьезном Гарцвальде»), неоднократно переиздававшемся с 1703 г., Беренс относит легенду о Фридрихе к области адских фантазмагорий. Предположительно хранящееся в поллой горе сокровище дало бы только повод преступным спекуляциям глупостью легковверных. Как и в народной книге 1519 г., легендарный император называется «Аэнобарбусом или Барбароссой, то есть Красной Бородой», но с этим именем не связывается никакой политической или социальной программы. Мотив, по которому этот император «бежал в это место с несколькими сподвижниками», упоминается так же мало, как и задачи, которые ждут своего разрешения после ожидаемого обновления его империи незадолго до Судного дня. Между тем борода спящего уже переросла через стол. Пастуха-овчара, которого он призвал к себе с помощью карлика, он должен спросить: «летают ли еще вороны вокруг горы». Когда тот утвердительно ответил на этот вопрос, Краснородый сказал, что тогда он должен спать еще сто лет.

Однако после заверения, что Фридрих I погиб во время крестового похода в Малую Азию, Беренс следующим образом ограничил ту определенность, с которой тот изображался в качестве истинного легендарного императора: «Некоторые собираются уже сказать, что существующий в горе император Фридрих является другим, так ведь и тот точно так же мертв и лишен жизни в Апулии, во флорентийском замке, своим внебрачным сыном Монфредо, отчасти посредством яда, а отчасти — удушения».

Окончательный перенос легенды Киффхаузена на личность Фридриха Барбароссы последовал лишь в литературном обращении к немецкому средневековью, которое является особым отличительным знаком немецкого романтизма. Склонность к сентиментальной идеализации средневековой имперской эпохи получила дальнейшие импульсы в связи с распадом Священной Римской импе-

рии германской нации, о котором 6 августа 1806 г. приказал объявить император Франц II из династии Габсбургов в венской церкви Девяти Ангельских Хоров. Несмотря на этот торжественный церемониал, один английский историк сравнил в целом все-таки купечески расчетливую манеру этой ликвидации с роспуском акционерного общества. Такого рода «деловитость» не менее отчетливо отобразилась в поведении бывших «акционеров», немецких князей, по отношению к Наполеону.

Испытывая ко всему этому крайнее отвращение, патриоты вроде Йозефа Гёрреса мечтали о возрождении старого, почти тысячелетнего рейха, в котором больше не могло быть места для все еще непреклонно летающих вокруг горы «воронов Киффхаузена». В 1807 г. Гёррес во вступлении к заново изданным им Немецким народным книгам описал свое «посещение» Фридриха Барбароссы, который глубоко в горе держал совет в окружении великих людей германской истории. От него он якобы и получил импульс «оживить» старинные истории.

Между тем Венский конгресс 1815 г. безжалостно развеял надежды немецких патриотов, подчинив многих жителей Германии власти надменных и враждебных народу князей, которые ничто не забывали и ничему не учились. Возможно, что опубликованное в 1817 г. стихотворение Фридриха Рюккерта

было написано под впечатлением этого конгресса, так как и основной тон песни, и соответствующая ему очень простая мелодия выдержаны в минорной тональности:

«Старый Барбаросса, император Фридрих,
В подземном замке околдован.
Он никогда не умирал, он живет там и поныне;
Он скрылся в замке и уснул сидя.
Он забрал туда с собой величие империи
И когда-нибудь в свое время вернется с ним.
Из слоновой кости стул, на котором сидит император;
Из мрамора стол, на который он склонил голову.

267

Его борода не цвета льна, а цвета пламени,
Переросла через стол, на котором покоится его подбородок.
Он кивает как во сне, его глаз полуоткрытый мигает,
И через весь зал он подзывает к себе слугу.
Он говорит во сне слуге: «Выйди из замка, о карлик,
И посмотри, летают ли еще вороны вокруг горы.
И если старые вороны все еще летают,
Я тоже должен спать волшебным сном еще сто лет».

Эта песня, ставшая духовным приобретением многих поколений немецких школьников, была обработана братьями Гримм в их «Немецких преданиях» (1816-1818 гг.) по версии Преториуса и, несомненно, весьма и весьма способствовала тому, что местная народная сказка превратилась в немецкую национальную легенду. Но распространение одновременно означало и сужение. Император мира из провинциального сказания превратился в императора немецкого. Вместо империи Фридриха перед концом света новый вариант провозглашал опасно-неконкретное «величие империи», не говоря, за чей счет. Время хилястических ожиданий последнего императора, правда, давно прошло, и в качестве патриотического стимулятора после разочарования 1815 г. легенда лишь медленно снова набирала силу.

Когда Генрих Гейне, со времени Парижской революции 1830 г. «француз поневоле» с мучительной ностальгией по родине, захотел объяснить своим новым землякам бедственное положение немцев, от которого напрасно надеялся спастись в Париже, он показал им во многих журнальных статьях помимо прочего также и типично немецких героев сказок и легенд. В появившемся в 1837 г. под заголовком «Духи стихий» немецком переводе, к сожалению, не хватало многого из написанного за два года до этого в Париже, как и упоминания о легенде Киффаузена. Гейне проявил себя тогда как истинный немецкий романтик: «Сюда, определенно, вложено большее, чем просто сказка, — в поверье будто император

268

Фридрих, старый Барбаросса, не умер; когда его слишком сильно осадили попы, он будто бы нашел спасение в горе, называвшейся Киффаузен. Говорят, что он скрылся там со своей свитой, до того дня, когда он явится вновь, чтобы спасти немецкий народ. Эта гора находится в Тюрингии, недалеко от Нордхаузена. Я там часто проходил мимо, и в одну прекрасную зимнюю ночь задержался в тех местах больше чем на час и не раз прокричал: „Приди, Барбаросса, приди!“ И сердце жгло мою грудь, и слезы катились по моим щекам».

Это еще звучит как «немецкие сантименты», но уже под строгим контролем критического разума Гейне. Несколькими строками раньше он пояснял своим французским читателям: «Французы давно выросли из средневековья, они созерцают его в спокойствии и могут отдавать должное его красоте с философской и творческой беспристрастностью. Мы, немцы, глубоко застряли в этом средневековье: мы все еще боремся с его гнилыми представителями; следовательно, мы не можем столь благосклонно им восхищаться. Напротив, мы должны разжечь в себе пристрастную ненависть, чтобы наша раздробленная сила не была парализована».

Созданный в это время литературно-критический шедевр Гейне «Романтическая школа» является плодом этого осознания. Конец главы XVI возникшей в Германии в 1844 г. «Германии, зимней сказки», этой расплаты с реакционными современниками и реакционной традицией, еще более ясно показывает, насколько основательно поэт преодолел аполитичную немецкую романтику. Слишком хорошо знакомый с политическими преследованиями, сдружившийся с живущим уже несколько месяцев в Париже Карлом Марксом, гонимый поэт мог представить себе, как бы отнесся вернувшийся Барбаросса к актуальным проблемам домартовского периода¹. И в конце протека-

Период до начала революции 1848 г. в Германии. (Прим. ред.)

269

ющего соответствующим образом диалога с историческим привидением, самодовольно «ковыляющим» по залам своего подземного дворца, поэт расправляется с собеседником без церемоний:

«Господин Рыжебородый, — крикнул я громко, —
ты старое сказочное существо,
иди же спать, мы спасемся без тебя!»

Уже в июне 1844 г. силезские ткачи с их голодным восстанием, первым волнением только еще возникающего немецкого промышленного пролетариата, вызвали у Гейне сострадание и патриотическую ярость и доказали ему, что обращение к собственной силе у народных масс может снискать больший резонанс, чем отсылки к полубожественному спасителю, все равно, зовут его Барбаросса или Рюбецаль. Впрочем, классическую форму этому осознанию дал лишь в 1871 г., году Парижской коммуны, француз Эжен Потье во второй строке «Интернационала».

Германии 1871 г. принес упоение созданием рейха (правда, не императором Германии, но все же «немецким кайзером»), и в этой связи легенда Киффхаузена получила в «национально настроенных» кругах большую популярность. В хоре поэтов, чествовавших Вильгельма I Го-генцоллерна как «освободителя Барбароссы», звучала лира и Карла Герока, прелата и придворного проповедника из Штутгарта. В его очень часто цитировавшемся тогда стихотворении «К торжеству мира» он провозгласил:

Нет «римской империи», возникла германская, Это означает не войну, это мир принесет стране.

Но не националистическое отчуждение легенды Киффхаузена дало повод растянуть «двойную биографию» императора Фридриха II вплоть до основания рейха в 1871 г., а одновременное открытие исторической наукой «истинного» императора из легенды.

270

В попытках связать новую империю Гогенцоллернов с традицией средневековой империи историк Георг Фойгт в 1871 г. выдвинул фольклорный образ Фридриха II на первый план своего конъюнктурного исследования легенды Киффхаузена. Слишком незначительно дифференцирующие тезисы Фойгта о том, что немецкая легенда об императоре зародилась в Италии и что ее важнейшие элементы попали в Германию вместе с пророчествами францисканских иоакимитов, разожгли растянувшуюся на многие десятилетия научную полемику, на результатах которой базируется этот экскурс. В то время, как легенда о Барбароссе должна была послужить филистерским союзам бывших фронтовиков и страдающим манией величия покорителям мира в качестве бутафории для националистического балагана вокруг Киффхаузена, в кабинетах ученых была восстановлена — практически без привлечения общественности — фигура *двуликого* императора из легенды, который во времена мрачных ожиданий конца света и национальных бедствий был одновременно Антихристом и Спасителем, как когда-то и исторический Гогенштауфен.

В этой книге лишь в ограниченном объеме довелось обрисовать, как вырос этот фольклорный образ из истории, еще являясь во времена Фридриха Смелого и ЛжеФридрихов политическим фактором, как он затем на протяжении XIV века наполнился революционным содержанием, оставаясь все же недейственным в сфере реальной политики и, наконец, стал служить новым политическим целям в качестве сменяемого «императора по заявкам». Через сто лет после основания империи Бисмарком имеет смысл вспомнить о старой, почти забытой народной легенде о Фридрихе II, сицилийском Гогенштауфене.

Попытка вытеснить «узурпатора» Барбароссу из легенды Киффхаузена и водворить героев средневековых сказаний на свои места была бы глупа и бесперспективна. *Оба* имеют свое место в нашей национальной истории.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Авиньон 184, 246

Австрия 130, 135, 162, 188, 194,

212, 229, 239, 243 Адидже, р. 116, 125 Адриатическое побережье 36,
106

Аквилея 131, 132 Аккон 90, 127 Акуино 116 Алессандрия 168 Альбингия северная 126 Альгейм 151 Альпы,
горы 35, 44, 46, 55,

59, 64, 86, 139, 158, 163,

178

Альтенбург 258 Ананьи 90, 183 Англия 17, 32, 33, 35, 47, 130,

168

Анкона 37, 90, 127 Анконская марка 33, 87, 83, 95,

148, 177, 200, 202 Апеннины, горы 85 Аппиева дорога (Via Appia)

108 Апулия 11, 13, 32, 47, 48, 54, 75,

83, 85, 104, 138, 151, 176, 183,

185, 202, 265

Аравия 23

Арагон 36

Арденны, горы 37

Армения 36

Аугсбург 77, 125, 158, 179
 Африка 23, 45
 Ахен 39, 61, 68, 75, 120, 234
 Ачерра 116
 Бавария 130, 135, 214 Баден 135 Бари 84, 85 Базель 60, 74 Бамберг 43 Барлетта 85, 106 Беневент 47, 176 Бергамо 166 Берн 37 Богемия 229 Боденское оз. 60, 118 Болонья 86, 146, 168, 179, 197, 213, 215 Боппард 144 Бордо 203 Борнхёфед 127, 129 Брабант 66
 Бранденбургская марка 125 Брауншвейг 129, 154
 272
 Брауншвейгско-Люнебургское герцогство 154 Брейзах 60
 Бремен 134, 142, 162, 234 Бреннер, перевал 59, 77, 89, 116, 161, 196, 202, 214 Брешиа 146, 166, 168, 180 Бриндизи 65, 85, 90, 94, 157 Бувин 67, 123 Бургундия (Арелат), королевство 26, 196
 Вавилон 211 Вавилония 26 Вайблинген, замок 80 Вайсензе 59 Вандом 64 Вартбург 157, 195, 259 Ватикан 87 Везер, р. 141 Вена 163, 212, 243 Венгрия 168, 181, 182
 — северная 244 Венето 200 Венеция 36, 63, 116, 162, 179, 233 Верден 128 Верона 59, 138, 161, 166, 185, 187, 193, 214 Верчелли 200 Веттерау, равнина 180 Веттин, замок 216 Вецлар 237, 240, 244, 249 Византия 47, 222 Вимпфен, пфальц 150 Витербо ПО, 177, 185, 196 Виттория, укрепленный лагерь 198 Виченца 162 Вормс 42, 65, 130, 133, 145, 150
 Вюрцбург 71, 122, 137, 193
 Галле (-ан-дер-Зале) 67
 Гамбург 127
 Гарцбург 70
 Га эта 58
 Геннегау 66
 Гент 242
 Генуя 58, 84, 85, 183, 184
 Германия 12, 13, 16, 17, 26, 28, 32, 34, 35, 36, 38, 40, 44, 48, 56, 59, 65, 104, 120, 138, 144, 151, 158, 179, 210, 231, 233
 — западная 155
 — северная 40, 61, 126
 — центральная 61, 263
 — юго-западная 32, 73, 74, 155
 — южная 66, 229 Гессен 192 Гиндукуш, горы 185 Голландия 66 Голгофа, гора 222, 247 Греция 84 Гроссето 193
 Дамаск 90, 91 Дамьетта 75, 80, 87, 243 Доберлуг, монастырь 126 Доннерсберг, гора 252, 264 Драва, р. 165
 Древний Восток 23
 Европа 23, 26, 27, 64, 159, 244
 — Восточная 47, 179
 — Западная 47, 186, 222, 223
 — Центральная 22, 3
 — Юго-Восточная 179
 — Южная 223 Евфрат, р. 26
 Египет 26, 63, 64, 74, 75 Еси 33
 273
 Зальцбург 252 Зангерхаузен 25/ Западно-Франкское государство 222 Зост /22
 Иерусалим 25, 64, 68, 80, 88, 90, 91, 146, 151, 185, 222, 247 Иерусалимское королевство 159
 Индия 22, 227 Испания 84, 155 Италия 16, 26, 28, 38, 44, 88, 176, 189, 239, 250
 — северная 26, 36, 37, 78, 88, 104, 138, 146, 160, 198, 229, 250
 — центральная 26, 65, 104, 198, 229
 — южная «32, 45, 47, 58, 84, 213
 Кавказ 185 Каир 75, 90 Кайзерслаутерн 252 Калабрия 43, 56, 151 Кампания 38, 81, 106, 193 Каносса 27, 29, 96 Капаччио 193
 Капитаната (Катепанат) 106 Капуя 81, 108, 142 Каринтия 229 Кастель-дель-Монте, замок 106, 108, 215 Кастилия 36, 166 Каталония 2/6" Катания 128 Кёльн 61, 68, 123, 236 Киль /27 Кипр 36, 38, 90
 Киффхаузен, замок 14, 15, 228, 252, 258, 262, 264
 — гора 268 Кольмар 234, 237 Комо, оз. 70 Константинополь 26, 27, 36, 254
 Констанц 59, 60, 87 Кортенуова 166, 169, 170 Кремона 58, 88, 116, 125, 127,

146, 161, 166, 198 Кур 59
 Ламбро, р. 58
 Лангензальца 263
 Ландау 35
 Ландсхут 255
 Ла-Рошель 66
 Лаузиц, Лаузицкая (Лужицкая) марка /25, 126
 Лаутерберг, монастырь 67
 Ла-Чиза, перевал /97
 Лех, р. 77, 158, 163, 179
 Лечче 50
 Лигница 182
 Лилль 67, 233
 Лион 185, 194, 202, 210
 Лоди 146
 Ломбардия 79, 146, 156, 166, 170, 200
 — западная 196
 — восточная 196 Лотарингия 194 Лукка 88
 Лучера 83, 84, 106, 204, 214 Любек /25, /27, 234, 236
 Маас, р. 26, 125 Майнц 31, 61, 140, 149, 154, 158
 274
 Малая Азия, п-ов 32, 265 Мальта, о. 85 Мантуя 59, 166 Марбург 140, 158, 193 Марсель 64 Мекленбург
 126 Мельфи 97, 128, 151 Мерано 59
 Мессина 37, 81, 101, 105, 213 Мец 117, 118 Милан 87, 99, 146, 159, 168 Модема 88, 161 Мозель, р. 37
 Монгольская империя 179 Мон-Сени, перевал 212 Монте-Кассино 87 Монте-Марио 78 Монферрат 146
 Мург, плоскогорье 106 Мюльхаузен 38, 234 Мюнстер 263
 Неаполь 86, 90, 101, 214
 Никастро 151
 Нил, р. 26
 Новара 144
 Нойс 236, 249
 Нордхаузен 264, 268
 Нормандия 47
 Нюрнберг 55, 122, 124, 137, 149
 Орвьето 146 Остерланд 191 Остия 80 Отранто 90
 Павия 58, 88 Падуя 171
 Палермо 11, 12, 33, 45, 49, 50, 51, 53, 56, 81, 85, 105, 106
 Палестина 80, 93, 106 Папская область 36, 183 Париж 267
 Парма 88, 110, 115, 161, 202 Пассау 189 Персидский залив 185 Перуджа 229 Пиза 58, 84, 88 Плейсе, р. 258
 Плекенпас, перевал 116 Польша 229 Поццуоли 90 Прованс 36, 212, 250 Пуату 66 Пфальц 34, 146
 Пьемонт 200 Пьяченца 162, 168
 Равенна 37, 116, 132, 139, 179,
 198, 202 Регенсбург 128, 134, 149, 211,
 246
 Реджо 161 Рейн, р. 30, 165
 — верхний 60, 188
 — нижний 64, 66, 196, 202 Рейнхардсбрунн, монастырь
 192
 Рейхенхалль 252 Риети 144 Рим 27, 42, 56, 65, 70, 170, 178,
 248
 Римини 148 Римская империя 26
 — Восточная 26
 — Западная 26, 27 Ройтлинген 194 Романья 37, 148, 177 Рона, р. 26, /25 Рюген, о. /27
 275
 Савона 202
 Саксония, герцогство 30, 255
 Саксония, пфальцграфство
 191
 Салерно 86, 178 Салейф, р. 32 Сан-Бонифацио /62 Сан-Джермано 87, 94, 111 Сан-Джиминьяно 230
 СанктТаллен 59, 130 Санкт-Николаус 129 Сардиния 66 Святая Земля 64, 65, 75, 78,
 159, 181, 184, 245 Святой Город (Иерусалим)
 63, 182 Священная Римская империя
 (германской нации) //, 13,
 27, 43, 184, 206, 265 Семиградье (Трансильвания)

/27

Сеута 23 Сиена 146 Силезия 229 Сиракузы 101 Сирия 63, 221 Сицилийское королевство //,
/59, /76, 181, 187, 196, 200,
227 Сицилия, о. 16, 23, 32, 34, 35,
36, 37, 38, 44, 46, 47, 54, 58,
65, 66, 69, 76, 78, 81, 86, 95,
102, 138, 145, 146, 149, 178,
193

Сона, р. /25 Сполето, герцогство 87, 89, 177,
196, 202

Средиземное море 23 Средиземноморье 26 Страсбург 26, 73, 76, 130, 134

Тальякоццо 214 Тарент 50

Тегернзе, монастырь 71 Тибур (Тиволи) 222 Тоскана 213 Трансильвания /27 Тревизанская марка 193

Триент 59, 124 Триест 2/2 Триполитания 36 Трифельс, замок 35, 150 Туль 61 Тунис 36 Турин 186, 188

Тусция (Тоскана) 36 Тюрингия 40, 56, 165, 191, 195, 251, 255, 268

Ульм 70 Унструт, р. /79 Унтерсберг, гора 252 Утрехт 242

Фаэнца /79 Фейтсхёххейм 193 Фландрия 66, 233 Флоренция 79, 138, 230 Фогтланд 191

Фоджа 104, 109, 116, 203, 230 Фолиньо 35, 37, 46, 48 Франкенхаузен 262, 264 Франкфурт-на-Майне 55, 61,
76, 141, 143, 152, 194, 259 Франция 35, 147, 233

— северная 66

— южная 64 Фридрихрода 174 Фриуль 116, 148 Фрицлар 174, 191 Фульда /55

276

Фьоре 43, 224 Фьорентино, замок 204

Хагенау 61, 73, 135, 154 Ханаан (библ.) 106

Цюрих 234

Чепрано 94, 111 Чивндале 132, 135, 143, 148 Чивитавеккья 184

Швабия 54, 59, 69, 173, 195 ШвебишТмюнд 180 Швебиш-Халль 191, 225, 241 Швельм 122 Шельда, р. 26,

125 Шпейер 117, 134, 163 Штирия 148, 162, 229, 239

Эберсбах, монастырь 149

Эгер 65

Эйдер, р. 126, 165

Эйзенах 176, 261

Эйнбек 262

Эйслебен 263

Эльба, о. 182

Эльба, р. 26, 120, 125, 126

Эльзас 26, 34, 46, 70, 73, 130,

146

Энгадин 59 Эрфурт 174 Эслинген 182 Этна, вулкан 227 Эфиопия 109, 244

Юберлинген 60, 118 Яде, р. 141

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Август, римский император

35, 97, 100 св. Августин 218 Аверроэс /// Агнесса Богемская 130 аль-Адил, султан 63 Адольф Кёльнский,
архиепископ 39 Адсон 222 Айцнер, Лазарь 252 Александр Македонский 2/9,
220

Александр Ресский 260 Алексей III, византийский

император 36 Алексис, Виллибальд 232 Альберт Антиохийский 185 Альберт Вехам 189 Альберт

Штадский 241 Альбрехт, герцог Саксонский

203 Альбрехт, ландграф Тюринг-

ский 258 Альфонс X, король Кастилии

216

Амадей Савойский, граф 199 Андраш II, король Венгрии

/27

Анна, ландграфиня Тюрингская

261

Ансельм фон Юстинген 146 Антоний, римский император

35

Аристотель 97, 111 Арндт, Катарина 106 Арнольд Брешианский 240 Арнольд, доминиканец 191,

225, 241, 242

Арнольд, доминиканец 191, 225, 241, 242

Арнольд, доминиканец 191, 225, 241, 242

Арнольд, доминиканец 191, 225, 241, 242

Арнольд, доминиканец 191, 225, 241, 242

Арнольд, доминиканец 191, 225, 241, 242

Арнольд, доминиканец 191, 225, 241, 242

Арнольд, доминиканец 191, 225, 241, 242

Арнольд, доминиканец 191, 225, 241, 242

Арнольд, доминиканец 191, 225, 241, 242

Батый /79, 181
 Беатриса Швабская, супруга императора Оттона IV 56, 59
 Бела IV, король Венгрии /59, 168, 181, 212
 Берард Палермский, архиепископ 84, 114, 116
 278
 Беренс Г. Г. 264, 265 Берта Эссенская, *аббатиса* 237 Бём, Ганс 19 Бисмарк, Отто фон 270 Бруно Мейсенский, епископ 122
 Буркарт фон Гогенфельс 136 Буркхард фон Урсберг 70 Буркхардт из Страсбурга 26, 74
 Ваал (библ.) 109
 Вальд, Петр (Вальдо, Пьер) 190
 Вальдемар II, король Дании 126, 129 Вальтер Палеарский 49, 50, 51, 76, 81, 84 Вальтер фон дер Фогельвейде 19, 20, 21, 40, 42, 62, 63, 71, 77, 78, 92, 93, 96, 117, 120, 121, 125, 126, 136, 137, 240, 241, 254
 Вельфы 30, 31, 32, 39, 145 Венцель I, король Богемии 212 Вернер фон Боланден 118 Веттины 256, 259
 Вильгельм I Гогенцоллерн, император Германской империи 269 Вильгельм I, король Сицилии 47 Вильгельм II, король Сицилии 32, 47 Вильгельм Голландский, король Германии 164, 195, 202, 211, 216
 Вильгельм Каппароне 50 Вильгельм Фландрский 195 Вильденштейн, фон, рыцарский род 122
 Виттельсбахи 232
 Водан (мифол.) 220, 245, 252, 264 Вольфрам фон Эшенбах 21, 121, 136
 Гартман фон Ауэ 136, 227
 Гаупт, Герман 254
 Габсбурги 177, 266
 Геббельс, Йозеф 12
 Гейне, Генрих 13, 15, 267, 268, 269
 Генрих, сын Фридриха II и Изабеллы Английской 199
 Генрих (VII), король Германии, герцог Швабии, старший сын Фридриха II 17, 57, 69, 76, 77, 78, 89, 116, 119, 121, 123, 124, 125, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 151, 152, 154, 163, 165, 173, 195, 199, 212, 239, 243
 Генрих I, король Германии 29, 179
 Генрих III, император Священной Римской империи 29
 Генрих IV, император Священной Римской империи //, 27, 94, 120, 223
 Генрих V, император Священной Римской империи 29, 30
 Генрих VI, император Священной Римской империи 13, 18, 31, 32, 33, 34, 36, 37, 38, 43, 46, 66, 77, 81, 102, 126, 136, 176, 220
 279
 Генрих Брауншвейгский, герцог 128, 129, 237 Генрих Гордый, герцог Баварии и Саксонии 30, 31 Генрих Лев, герцог Баварии и Саксонии 31, 32, 38, 40, 154 Генрих Распе, ландграф Тюрингский 158, 163, 165, 174, 189, 191, 192, 194, 195, 196 Генрих Сиятельный, ландграф Тюрингский 259 Генрих фон Фельдеке 31 Генрих Шверинский 126, 127 Георге, Штефан 12 Гервазий Тильберийский 227 Герман I, ландграф Тюрингский 157
 Герман II, ландграф Тюрингский 157, 191, 192, 258 Герман Баденский, маркграф 128
 Герман фон Зальца 75, 78, 92, 94, 127, 143, 149, 150, 156, 158, 178, 179
 Гернот Нинбургский, аббат 122 Герок, Карл 269 Гёррес, Йозеф 266 Гертруда Меранская 157 Гертруда фон Бабенберг 188 Герхард фон Диц, граф 118 Гогенцоллерны 270 Гогенштауфены 56, 74, 80, 167, 171
 Голиаф (библ.) 58 Гомер 23
 Гонорий III, папа 69, 75, 76, 78, 82, 83, 84, 86, 87, 89, 139, 151 Готфрид Страсбургский 21, 136 Готфрид фон Нейфен 136
 Григорий I Великий, папа 219 Григорий VII, папа 28, 161, 223 Григорий IX, папа 80, 89, 90, 94, 99, 100, 115, 135, 139, 142, 144, 151, 156, 157, 161, 162, 171, 172, 173, 178, 179, 182, 183, 188, 190, 203 Григорий Монтелонгийский

170, 197 Гримм, Якоб и Вильгельм 267
 Давид (библ.) 58 Даниил (библ.) 26 Данте Алигьери 114 Детмар Любекский 235 Дипольд Ачеррский 48
 Дипольд фон Швейншпойнт 40 Дитрих Бернский (лит.) 37,
 219, 220, 227, 245 Дитрих Хольцшу (Тиль
 Колуп) 236, 239 Дицманн, брат Фридриха
 Смелого 237 Дольчино 250 Доминик Гусман 138
 Елизавета Баварская, супруга Конрада IV 188, 195
 Елизавета Тюрингская, ландграфиня (ев- Елизавета) 139, 157, 159, 179, 191, 192
 Жан де Бриенн, король
 Иерусалимский 63, 88, 93
 Зайн, фон, граф 140 Зигфрид II фон Эппенштейн,
 архиепископ Майнцский
 68, 117, 118, 133
 280
 Зигфрид III фон Эппенштейн, архиепископ Майнцский 63, 174, 176, 179, 180, 189
 Зигфрид Регенсбургский, епископ 131
 Зольмс, фон, граф 140
 Иван IV Грозный 232
 аль-Идриси 23
 Игова (библ.) 106
 св. Иероним 26
 Изабелла Английская, третья
 супруга Фридриха II 123,
 147, 151 Изабелла де Бриенн, вторая
 супруга Фридриха II 88,
 151, 152
 Изенбург, фон, граф 122 Илия (библ.) 25/ Иннокентий III, папа 13, 28, 38,
 40, 43, 45, 48, 49, 52, 55, 58,
 62, 63, 65, 67, 68, 71, 75, 84, 86,
 89, 139, 151, 183, 186 Иннокентий IV, папа 68, 69,
 184, 186, 187, 191, 200, 203,
 210, 211, 225, 241 Иоанн, пресвитер, легенд.
 христианский правитель
 на Востоке 109, 244 Иоанн XXII, папа 184 Иоанн Безземельный, король
 Англии 66, 67 Иоанн Богослов 172, 218, 221,
 225
 Иоанн Солсберийский 36 Иоанна, графиня Фландрская
 233 Иоахим Флорский 92, 191,
 208, 220, 221, 223, 224, 226,
 241
 Иов (библ.) 22, 202 Иоганн Винтертурский 244,
 247, 248, 251, 253, 255 Ирина, супруга Филиппа
 Швабского 36, 152 Исаак II Ангел, византийский
 император 36 Исайя (библ.) 22, 226 св. Исидор 28
 аль-Камил, султан 90, 91, 92, 94, 169
 Канторович, Эрнст 12, 207
 Капетинги 17, 67
 Карл I Анжуйский, король Сицилии 212, 213, 214, 215, 228, 229, 259
 Карл IV Люксембург, император Священной Римской империи 232, 248, 250
 Карл V Габсбург, император Священной Римской империи 256
 Карл Великий 26, 27, 68, 100, 126, 215, 219, 253, 260
 Конрад I, «король Сицилии» (см. Конрад IV, король Германии) 213
 Конрад II, император Священной Римской империи 26
 Конрад III, император Священной Римской империи 30, 119, 164
 Конрад IV, король Германии, второй сын Фридриха II 93, 151, 159, 163, 165, 173, 176, 181, 182, 184, 187, 188, 191,
 194, 195, 202, 204, 208, 210, 211, 212, 213, 241
 281
 Конрад Вюрцбургский, епископ 122
 Конрад Марбургский 138, 139, 140, 141, 158
 Конрад Санкт-Галленский, аббат 129
 Конрад Тюрингский, гроссмейстер Немецкого ордена 174, 179, 192
 Конрад фон Винтерштеттен 118, 136
 Конрад фон Урслинген, герцог Сполетский 35
 Конрад фон Хохштаден, архиепископ Кёльнский 180, 202
 Конрад фон Шарфенберг, епископ Шпейера и Меца 117, 118

Конрад Хильдесхаймский, епископ 140, 144
Конрадин, сын Конрада IV 2/3, 255, 259
Константин I Великий, римский император 27, 28, 218
Констанций, римский император 222, 227
Констанция, супруга императора Генриха VI, мать Фридриха II 32, 33, 38, 47, 86
Констанция Арагонская, супруга императора Фридриха II 53, 69, 76, 78, 81, 258
Коперник, Николай 23
Косьма Индикоплевст 22
Ландольф Вормсский, епископ 150, 151
Лев III, папа 26
Лейбниц, Готфрид Вильгельм 262
Леонардо Фибоначчи /// Леопольд Австрийский, герцог 124, 130 Лже-Балдуин (мнимый граф Фландрский) 233, 234 Лже-Вальдемар (мнимый маркграф Бранденбургский) 232 Лжедмитрий 232 Лже-Фридрихи (мнимые императоры) 232, 243, 270 Лотарь Супплинбургский, герцог Саксонский, король Германии 30 Лоц, фон, графиня 140 Людвиг I Баварский, герцог 94, 125, 128, 129, 130, 131 Людвиг II Баварский, герцог 214
Людвиг IV Баварский, император Священной Римской империи 184, 246, 248, 249 Людвиг IV Тюрингский, ландграф 157 Людовик VII, король Франции 222 Людовик VIII, король Франции 61, 123, 147, 168, 212, 233 Людовик IX Святой, король Франции 173, 183, 200, 203 Лютер, Мартин 14, 42, 255, 256, 261, 263
Максимилиан I Габсбург, император Священной Римской империи 254 282
Манфред, король Сицилии, внебрачный сын Фридриха II 199, 204, 207, 212, 213, 215, 216, 258, 265
Маргарита Австрийская, супруга Генриха (VII) и Оттокара II 123, 124, 130, 135, 212, 259
Маргарита, дочь Фридриха II 192, 227, 258
Марквард фон Аннвейлер 33, 35, 37, 48, 50
Маркс, Карл 268
Матвей Парижский 187, 206, 207
Мерлин, герой кельтского эпоса 226
Михаил Скотт 109, 113
Моисей (библ.) 22, 115, 172
Мухаммед, пророк 115
Мюнцер, Томас 263
Наполеон I Бонапарт 266 Николаус, предводитель детского крестового похода 64
Ольденбург, фон, графы 141 Орландо ди Росси 193, 197 Освальд Писатель 245, 251, 253
Отто фон Ботенлаубен 136 Оттокар I Пржемысл, король Богемии 124 Оттокар II Пржемысл, король Богемии 212, 239 Оттокар, хронист 243, 244 Оттон I, император Священной Римской империи 27, 65, 66, 179
Оттон II, герцог Баварский 128, 149, 180, 188 Оттон IV Брауншвейгский, император Священной Римской империи, граф Пуату 28, 38, 39, 54, 58, 61, 67, 70, 71, 73, 78, 79, 96, 119, 123, 126, 160, 227
Оттон Вюрцбургский, епископ 118, 122
Оттон из Санкт-Николауса, кардинал 129
Оттон Люнебургский 127, 128, 129, 130, 142, 147, 154, 192 Оттон Фрейзингенский 34, 219, 227
Оттоны, императоры Священной Римской империи 18, 29
св. Павел 178
Педро III, король Арагона

и Каталонии 216 св. Петр 79, 178, 190 Петр Винейский 97, 114, 160, 171, 201, 203 Петр Циттауский 260 Потье, Эжен 269 Плантагенеты 17 Преториус 264, 267 Птолемей, Клавдий 23 Пьетро Тьеполо /66
 Райнер Витербский, кардинал 183, 186, 188, 196, 207
 Райнальд Капуанский, архиепископ 84
 Риккард Казертский, граф 199
 Риккард Тетский, граф /99
 283
 Риккард Филангьери 90 Ричард I Львиное Сердце, король Англии 32, 38, 41, 126 Рожер II, король Сицилии 23, 47
 Роланд (лит.) 219 Роте, Иоганнес 26/, 262 Рудольф I Габсбург, король Германии 164, 210, 215, 235, 237, 239, 243, 244, 249, 259
 Рудольф Эмский 136 Рюбецаль (мифол.) 269 Рюккерт, Фридрих 264, 266
 Саладин, султан 26 Салимбене 115, 226, 237 Сильвестр, папа 190 Синибальдо Фиески, кардинал (папа Иннокентий IV) 183 Стефан, предводитель детского крестового похода 64
 Таддеус (Таддео) Суэский 186, 187, 198
 Танкред Леччейский 32, 33 Тассилон, герцог Баварский 121
 Тёпфер, Бернхард 22/ Тибальд Франциск 193, 194, 196, 197 Тиль Колуп — см. Дитрих
 Хольцшу 236, 237, 239, 240, 242, 247, 262 Томас Аквинский, граф
 Ачерры 116, 199 Томас Гаэтский 82, 84 Томас Капуанский 94, 178 Томас Экклстонский 225
 Уберто Паллавичини, маркграф /99, 202
 Уго (Уголино ди Сеньи), кардинал, епископ Остии, будущий папа Григорий IX 80, 89
 Ульрих фон Винтерштеттен /36
 Ульрих фон Гуттен 14, 129
 Ульрих фон Тюрхейм /36
 Урбан IV, папа 2/3
 Фейхтвангер, Лион 232 Ферингены, швабские графы 74
 Филипп II Август, король Франции 41, 55, 61, 66, 123, 124, 215
 Филипп, герцог Швабский, король Германии 28, 36, 38, 70, 73, 152, 216 Фойгт, Георг 270 Фома Аквинский 116 Франц II Габсбург, последний император Священной Римской империи германской нации 266 Франц фон Зиккинген /29 Франциск Ассизский 89, 138, 157, 190
 Фрейданк 19, 192, 195 Фридрих I Барбаросса, император Священной Римской империи //, 13, 14, 15, 26, 27, 31, 32, 34, 35, 47, 69, 87, 152, 159, 167, 170, 210, 219, 222, 240, 243, 253, 255, 261, 265, 266, 265, 269, 270 284
 Фридрих II Гогенштауфен, император Священной Римской империи, король Сицилии //, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 23, 30, 35, 37, 38, 43, 45, 46, 49, 53, 55, 58, 60, 61, 62, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 108, 109, 110, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 123, 124, 126, 127, 128, 129, 131, 132, 133, 137, 138, 139, 142, 143, 144, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 186, 187, 190, 191, 192, 193, 194, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 215, 216, 217, 218, 220, 221, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 234, 235, 236, 237, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 267, 269, 270
 Фридрих III Габсбург, император Священной Римской империи 253
 Фридрих III Мудрый, курфюрст Саксонский 253, 256
 Фридрих Красивый, король Германии (Фридрих III, герцог Австрийский) 246, 259 Фридрих Непокорный, герцог Австрийский 148, 151, 161, 162, 188, 195 Фридрих Смелый, ландграф Тюрингский, маркграф Мейсенский, внук

Фридриха II 192, 199,
216, 227, 237, 256, 259,
260, 270 Фридрих, императорский
капеллан 74 Фридрих Антиохийский,
сын Фридриха II /99,
213
Цвейг, Арнольд 105 Целестин III, папа 33 Целестин IV, папа 183 Церингены 70
Чебиц, Герхард 254, 255 Чингисхан /79, 185
Шварцбург, фон, граф 263
Шиллер, Фридрих 164, 232
Шмидт, Конрад 25/
Штауфены //, 12, 16, 19, 26, 30, 31, 36, 38, 58, 59, 74, 124, 128, 131, 159, 163, 177, 180, /92, /95, 207, 209, 258
Шультхайс Г. 248
Эберхард фон Вальдбург 118 Эгельгус, Теодерих 262 Эйке фон Репков /53 Элиас Кортонский 190
285
Элленгард Страсбургский 237, 240, 243, 244
Эммерих, король Венгрии 53
Энгельберт I Кельнский, архиепископ 77, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 128, 137, 147, 234
Энгельс, Фридрих 16, 20, 209, 223
Энцио (Хейнц), король Сардинии 170, 178, 193, 197, 199, 202, 2/3, 2/5
Эццелино да Романо 138, 162, 193, 196, 199
Юстиниан I, византийский император 96, 97
Яне Эникель 230

Императорская династия Гогенштауфенов, пожалуй, наиболее ярко олицетворяет собой высокое немецкое средневековье. Однако именно этим монархам в отечественной историографии уделялось явно недостаточное внимание. Образовавшаяся лакуна начала заполняться лишь в последние годы. Но если фигуре Фридриха Барбароссы в последние годы было посвящено достаточно большое количество публикаций, то его внуку Фридриху II Гогенштауфену повезло в этом смысле значительно меньше. Тем не менее, масштаб этой личности сопоставим с такими фигурами как Юлий Цезарь или Карл Великий. Он причудливым образом сочетал в себе черты воинственного рыцаря, искателя приключений и восточного деспота. Это был редкостно образованный для своей эпохи человек, обладавший недюжинным умом и политическим талантом. "Преобразователь мира" и "удивление света", он воплотил в себе все противоречия средневекового мира. Крестоносец, отлученный от церкви, император Священной Римской империи, выступивший против папы, христианин, имевший гарем и принимавший на службу сарацин, Фридрих II был столь же противоречив, сколь и многогранен. Так кем же был Император Фридрих II Гогенштауфен — Богом или Дьяволом?

160-00

ISBN 5-8071-0117-0

9 785807 101174